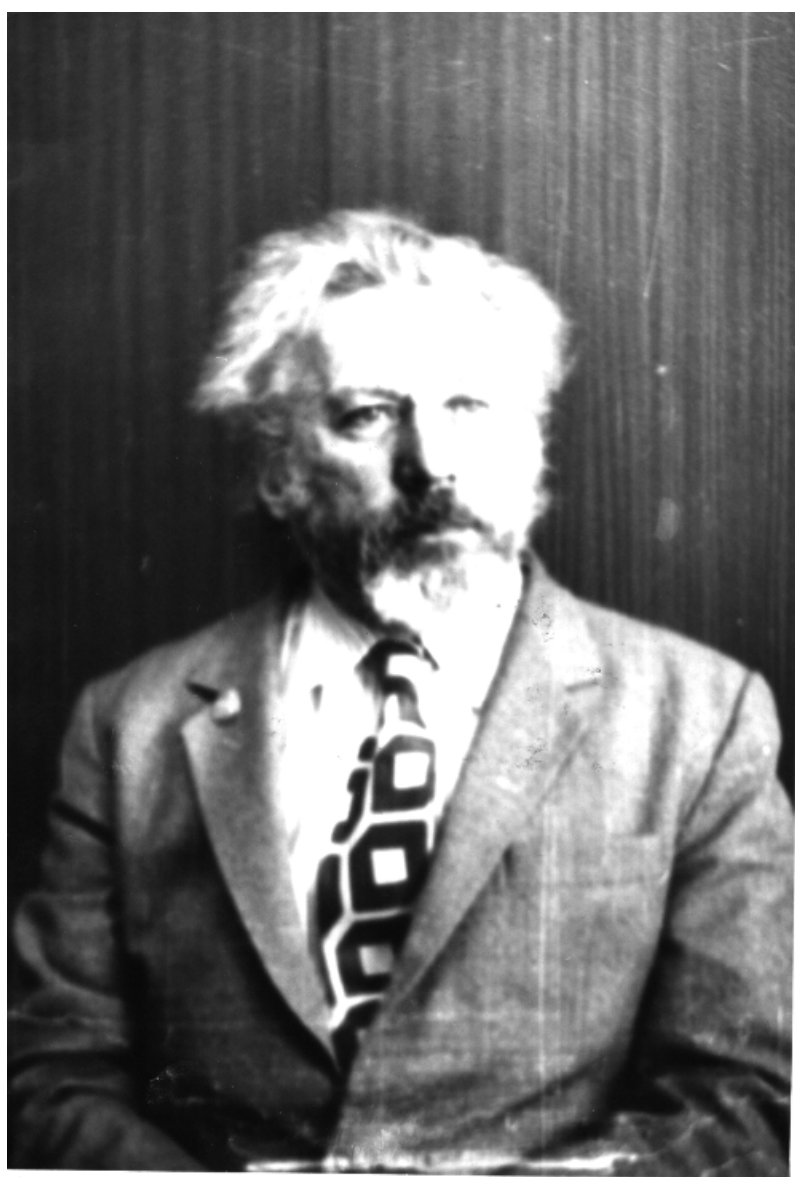

А. Н. ЧАНЫШЕВ

(Арсений Прохожий)

МОЯ ЖИЗНЬ

(воспоминания лоха)

Москва 2010

Рукописи, восставшие из пепла

Московский литературный клуб «Феникс» им. М.А.Булгакова
ЛИТО Эдмунда Иодковского

А.Н.Чанышев. Моя жизнь (воспоминания лоха). Публикация Комиссии по литературному наследию. М. «Феникс», 2010 г., 250 стр.

Арсений Николаевич Чанышев – как истинный Герой Уходящего Времени, в начале XXI века освоил компьютер. И мужественно, слово за словом, печатал двумя пальцами свои статьи, стихи. И вот перед вами его воспоминания и размышления о своей жизни, о времени, когда он жил. В них отражение мятущейся, глубокой, честной перед Вечностью души. Мы старались оставить пунктуацию, изменение шрифта такими, какими он сохранил на дискете.

***Поэзии в ней нет –
Зато немало прозы.
Нет розы без шипов –
Но есть шипы без розы.***

*

***Эта жизнь — не по Сеньке.
Я — проигранный сет.
Кто не делает деньги —
Того в сущности нет.***

*

***Я не философ – я поэт.
Лечу как бабочка на свет.
Я ничего не получу –
Я только жизнь укорочу.***

Комиссии по литнаследию

*В.Галкин, Э.Белевская, В.Ковда, А.Курушин (секретарь), М.Ляндю,
Н.Семенова, В.Семенов, Л.Алабин, В.Капианидзе, В.Лён.*

Введение

Чанышев Арсений Николаевич (18.04.1926, Новочеркасск -3.08. 2005, Москва). Родился 18 апреля 1926 г. в г. Новочеркасске Ростовской обл.

Поступил в Московский государственный Университет им. М.В.Ломоносова (философский факультет) в 1947 г. Окончил с отличием в 1952 г.

Кандидат философских наук (1956), доктор философских наук (1984).

Профессор кафедры истории зарубежной философии философского факультета (1992).

Именно в Университете (1947 – 2003 гг.) А.Н.Чанышев прошёл становление как философ, ученый, поэт и гражданин своей Родины.

Им опубликованы философские и публицистические статьи, философские монографии, учебные пособия и учебники по теории и теории философии.

Основные труды:

«Эгейская предфилософия» (1970),

«Италийская философия» (1975),

«Курс лекций по древней философии» (1981),

«Аристотель» (1981, 1987),

«Курс лекций по древней и средневековой философии» (1991).

«Философия Древнего мира» (1999, 2001, 2003)

«Введение в любомудрие» (2000, 2002)

Область научных интересов: проблема бытия и небытия, мировоззрение и его виды, философия как вид мировоззрения, генезис философии, особенности древней философии и др. Тема докторской диссертации: «Генезис философии и её ранние формы».

Лауреат Ломоносовской премии 2000 года за научную работу по теме «Виды мировоззрения и генезис философии в прошлом и настоящем».

Одна из ярких его работ: «Трактат о небытии» (1962 г., первая публикация – «Вопросы философии», 1990 г.). Выступление А.Н.Чанышева по этому трактату на XX Всемирном философском Конгрессе (США, Бостон) 13 августа 1998 года вызвало несомненный интерес. Будучи официально приглашенным на XXI Всемирный философский Конгресс (Турция, Стамбул; август 2003 г.) с докладом «Проблема Небытия», не смог туда явиться по состоянию здоровья. Его доклад был зачитан на английском языке на секции «Онтология». Был назван «Человеком 2004 года» по разделу «Философские науки».

Публицист и активист времен «перестройки». Автор «Декларации антитоталитариев».

Поэт. Член Союза писателей России (2001г.). Литературный псевдоним Арсений Прохожий. К особенностям поэзии А.Н.Чанышева следует отнести

чувство нравственной правоты, традицию социально-философской критики. Судьбы современников в его поэзии predeterminedены историческим прошлым, в частности, сталинским режимом.

В 1999 году вышли в свет пять самиздатских книжечек поэзии и прозы Арсения Прохожего: «Я счастлив» (из стихов 1963 – 1967 г.г.), «Агония» (стихи), «Софья» (стихи, посвященные памяти убиенной дочери Софьи, 2003 г.), «Пифагор» (комедия идей), «Рассказы». В 2000 году вышел самиздатский сборник его стихов «Если дарят цветы». В 2002 году – самиздатский хронологический (с 1943 по 2001г.г.) сборник стихов «Издранное».

СЛОВО О А.Н.ЧАНЫШЕВЕ «ОН ФИЛОСОФ ПОТОМУ, ЧТО ПОЭТ»

Татьяна Кайсарова

Философ потому, что поэт или поэт потому, что философ... Сущность состоит в том, что уникально мыслящий человек объединяет в себе оба эти понятия. Его смелая, своеобразная, порой парадоксальная мысль настолько свободна, что может беспрепятственно перемещаться в пространстве и времени, далеко выходя за пределы обывательского представления о жизни. Она пронзает единственное, случайно данное человеку временное *бытие*, выходит за его пределы, погружаясь в безграничное *небытие* и возвращаться обратно, чтобы успеть поведать нам нечто важное, что многие из нас не в состоянии постичь сами, не смея, и даже не пытаясь задуматься об этом. Рассуждения эти не так абстрактны, как могут кому-то показаться. Они, скорее, предельно конкретны, так как относятся, в данном случае, к личности профессора философского факультета Московского государственного университета Чанышева Арсения Николаевича. Кто-то очень метко назвал его человеком – легендой. С этим невозможно не согласиться. Мудрый и добрый, непредсказуемый, порой жестоко правдивый в своих суждениях, такой антиномичный, и такой по-человечески прекрасный Арсений Николаевич жалуется на счастливыми, моментами совместной беседы, возможностью знакомиться с его поэзией, публицистикой, философскими воззрениями. Труднейшая жизнь во времени, искренние и острые переживания за судьбу России, стойкое противостояние злу и несправедливости, какие бы формы они не принимали, не сломили его духа, а только прибавили мужества и до предела спрессовали мудрость. Нам остаётся только приобщиться к тому, что так щедро дарит нам Арсений Николаевич. Это не только его известные философские и политические трактаты, но, не в последнюю очередь, и его замечательная поэзия. Поэт и философ «родились» в нём одновременно. Мне иногда кажется, что в его философских раздумьях «чистой» поэзии, зачастую, больше, чем в его острых, переполненных болью за отечество, публицистических стихах. Однако, немало в его поэзии и таких, откровенно лирических, проникновенных строк, как, например, эти:

*Посиди со мной ещё немного!
Посиди со мной! Поговорим!
Скоро, скоро кончится дорога,
Скоро отцветём и отгорим.*

*Посиди со мной, моя родная!
Посиди со мною! Помолчим!
Видишь, как печально догорает
Наша жизнь – огарочек свечи.*

*Еле тлеет без огня, без силы,
Подрывая жизненный престиж.
Отчего судьба меня взбесила
Ты поймешь, и ты меня простишь.*

Теперь же мне хочется привести отрывок из «Трактата о небытии». Так написать мог только истинный поэт: *«Небытие окружает меня со всех сторон. Оно во мне. Оно преследует и настигает меня, оно хватает меня за горло, оно на миг отпускает меня, оно ждет, оно знает, что я его добыча, что мне никуда от него не уйти. Небытие невидимо, оно не дано непосредственно, оно всегда прячется за спину бытия. Небытие убивает, но убивает руками бытия. Неслышными шагами крадется оно за бытием и пожирает каждый миг, оставший от настоящего, каждое мгновение, становящееся прошлым. Небытие гонится за бытием по пятам. Последнее стремится вперед, не разбирая дороги, теша себя мечтой о прогрессе, но впереди находит только небытие. Все большие скорости, все более высокие темпы жизни, все более дальние перемещения в пространстве, — разве это не стремление бытия хотя бы на мгновение оторваться от небытия? Но всякий раз небытие одним прыжком настигает нас.*

Оно встречает нас у нашей цели: мы бежим от него, а оно, улыбаясь, идет нам навстречу. Бытие только тень небытия, его изнанка. Оно как сверкающая всеми цветами радуги пленка нефти на поверхности океана, океана небытия.., оно как волна, бегущая перед кораблем, кораблем небытия.., оно покоится в небытии как ребенок в лоне матери... Небытие повсюду и всегда: в дыхании, в пении соловья, в лепете ребенка... Оно — сама жизнь!»

Согласитесь - невозможно не приклонить колени перед столь глубоким осмыслением волнующей темы и её столь блестящим поэтическим изложением.

Пожалуй, самое время вспомнить, что одним из эпитафий к своему неизданному собранию поэтических сочинений «Исповедь одной отверженной души» А.Н. Чанышев взял слова из романа (также неизданного) своего, трагически погибшего друга Эдмунда Йодковского «Марсианка

бродит по Арбату», которые, очевидно, полностью соответствуют его представлениям об искусстве: «...я понял, что стихи всегда должны быть острее, больнее жизни. Жизнь аморфна, порой она течет лениво, смешивая в своем течении добро и зло, притупляя нравственное чувство... Концентрат жизни – вот что такое искусство, не надо бояться обострения, гиперболизации, преувеличений - лишь бы вдохновляла тебя жажда сделать этот мир капельку лучше».

Нельзя обойти вниманием гражданскую, патриотическую лирику замечательного философа и поэта, которой он сам придаёт большое значение. И не случайно. Глубина его патриотических чувств так очевидна в следующем его стихотворении.

*Я русский. В этом боль моя –
И счастье. Радость и усталость
Люблю бескрайние поля –
Всё, что от воли нам досталось.*

*Я славянин и тем горжусь.
Люблю тебя, моё славянство,
За неосознанную грусть
И роковое постоянство.*

*От Родины не отрекусь!
Пусть ты раба! Глупа и нища.
В тюрьме, в бою, на пепелище
Всегда мы нераздельны, Русь!*

«Я так воспринимаю жизнь (пишет Арсений Николаевич Чанышев): она – страдание, но прежде всего борьба с самим собой. На эту борьбу уходит девяносто процентов сил. Я могу взять себя, как шахматную фигуру и переставить с одного поля на другое, за шиворот, хотя мне этого не хочется, но часто приходится себя заставлять. Счастлив ли я? Я счастлив, что работаю. А несчастлив – в бытовой жизни, в обыденной. Чем больше я работаю, тем лучше себя чувствую. Здесь нет никакой мистики. Просто для меня характерно депрессивное состояние, вот я и преодолеваю его не наркотиками, не алкоголем, а трудом...». Пусть Бог даст Вам энергию и силы творить и работать ещё долгие годы, дорогой профессор! Не вы ли писали: «Бог не решает наши проблемы и не делает наши дела. Он дает только силу, чтобы мы сами делали наши дела и решали наши проблемы, ведь Бог есть источник энергии и силы».

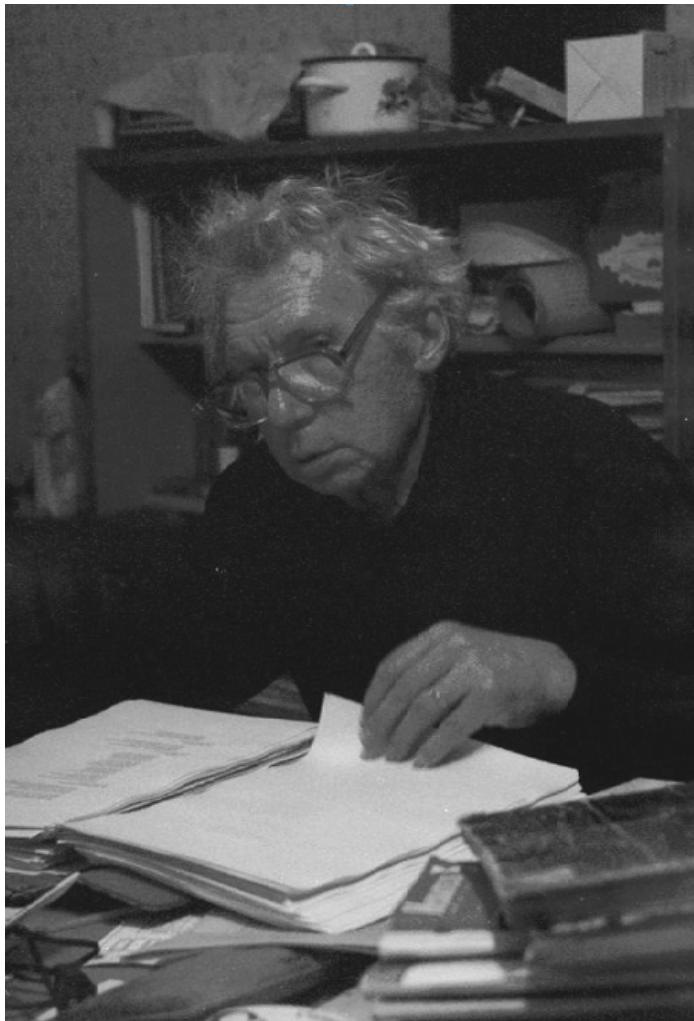
«Анонимное письмо. Вслух не читать. А.Н.Чанышеву, настоящему человеку и настоящему ученому. Спасибо за то, что вы есть. Спасибо за то, что

учите любить, от имени всех, кто сидит сегодня здесь, да вообще от имени всех, кто Вас знает и видит.

Если бы Вы знали, какое счастье видеть на своем веку третьего (а может быть и первого) философа. Не расценивайте это письмо как льстивое. Можете принять его как любовное, потому что невозможно Вас не любить. С каждым разом, проведенным с Вами, все больше и больше понимаешь, как все-таки интересно жить. Каждый сам строит свою судьбу, определяя жизнь. Но каждому нужен учитель.

Кем Вы и являетесь. Не знаю, как некоторые, но после знакомства с Арсением Николаевичем моя жизнь полностью изменилась. Может быть, под воздействием ваших замечательных стихов, может быть под воздействием наших семинарских занятий (которые и семинарскими назвать было бы грубо). А может под воздействием того, что есть ещё такой человек, который видит и учит видеть истинную ценность жизни – любовь, причем любовь не только к человеку, но и, как ни странно, любовь к знанию. Отдельное спасибо за Ваш учебник по «Философии древнего мира». Он очень помогает по ИЗФ. Вашими знаниями восхищаются все, поэтому даже если вы захотите меня вычислить (чего я думаю Вы, Арсений Николаевич, делать не будете) и вычислите (это, правда, уж слишком «следовательно» звучит) я нисколько не буду смущена, потому что уверена, что я не одинока в своем отношении к Вам...»

*(ноябрь 2003
года)*

МОЯ ЖИЗНЬ

среди расстреливающих и расстреливаемых

В России с 1 января 1921 года по 1 июля 1953 года было расстреляно 799 тысяч 455 человек

Это моя жизнь, как она представляется мне на пороге смерти. В ней нет ничего героического и даже примечательного. Это жизнь слабого человека и заурядного человека.

Сейчас 31 декабря 2003 года. 18 часов. Я один с тремя кошками. Портос, Арамис и Миледи. Атос сбежал, пользуясь суматохой, когда зачем-то сюда, ко мне «домой», то есть в общежитие МГУ (сектор Б, 1659), где у меня комната, пришли мои студенты оформлять зачет. Без кошек я не мог бы вынести свое новогоднее одиночество. 2001 год я встречал в Мюнхене, 2002 – в Египте, 2003 в ближайшем Подмосковье у знакомых, а теперь 2004 год я встречаю один с кошками. Это наилучший вариант. Арсений-мл. привез мне шотландского виски «Белая лошадь» и массу закуски: семга и др.).. Я глухой и слепой умирающий старик. Мне 77 лет. Я достиг среднего возраста японца, а в Японии наибольшая продолжительность жизни.

Я прожил жизнь в страдательном залоге. Всегда со мной что-то делали другие.

Жены. Это особенно трагически сказалось на моих отношениях с женщинами, особенно с моими пятью загговскими псевдоженами. Ни одна из них не была мне женой в подлинном смысле этого слова.

*Здесь полны вечера тишиною.
А метель колобродит опять.
Я, отвыкший от счастья, женою
Начинаю тебя называть.*

*Лишь такое богатство несметно.
Не измерить его и не счесть.
Потому, что ты так незаметна,
Понимаю я то, что ты есть.*

(ЛЕОНИД ХАУСТОВ)

Это были мелкие хищницы, которые преследовали свои, весьма далекие от моих, цели. От общения с ними у меня ничего, кроме чувства обиды и горечи, не осталось, Лучше бы их вовсе не было!

(Однако, Сатана мне нашептывает: «От хорошей жены не избавишься!»).

Мои жены, начиная со второй, были старше меня: на 15, на 18, на 22, на 20 лет. И у них была одна общая черта. У всех не было или почти не было

отцов. Отец второй жены актрисы Тамары пропал без вести под Смоленском осенью 1941 года, когда ей было всего полгода. А отчим её избивал. Когда я в ходе свадебного путешествия оказался с ней у неё в Омске и уже бывший отчим пришел знакомиться со мной, то двадцатипятилетняя девка бросилась от него в панике, а он было устремился за ней. Его остановила только моя хорошая пощёчина.

Тамара называла меня «папкой». Как-то она сказала, что хотела бы как-нибудь придти ко мне и сказать: «Папка, я влюбилась». А я вместо «папки» играл роль старого ревнивого мужа. Чего же я ждал? На что надеялся?

Отец третьей жены Людмилы был эвакуирован с заводом в Челябинск. Там он заделал Людмилу – и с заводом же вернулся в Москву. Мы как-то с ней заходили к нему. Он был стар. Вскоре он умер. Свою однокомнатную квартиру он ей так и не отказал.. А между тем урну с его прахом хоронила она. И я. Она боялась её нести. Нёс её я.

Я не боюсь мертвецов ни в мертвом, ни в живом виде, ни в теле, ни в пепле. Только я думаю, что оставлять после себя свой труп неприлично. Тем более неприлично выставлять беспомощные трупы напоказ

*О, Боже мой! Как беззащитны трупы!
Когда же запоют серебряные трубы?*

Так же неприлично публично сообщать о смерти. В нашем корпусе, где я работаю, почти каждую неделю труп, а то и два, и три! Надо декларировать не мертвецов, а новорожденных. Сообщать у кого кто вчера родился. И выставлять фотографии не покойников, а новорожденных с их мамами и папами (пап не меньше двух, ведь теперь женщины не всегда знают, от кого у них ребенок).

У четвертой жены Розы не было матери. Её мать, которая была намного моложе своего мужа, он её спас, когда она тонула в Свияге (удивительной реке, которая течет двести километров вдоль Волги, но в обратную сторону), взяв с собой младшую Риму (она потом повесилась, удрученная своим мужем и дочерью Венерой, которая уже не всегда ночевала дома, и было это в Набережных Челнах, которые переименовали в город Брежнев, а какой-то город неподалеку - в Устинов, так что автобус ходил между Брежневым и Устиновым – у наших вождей полностью отсутствовало чувство юмора), когда тот привел вторую жену (а татарину полагается вообще четыре), ушла от него, оставаясь жить в том же подульяновском (40 км. от Ульяновска) поселке Ишеевка и работая на местном текстильном комбинате, где однажды второй этаж обрушился на первый, на который она ходила мимо дома Розы, а та смотрела на свою мать в щелку забора и восхищалась её красотой («какая у меня мама красивая!»), мачеха же била её, схватив за косу, головой о стену, так что в пятилетнем возрасте Роза ходила топиться на Свиягу, но задумалась, что привезет ей из города поехавший туда отец... Но и она в 15 лет сбежала из дома в Казань, где училась в техникуме на скорняка...

И у пятой жены Евгении также не было отца. Этот матрос, женившись на её матери, береговой матроске-прачке, женщин на корабли не допускали, по военному билету, вернувшись в родное село, женился второй раз уже по паспорту, своего первого брака он не признал, не признал он и Женю в качестве своей дочери, так что далекая поездка её матери с ней к мужу и отцу, ничего кроме позора не принесла.

Да, лучше бы их не было!

Антижизнь. Впрочем это относится и ко всей моей жизни. Лучше бы её вообще не было.

Высший дар – не рожденным быть, - Если ж свет ты увидел дня,

В лоно вернись небытия родное!

(говорит Силен у Софокла. Софокл. Эдип в Колоне.1224).

«Рассказывается также какая-то побасенка о Силене, который пойманный Мидасом, вместо выкупа сделал ему этот подарок: он научил царя, что «не родиться есть высшее счастье для человека, а самое ближайшее к нему (счастью) – как можно скорее умереть» (Цицерон. Тускуланские беседы. I. XLVIII. 115).

Что было самым плохим в моей жизни? Моя патологическая застенчивость и робость. Как у Боккаччо – автора «Декамерона». Он был жертвой деспотизма отца. Я был жертвой деспотизма матери. Что было ещё самым плохим в моей жизни? Я жил в стихии лжи! Будучи по натуре бесхитростным и весьма доверчивым, я раз за разом становился жертвой обмана. Один мой знакомый сказал : *«Я всю жизнь старался думать о людях как можно хуже. Но теперь я вижу, что всю свою жизнь я оставался идеалистом».* Я не могу о себе этого сказать. У меня не было общей установки на человека как такового. Я просто не думал об этом. Моя исходная позиция - благожелательность. Но увы! Она и надевала шоры на мои глаза. Моё мирочувствование: мир ко мне враждебен. У меня не было врагов. Но у меня были друзья.

**Я в мир пришёл с душой робкой.
Таким, как я, не место здесь.
Шёл не проспектом – крался тропкой,
Но всё равно был виден весь.**

**Не знал людей. Собой был занят.
Врагов в друзьях не узнавал.
Всегда «на пять» сдавал экзамен.
Всё знал... Одну лишь жизнь не знал.**

Человек. Человек подл. Люди хорошо относятся друг к другу, если им это ничего не стоит. И они сочувствуют добру, если им это ничего не стоит. Даже какой-нибудь киллер, забежавший между двумя убийствами в кино на

детектив, на стороне положительного героя, который ловит киллера. Ведь интересы этого экранного героя с интересами киллера-зрителя не пересекаются. Ведь не его он ловит. Так же и люди добры друг к другу - до поры до времени. Пока не столкнутся их интересы. Пока они не встретятся на узком мосту, где разойтись невозможно. Здесь уже человек человеку волк. Конечно, бывает, что один вдруг захочет великодушно уступить другому и позволит ему пройти по себе, но это совершенно противоестественно.

Коммунистическая идея. Трагическая ошибка истинных коммунистов в том, что они хотели, притом насильственно, из говна сделать конфетку. Их представления о человеке были упрощенными. Они думали, что для этого достаточно ликвидировать частную собственность.

*У классиков всё гладко на бумаге:
Экспроприировал хозяев – и пляши.
Да только позабыли про овраги
И бездны человеческой души.*

Из поэмы «Литва» (август-сентябрь 1975 года)

Слов нет – частная собственность, когда то, что надо многим, есть только у части этих многих, оттого она и «частная» (и мы здесь говорим не о роскоши, а о самом необходимом), - громадный источник соблазна к криминальному перераспределению этой собственности, то есть к мошенничеству, воровству, грабежу, разбою, убийству. Коммунисты думали, что вместо множества ограблений надо провести одно большое ограбление – лишить всех собственников собственности и навсегда её запретить. Пусть человек ни чем не владеет, а только пользуется. И вот здесь- то якобы упраздненное неравенство (богатый – бедный) снова торжествует! Пользование было поставлено в зависимость от социального положения пользователя. Корыто общее, но ложки разные – вплоть до совсем маленьких и дырявых. Были «ОНИ» и были «МЫ».

В закрытых буфетах, распределителях, санаториях всё стоило «ИМ» копейки. Поэтому люди стали стремиться не производить, а получать. И вот здесь то и проявилась подлая натура человека. Гони её в дверь – она лезет в окно. Место прямого обогащения занял карьеризм. Пользование материальными благами зависело от службы. На первое место вышло не производство, а распределение. Это то, что Аристотель называл распределительной справедливостью, противопоставляя её уравнительной рыночной справедливости. При распределительной справедливости более заслуженным перед обществом гражданам предоставляются и большие материальные блага. У нас же заслуженность состояла в учении заслужить у начальства теплое местечко.

Мы даже жизнью своих не имели, а всего лишь пользовались ими, пока на то была воля нашего начальства.

Я, Чанышев Арсений Николаевич (литературные псевдонимы: Артемий Михайлов, Арсений Никитин, Арсений Прохожий, Арсений Сонин), родился

18 апреля 1926 года. Мой первый адрес: Ростовская область, город Новочеркасск, Аксайская улица, дом 127.

Мать. Моя мать - Александра Иакинфовна Чанышева (18.02. 1895 – 05.05.1978). Москвичка. В Москве она родилась. В Москве она жила. В Москве она умерла. В Москве жили её родители, её братья и сестры. На Большой Грузинской улице. Моя бабка по матери, умерев в тридцать пять лет, родила тринадцать детей, из которых выжило восемь: три брата и пять сестер. Значит 5 умерло в детстве.

Да, детей лучше не иметь. Лев Толстой описывает, как с рождением сына Левин (?) остро почувствовал, как возросла его уязвимость. А если иметь, то много. Поэт-песенник Исаковский рассказывает в своей автобиографической повести, как его отец смущался, натолкнувшись на него. Будущий поэт был в числе средних по возрасту детей – и отец не мог вспомнить его имя. Когда я недавно перечитывал пушкинскую «Капитанскую дочку», то на этот раз меня больше всего поразило (с возрастом читателя великие произведения предстоят ему иначе) написанное в самом начале: *«нас было девять человек детей – выжил я один»*. А ведь это была помещичья семья времен Екатерины Второй...

После смерти их матери, их отец привел какую-то женщину. Но она, увидев такую уйму детей (хотя братья уже жили отдельно, каждый сам по себе), бежала. За ней сбежал и отец. Хозяин выселил детей на улицу, выбросив и их жалкий скарб. Моя мать была старшей.

«Иду домой – и вижу: что во дворе стоят маленькие замерзшие засыпанные снегом фигурки» - рассказывала мать. Наше будущее. Нет, уже настоящее.

Детей разобрали работницы с Пресни. Она ведь недалеко от Большой Грузинской улицы. А мать пошла работать. Хотя она не имела образования (она так и осталась полуграмотной: читать могла, но писала, как слышится, как бы реформируя нашу письменность), какая-то филантропическая княгиня, учитывая, что они всё-таки дворяне, устроила мою мать ученицей на телефонную станцию, где моя мать проработала вплоть до социалистической революции. Став полноправной телефонисткой, она получала пятьдесят рублей золотом в месяц. Но телефонистки, как рассказывала моя мать, не брали золото (тяжело!) и просили ассигнации. Станция принадлежала шведке. Её очень любили. А её заместительницу немку (на которую падала вся грязная дисциплинарная работа) ненавидели. Когда произошла социалистическая революция, станцию национализировали, шведка уехала, все очень плакали, а немку посадили в тачку и вывалили в канаву. Золотом больше не платили. Фактически вообще не платили. И моя мать уволилась.

Отец. Тихон Николаевич Никитин (12.08. 1867 – 02.12.1937), Уроженец Воронежской губернии. Владимир Ульянов на три года, а Иосиф Джугашвили на двадцать один – двадцать два года были моложе моего отца.

ТНН был православным священником. Кандидатом богословских наук. В свои сорок лет, в 1907 году, он стал монахом. В 1913 году - епископом. Моя

мать познакомилась с моим отцом в 1912 году. Ей было семнадцать, а ему сорок пять. И моя мать стала злым гением его жизни.

Своего отца я знал и не знал: не знал в качестве отца и знал в качестве мнимого деда (когда я родился, ТНН шел шестидесятый год) и называл его «дедушкой».

В 1936 году епископ Модест получил сан архиепископа Смоленского и Вяземского.

Летом 1937 мы («дедушка», моя мать и я) ездили в Смоленск и уже собирались туда переезжать.

29 октября 1937 года архиепископ Модест был арестован органами НКВД. Мать: *«Пришли девушка в красной косынке, парень в кожаной курке, красноармеец с ружьем. И увели. А молодой поп: «Господа! Господа! Это ошибка. Я сейчас вернусь...»*

Никто не вернулся. Исчезли бесследно. Пропали без вести.

Из пропавших без вести в расстрелянные.

Все нижеприведенные сведения я получил благодаря перестройке.

Из «Протокола допроса обвиняемого Никитина Тихона Николаевича 4/х-37г»:

«Вопрос: Расскажите где вы находились и чем занимались до 1917 года?»

Ответ: До 1878 года (то есть до одиннадцати лет – А.Ч.) я учился в сельской школе в ... Чертовицко быв. Воронежской губ. с 1878 по 1884 год (шесть лет, с одиннадцати до семнадцати) я учился в воронежском духовном училище, в 1884 - 1889 годах (ещё пять лет, семнадцать – двадцать два) - в духовной семинарии в гор. Воронеже В 1889 – 1891 г. (ещё два года, двадцать два - двадцать четыре) я был учителем начальной школы в гор. Воронеже. С 1891 по 1899 год (ещё восемь лет, двадцать четыре – тридцать два) я прослужил священником в слободе Никитовке Воронежской губ. С 1899 г. по 1903 г. (ещё четыре года, тридцать два – тридцать шесть) я учился в Московской духовной академии (Т.Н.Никитин окончил в 1903 году Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия - диссертация о раннем христианском теологе Астерии Амазийском; опубликована, есть в бывшей «Ленинке»). В 1903 - 1904 годах (ещё два года, тридцать шесть – тридцать семь) я служил учителем в Федосийском учительском институте. С 1904 по 1907 год (еще три года, тридцать семь – сорок) я служил священником в гор. Воронеже.

В том же году (в сорок лет; возможно, что он к этому времени овдовел, у него как будто бы была дочь) я был вызван в гор. Москву, где пострижен (в Чудовом монастыре) иеромонахом. В 1908 г (в сорок один год) я получил сан архимандрита, а в 1913 г (в сорок шесть лет) - сан епископа Верийского. При пострижении иеромонахом мне было дано имя Модест.

В Москве я прослужил до июля-августа 1917 года.

Затем оставил службу и переселился в город Воронеж, где нигде не служил, а жил безработным до сентября 1921 года. Причем во время занятия Воронежа деникинской армией я находился в Москве, куда неоднократно ездил за покупками церковного вина от воронежского комитета рабочих,

который в это время ведал этим делом. В 1921 году меня назначили епископом в город Аксай, где пробыл одну зиму, после чего был переведен в Устьмедвединскую станицу (?) архиереем (?). Затем я был во многих городах непродолжительное время, как например: Царицын, (?), Тверь (?), Новочеркасск, Шахты, в Севастополе, Пскове, Уральске и в сентябре 1933 года я приехал в город Вязьму, где и находился до настоящего времени – служу архиепископом.

Вопрос: Почему вы часто так меняли местожительство в период 1921 – 1934 годы?

Ответ: В связи с переходом меня в обновленческую церковь (в 1922 – 31 гг. епископ Модест был в обновленчестве, где достиг сана митрополита), частые переезды с места на место требовались для проведения агитации по этой линии.

(Принеся 3 июня 1931 года покаяние, Модест вернулся в лоно православной церкви в качестве епископа. В 1936 году он был возведен в сан архиепископа Смоленского и Вяземского).

Вопрос: Назовите своих знакомых по Вяземскому району?..

Ответ:...

Вопрос: Скажите, кто из выше поименованных лиц настроен враждебно к советскому строю?

Ответ:...»

(небрежно записанный рукой следователя текст мною выправлен: расставлены недостающие знаки препинания, вставлены недостающие слова, исправлены некоторые слова).

Расстрел. Все священники вяземской епархии были расстреляны.

1990 год. Мне 64. Ответ от КГБ: «*Архиепископ Смоленский и Вяземский Модест (Никитин Николай Тихонович) расстрелян 2 декабря 1937 года в 17 часов. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован в 56*».

Свидетельство о смерти. Гражданин Никитин Тихон Николаевич умер 02.12.1937 (Второго декабря тысяча девятьсот тридцать седьмого года) в возрасте 70 лет, о чем в книге регистрации актов о смерти 1992 года января месяца 30 числа произведена запись №2-В. Причина смерти – Расстрел. Место смерти: город, селение, район не известно. Место регистрации Отдел ЗАГС г. Вязьма Смоленской обл. Дата выдачи 30 января 1992.

Сестра. В 1920 году родилась моя сестра Галина.

Я её помню по трем сценкам, чудом сохранившимся в моей памяти.

Вот залитая солнцем комната. Галю я не вижу. Она как будто бы сидит на рояле. Она говорит мне, чтобы я принес ей печенье. Я бегу к шкафу, выдвигаю нижний ящик, а там красивая картонная коробка с печеньем («Пети фур» ???). Всё. Остро чувствую свой бег через полкомнаты. Где это было? Может быть уже в Астрахани. Почему она сама не пошла за печеньем?

А вот мы стоим рядом в пальтишках. За нами железные зеленые ворота. Явно, что это что-то церковно-монастырское. Впереди круто опускающийся вниз переулок. И вот оттуда как корабль из-за горизонта вырастает мама. Увидев нас, она улыбается.

И третье. Галя лежит нагая на кровати на спине. Бледная, худая. И какой-то врач мажет ей как будто бы пупок йодом. Это уже к смерти.

Галине вырвали зуб – и она истекла кровью за два-три месяца. Смерть дочери потрясла мою мать. И кто бы ни приходил, она всем рассказывала, как умирала Галя. Как за ней прилетели и с ней улетели какие-то птицы. Галину привезли в запаянном цинковом гробу в Москву и похоронили на Новодевичьем кладбище. Оно было для элиты. В 20-ые годы у тетюшек были связи. Потом всех их дружков посадили, расстреляли. Вспоминать бесследно исчезнувших запрещалось. Их как бы никогда не было. Не отсюда ли моя Философия Небытия?

До войны мы часто летом ездили на Новодевичье. Но после войны, а может быть и раньше, когда мы вернулись в Москву из Вязьмы после ареста отца, никто о могиле и не вспомнил. А мне только самому до себя было. В 1937 году я ведь был подростком. Потом после смерти тети Кати я обнаружил у нее квитанцию от 1930 года, где были указаны ряд и номер могилы. Но прошло три четверти века. И я так и не решился поехать на кладбище. Могилу, конечно, упразднили.

Эта смерть легла тяжелой плитой на моё детство. Мне запрещалось быть веселым. Помню, что как-то пришла какая-то женщина. Я что-то развеселился. Когда женщина ушла, мать сделала мне строгое замечание. Она меня ни разу пальцем не тронула. Но я её страшно боялся.

Тёти. Младшие сёстры моей матери: тетя Лена, тетя Катя, тетя Зина, тетя Валя. Тётя Валя постоянно жила в Ростове. Я её не знал. Говорили, что она необыкновенно красива, но душевно больна.

Тетя Зина не выдержала моей матери, когда та окончательно вернулась в Москву после ареста отца, – и уехала в Ростов к тете Вале. Там она была угнана в Германию – и бесследно исчезла.

Дядья. Дядя Коля, дядя Володя и дядя Сережа.

Дядя Сережа почему-то оказался на юге, в Краснодарском крае. Он стал часовщиком. В 1964 году я был и в Новороссийске, и в Армавире, и в Темрюке. Там я познакомился со своими двоюродными сестрами: Галиной, Татьяной, Натальей и с таким же братом. Он работал бетонщиком. Его старший брат погиб во время боев на Кубани. Он был пулеметчиком. Жена дяди Сережи надолго его пережила. Согласно семейному преданию, в юности она была наездницей в цирке. Дядя Сережа, который одевался под черкеса, её оттуда похитил. И она нарожала ему уйму детей, Многие умерли в раннем возрасте. Например, одну девочку укусил паук – и она умерла.

Дядя Володя стал артистом. Он умер раньше всех своих братьев и сестер в 1947 году от приступа астмы.

Самый старший, первенец, дядя Коля был сильно контужен на фронте во время первой мировой войны. Он был прапорщиком – самый низший офицерский чин (до 1884 года 14 разряд, чему соответствовал низший гражданский чин - «коллежский регистратор», а с 1884 года – 13, но всё равно низший). В Военно-историческом архиве я нашел его анкеты времен той войны Он там характеризует себя как потомственного дворянина

Тамбовской губернии и даже князя. В графе об образовании он пишет: «домашнее». Это значит, что этот «князь» никакого образования не имел. Его невеста – пианистка в Московской консерватории Китти умерла в 1920 году от «испанки» (этот начавшийся в Испании грипп унес тогда в два раза больше жизней, чем вся первая мировая война), что не прибавило ничего к его выздоровлению. Он женился на «тете Але». Она была из экс-богатых. Сам он не работал, спал днем, ночами бодрствовал. Они с тетей Алей жили в Мамонтовке. Его содержала тетя Аля, которая моталась по Москве и Московской области с уроками музыки. У него была большая библиотека, которая попала к нему непонятным образом. В детстве и отрочестве я обожаю книги. Но их не было. Почти ничего не издавали. Но этот дядя ни разу не принес мне ни одной книги. К себе он меня никогда не приглашал. Он меня презирал как незаконнорожденного сына попа. Правда, когда я подрос, он, приезжая в Москву (так что он не все дни спал) и заходя к нам (больше было некуда, в нашей комнатухе был как бы их штаб: то тетя Аля забегала и убегала, то дядя Коля, целый день они так и не могли встретиться, пока, наконец, не встречались вечером, чтобы, переругавшись, ехать домой), вел со мной мировоззренческие дискуссии, находясь на самых реакционных позициях. Его наивность была поразительной. В начале войны с немцами (да, именно с немцами, а не с «гитлеровцами», как будто бы последние не были немцами («У дьявола народ немецкий в списке! Он Богом на Земле лишен прописки!»)), он спросил меня: «Отчего немцы не бомбят Кремль?» И сам же ответил на свой риторический вопрос: «Потому что это святыня русского народа». Когда много времени спустя после войны неожиданно умерла тетя Аля (ей в больнице делали какое-то исследование и порвали пищевод), дядя Коля прожил еще несколько лет в полном одиночестве...

Наконец, от него ко мне пришло письмо, что он слег и что он брошен всеми своими родственниками. До этого он пытался отлежаться у моей двоюродной сестры Елены – дочери тети Лены, но она его выгнала. А мне его некуда было взять. Мы с тетей Леной приехали к нему в Мамонтовку, где до этого никогда не были. Мы застали его лежащим в маленькой комнате. Стены были в книгах. Он их продавал – и на это жил. Пол был покрыт на несколько сантиметров книжной трухой с мышинным пометом. Мы его покормили, но больше ничего не могли сделать. И уехали. Двухэтажный дом шел в ремонт. И всех жильцов выселили. Соседи пытались устроить его в местную больницу. Его заочно не приняли. Тогда соседи посадили его на санки, отвезли к больнице и там бросили. Была зима. Я со своей знакомой приехал в эту больницу. Он лежал в коридоре. Мы его накормили. Я ему отдал свой свитер. Вид у него был жалкий. Ему ведь было 87 лет. Когда мы приехали через несколько дней, то его на старом месте не обнаружили. Оказывается, что он уже умер, якобы во сне. Врач сказала, что у него не было ни одной болезни, а умер он от дистрофии. Я с тетей Леной с помощью своих друзей похоронил его на кладбище в Мамонтовке.

(Там я обратил внимание на множество стандартных могил с умершими в один и тот же день. Как-то раз к платформе в Мамонтовке подходил

переполненный рейсовый автобус. Водитель слишком близко проехал от пруда и автобус туда упал. Все погибли).

Итак, мы зимой похоронили дядю. Колю. С тех пор я, к своему стыду, ни разу там не был. Могила, конечно, пропала.

ПЕРВОЕ СОРОКАЛЕТИЕ
ПУТЬ К СЕБЕ
Годы скитаний (1926 – 1934).

Ребенок. Я рос слабым болезненным ребенком. Мать рассказывала, что при родах я задохнулся. Меня оживляли. Где-то лет в пять я заболел общим заражением крови. Вернувшись из цирка, я взял необструганный ящик и хотел что-то на нём изобразить. И всадил себе большую занозу в ягодицу. Её вырезали. И, видимо, занесли инфекцию. Или она уже была от занозы. Так или иначе я два месяца был между жизнью и смертью. У меня была постоянная температура 39,5. Все врачи от меня отвернулись. Наконец, тетушки устроили консилиум. Все врачи сказали, что я умру. И только один врач, настолько старенький, что его привели под руки, сказал, что я выживу. И я, действительно, на свою беду, выжил. Выжил, чтобы в конце концов всё же умереть.

*Даже если хорошие,
Никому не вредим,
Всё же в камере смертников
От рожденья сидим*

В Москве же я, маленький, перенес скарлатину. При этом в больнице нас заразили ещё и корью.

В Вязьме дифтерит с осложнением на сердце.

Мое детство было тяжелым. Моя мать постоянно преследовала моего отца, который не знал, как от нее избавиться. Она мешала ему жить... Возможно, что именно поэтому он так часто менял «место работы». Но она его повсюду настигала.

*Я этот страх в младенчестве впитал.
Мать за отцом по всей Руси бежала.
Тот страх вошёл в меня бесчисленностью шпал,
Бесчеловечной маятой вокзала...*

Так что до школы я побывал в Новочеркасске (где, напомним, я родился) и в Ростове на Дону, в Балаклаве (закрытый город) и в Севастополе (где попал в Крымское землетрясение 1928 года) и в том же году в Астрахани (где в том же 1928 году умерла моя старшая сестра, восьмилетняя Галина, как мои родители могли в один и тот же год быть в двух этих городах, уму

непостижимо), в Уральске и Саратове (там Гали уже не было), в Пскове и в деревне в Шаховском районе Московской области и, наконец, в Вязьме. Возможно, что ещё где-то. Хорошо помню Саратов и Псков.

Астрахань. Галина. Смерть Галины

Саратов. Галины нет

Уральск. Галины нет

Псков. Я его хорошо помню. В Пскове мы жили в Кремле в квартире на колокольне. Она стоит отдельно от храма. Жили высоко. В квартиру вела крутая широкая деревянная лестница. Кремль на высоком холме при слиянии рек. Это широкая могучая полноводная река Великая. И маленькая Пскова. В нашей квартире толстые каменные стены, соответственно широкие каменные подоконники, на которых я играл. Из окон вид на Пскову. Она далеко внизу. Весеннее затопление. Между домами лодки. При таком разливе утонул каверинский почталъон (Каверин. Два капитана. Действие начинается в Пскове).. Кремль окружен толстыми высокими стенами..

После нашего отъезда из Пскова в нашей бывшей квартире жила другая семья священника. Лестницу подожгли и вся семья сгорела.

Будучи в Пскове «дедушка» оставался ещё в обновленчестве. Он имел там сан митрополита. И было это в 1930 году. Я сужу по тому, что в этом же году «дедушка» принес покаяние и вернулся в лоно ортодоксальной церкви. За ним сохранили сан епископа.

Забегая вперед. В 1979 году я был в трехдневной автобусной экскурсии по Пушкинским местам: Москва – Псков – Михайловское – Псков – Москва. (моя тогдашняя жена Роза хитро сбывала меня в эту экскурсию, чтобы остаться одной с подонком-алкашем Виктором, у которого мы снимали комнату в Чоботах; она развратничала при маленьком сыне, ему было тогда около четырех лет).

Будучи в Пскове (мы там ночевали) я пришел в Кремль и поднялся к «нашей» квартире. Но монашки меня в нее не пустили.

Шаховское. Вскоре мы оказались в глухомани, в Шаховском районе Московской области. Я думаю, что ортодоксы сослали туда «дедушку» за его бывшее обновленчество. Мы жили на хуторе.. От хутора до одной деревни было два километра, а до противоположной – полтора. Всё это было в тридцати километрах от железной дороги. На этом хуторе мы зимовали. Я и мать. Отец служил в ещё не разрушенной церкви в одной из этих деревень. Я что-то не припоминаю его на хуторе. Шла коллективизация. В Московской области она проводилась в последнюю очередь. Когда везде уже это мероприятие провернули. Если начинать с самого центра, то в случае восстания слепо следующая за центром ещё не закрепощенная провинция могла бы восстать тоже. Так было в феврале и в ноябре злосчастливого семнадцатого года. Помню, как к нам на хутор прибежали перепуганные бабы и притащили какие-то сундуки с дешевыми яркими тряпками. Схоронили у попа. Но на следующий день в такой же панике утащили. Вижу как сейчас угрюмнейшего парня с ножом у пояса – кулацкого сынка. Его боялись. Хутор стоял посреди поля. Помню зловещие красные закаты по

снежному полю. Окна выходили на эту сторону. Следовательно, на запад. Впереди шла сельская дорога между деревнями. Так что хутор стоял не на дороге.

В связи с отцом помню один эпизод. Лето. Прекрасное солнечное утро. Зеленое поле. За ним колокольня. Там «дедушка». Он отзвонил и идет в нашу сторону по дорожке. Мать говорит мне, чтобы я бежал ему навстречу. И я побежал с детским восторгом, заливаясь глупым смехом. И вот я уже тыкаюсь в брюки, что под рясой. Я их даже сейчас вижу. И пуговицы. Я отцу ниже пояса. И натыкаюсь на лед. Это ощущение холода я чувствую даже сейчас. И во мне что-то разбивается. Старик меня не замечал. Может быть, я был для него воплощением его обновленческого греха?

В памяти и другая деревня. Большая церковь за оградой. Через узенькую дорожку кладбище. Кирпичный домик у входа на кладбище. Там мы живем. Если пройти кладбище, то внизу будет ручей. Там деревенские ребята ловят какую-то рыбешку. Ясным летним вечером я гуляю около церкви. И вдруг слышу детский голосок: «Попович! Попович! Попович!». Судя по голосу, девочка. Я её не вижу. Я бегу за ней. Всё равно не вижу. И по-прежнему: «Попович! Попович! Попович!». Я снова бегу. И опять не вижу. И вдруг рядом со мной «дедушка» И он говорит: «*Ты за ней не гоняйся. Это дочь учителя*». Мне кажется, что это единственные слова «дедушки», обращенные ко мне за всю мою жизнь с ним.

Там же. Летний день, Какой-то религиозный праздник. Множество крестьян. У всех в белых тряпочках сало, крутые яйца, черный хлеб, а то и горчица. Приносят и нам. С тех пор этот продуктовый набор стал моей любимой пищей. Но давно его у меня не было. Врачи не разрешают. А мне кажется, что надо есть всё, на что тянет. На прошлой неделе меня вдруг потянуло на рыбные консервы в томатном соусе. Два дня ел по несколько банок в день. Потом прошло.

А еще у церковной ограды снаружи на дереве гнездышко с яйцами. Если подтянуться, то можно увидеть. Это единственное птичье гнездо, которое я видел в жизни. А еще в церкви лежит мертвая девочка. Я захожу в церковь Сумрак. Страшно. Я убегаю, так и не увидев мертвую.

Никто мной не занимался.

Потеря жилплощади. Временами моя мать возвращалась в Москву на жилплощадь, где она была прописана и где проживали в чудовищной коммуналке её сестры. И моя мать доездилась.

Здесь я хочу рассказать о самом трагическом событии в моей жизни. Нет, это не смерть сестры (1928), не исчезновение «дедушки» (1937), не смерть матери (1978), не гибель моей дочери Софьи (1998).

*Отец расстрелян. Дочь убита.
А мама просто умерла.
Но нет предела у лимита
Мне сверху спущенного зла.*

*И скоро я исчезну в бездне,
Как мириады до меня.
Нет! Бог не скажет мне: «Воскресни!».
Он только лик Небытия.*

Что же это? В одно отсутствие моей матери в Москве комнату с сестрами «уплотнили» (тогда шла такая кампания).

*Но ведь тогда не строили – ломали.
И, как всегда тот жил, кто был хитер.
Мать как-то отлучилась Не дремали
Дельцы – и «уплотнили» трех сестер.
И вырвали из комнаты середку,
Оставив хвост и голову селедки.*

Одно из моих детских воспоминаний: приехав с очередного вокзала, вместе со мной уже давно одним мать входит в обрезающую комнату, смотрит кругом на розовые стены и восклицает: «Ах!». Оттяпав фактически мою жилплощадь, резвый «уплотнитель», конечно «шустряк», тотчас же поменялся в соседний подъезд, так что моя мать застала в выгороженной лучшей части бывшей комнаты портного Попова с Попихой, которой моя мать время от времени устраивала бессмысленные скандалы (сам Попов был глухой, как и я ныне). Затем, когда мы бывали в Москве, у моей матери происходили регулярные скандалы и с сестрами. Они, мол, нарочно отдали часть жилплощади, дабы отделаться от своей старшей сестры. Те возражали, что и писали ей, и телеграфировали, а она всё не приезжала.

Так или иначе, но лишение меня в детстве жилплощади, что самым чудовищным образом отразилось на моей последующей жизни, - тягчайшее преступление против меня некоего *шустрого народца*.

И далее я так и оставался временами бездомным. И теперь я беженец.

Вязьма..1934-37 гг. В 1933 году моего незаконного отца определили епископом в Вязьму. Ему 66 лет. (Всего-то! Мне сейчас 77). Злой гений старика - моя мать - узнала об этом – и бросилась из Москвы туда. Вернувшись в Москву, она схватила меня - и снова в Вязьму. А старик неплохо там было устроился на квартире у одной вдовы. Моя мать выдавала себя за дочь старика и назвалась Александрой Тихоновной. Я же считался его внуком и звал беднягу «дедушкой». Он меня не замечал.

Далее я буду измерять время учебными годами с 1 сентября по 31 августа, так что летние каникулы будут завершать учебный год.

1934 – 35 учебный год. Первый в моей жизни. До школы я почти ни с кем из детей не общался. Я рос в одиночестве. Частые переезды не способствовали моим контактам с местными детьми. Также и монастыри и храмы, при которых мы обитали. Ко мне полностью относилась пушкинская характеристика Татьяны Лариной: *«тиха, печальна, молчалива, как лань лесная боязлива», «дитя сама в кругу детей играть и прыгать не хотела, и часто целый день одна сидела молча у окна».* Я был совершенно психологически не подготовлен к школе.

И первый день в школе был для меня душевным потрясением. Класс был переполнен. За партой сидели по трое. И меня как «внука» попа вместе с другими неудобными детьми отсеяли из 1 Вяземской начальной школы во 2 Вяземскую начальную школу на противоположном краю города, где мы занимались во вторую смену. Первая смена полагалась для «трудновоспитуемых». Никакого городского транспорта не было. И мне приходилось в любую погоду ходить в школу через весь город. На это уходил час. Неудивительно, что я весь первый класс болел простудой. Однако учился отлично. В этом заслуга моей матери. Именно она дала мне установку на отличную учебу. Моя мать платила моей классной учительнице, чтобы та уделяла мне больше внимания. Но я и сам старался. Я хотел иметь тетрадку без помарок. Поэтому бесконечно её переписывал. И где-то делал описку. Я тогда начинал всё сначала. Или перекомпоновывал тетрадь. Тетрадей тогда не было. Но из Москвы мне прислали их целую грудку. И я их все извел. Всё же я добился своего. Одну мою тетрадь даже демонстрировали на родительском собрании. Она сохранилась. Я её сдал в числе много другого в **Центральный московский архив-музей личных собраний** (109544, Москва, Международная 10), где для меня открыта ячейка.

Моя мать мне внушала, что скоро Сталин соберет в Кремле всех отличников.

Но пока что собрали в Артеке всех павликов морозовых, то есть тех детей, кто донес на своих родителей. «Дедушка» меня боялся.

1 декабря 34. Мне 8. 1 класс

Голос: *«Кирова убили. Теперь начнется...»*

9 января 35. Мне 8. 1 класс

Я - «дедушке»: *«Твой царь рабочих расстрелял...»*

Все свои сведения я черпал из отрывного календаря. Другого ничего не было. Книжки не издавались. В школьной библиотеке мне дали «Дед Мазай и зайцы». Моя мать откуда-то приносила самые невероятные книжки. Без начала. Без конца. Они ходили по рукам. Так я прочитал о мореплавателе Куке, «Хижину дяди Тома».

Правда, вскоре началось радиовещание. Во всех домах появились черные картонные конусы. «*Говорит радиостанция имени Коминтерна*». Она была единственной. Это был прорыв в мир.

Первый класс я закончил «ударником». «*2-я Вяземская начальная школа награждает уч-ка 1-го класса Чанышева Арсения почетным званием ударника и премирует книгой и костюмом как активно проявившего себя в борьбе за качество учебы, за хорошую дисциплину*». Подписи: завшколой (неразборчиво), пионерработник Матвеева, учительница 1 в кл. О.Сосорева. Это было написано на титульном листе подаренной мне книжки: «Н.К.Лебедев. Первый раз вокруг Земли. Путешествие Магеллана». Издание второе. Государственное учебно-педагогическое издательство. Москва 1935. Эта книжка и сейчас со мной. Она меня потрясла. И теперь она для меня священна.

1935- 36 учебный год. Моя мать добилась моего возвращения в 1-ую школу. Она была намного ближе, чем 2-ая. Моя бывшая уже учительница была очень огорчена моим уходом. Впрочем, она некоторое время приходила и устраивала мне диктанты. Помню, что первым делом она предложила написать мне слово «социализм». Я сделал в нем несколько ошибок. Учительница сказала матери, что это никуда не годится. Слово такое сейчас важное! Моя мать ей платила. И во втором классе я был отличником. Меня не любили. Я ни с кем не дружил. Помню, как раз, идя из школы, я стал с воодушевлением рассказывать какому-то мальчику о путешествиях, о других странах, но натолкнулся на полное равнодушие. И с тех пор окончательно замкнулся в себе. Мы три раза меняли квартиру. В нашей третьей вяземской городской избе (Вязьма, за исключением центра, где были дореволюционные двухэтажные каменные дома, состояла из изб с большими фруктовыми садами), где мы снимали полдома (прихожая и две комнатки с окнами в сад), с нами на хозяйской половине проживал молодой священник. С ним я общался. Помню, как мы с ним намеревались завоевать Австралию. Его арестуют вместе с отцом – и расстреляют..

1936 – 37 учебный год. Я в третьем классе. Отличник. Меня не любили. В начале 1937 года я в возрасте десяти лет подцепил дифтерит и получил осложнение на сердце. Летом начались приступы.

Кисловодск. Мы с матерью наскребли последние деньги и приобрели лечебные курсовки в Кисловодск на сентябрь. «Дедушка» тоже поехал. Но жил он там отдельно. В Кисловодске я его только один раз видел мельком и издали. Кисловодск стал с тех пор для меня священным городом. Своего рода Меккой.

Петровские линии. На обратном пути тетушки оставили меня в Москве. Петровские линии, дом 1, квартира 22. В жуткой коммуналке. Мы с матерью были ведь там прописаны. Петровские линии состоят из двух монументальных домов, образующих единый комплекс. Один дом – гостиница с рестораном. Второй многоквартирный. Этот ансамбль был возведен в конце 19 века. Он имел единое управление. В каждой квартире был ещё «черный ход» со двора для прислуги.

Советы всё испоганили. В гостиницу набили голодранцев. И в наш дом. В нашей квартире исконно было 6 комнат, но соорудили еще три. Темную комнату (окно там выходило в «колодец», где была ванная), заселили людьми. Туда вселили трех девушек-охранниц, они ходили в форме, вскоре две из них умерли от тифа, одна осталась. Её звали Тоня. (В самом начале войны ей подсунут немецкого шпиона, она приживет от него сына, «папа» вскоре сгинет). Одну выгородили фанерой из кухни – там жила Мария Даниловна с мужем, который до революции был дворником в этом доме, он умер ещё до войны от чахотки; сама Мария Даниловна была исключена из большевистской партии, но уцелела. Из одной нам уже известный шустрик-уплотнитель выгородил фанерной перегородкой лучшую квадратную часть с большим окном, а узкий остаток с малым окном оставил нам.. В остальных, настоящих, нетронутых, четырёх комнатах, выходящих окнами на

Петровские линии, жили еврейская семья Мураванных (муж, жена и очень некрасивая дочь Хилька), семья какого-то военного-изобретателя, его автоматы по продаже пригородных билетов стояли на вокзалах Москвы, затем расстрелянного, его жену и дочь выселили и там поселили шофера. И еще двойная комната, первая проходная темная, с окном в «колодезь» и самая большая в квартире светлая. Там жили Лармины. Была еще одна комната с окном во двор. Там жила семья преподавательницы консерватории.

Через всю грязную квартиру (её за годы советской власти ни разу не ремонтировали) проходил длинный грязный коридор. На кухне ревели примусы и коптили керосинки. То и дело вспыхивали скандалы. Мою мать все боялись, даже Мария Даниловна. Комнаты были клоповниками. По ночам они усеивали простыни и подушки. От них ничего не помогало. Даже Калинин сказал, что москвичи превратили свои квартиры в клоповники. И после войны. Затем клопы начисто исчезли. Их место заняли тараканы. Эти полегче. Они не лезут на людей.

Наш второй этаж был техническим. До революции там жил именно обслуживающий персонал. Потолки были низкими. К Петровке этот этаж ходил на нет. Самым дорогим был третий этаж, бельэтаж. Там, потолки были настолько высокими, что советская голь устраивала там два этажа. Когда-то там жил и Собинов. У Ларминых была масса его фотографий. Он бывал у них.

Лармины. В нашей квартире доживала свой скорбный век бывшая управляющая домами старушка Лидия Львовна Лармина. В царские времена Лидия Львовна с родственниками занимала как эту квартиру, так и смежную соседнюю, в которую был вход как из другого подъезда, так и из темной проходной комнаты, так что это была фактически одна квартира.

Теперь Лидия Львовна с дочерью Верой Эдуардовной и моим ровесником внуком Олегом занимали самую большую комнату в квартире с проходной темной. А родственники ютились в соседних квартирах. Среди них была бывшая балерина Большого театра, был какой-то пьяница-горбун с таким интересным для науки горбом, что его тело у него купили медики еще при его жизни; свой «гонорар» он тут же пропил. И многие другие.

Семья Ларминых – жалкий осколок былой культуры – сыграла положительную роль в моем духовном развитии.

Правда, Лармины скрыли, что Олег заболел туберкулезом. Ещё бы! Ведь он, в отличие от меня, никуда не выезжал. Так и сидел в Москве. Из-за этой тогда уже редкой болезни (коммунисты загнали чахотку, как и сифилис, в угол, вся страна была покрыта противотуберкулезными и кожно-венерологическими диспансерами, псевдодемократы обе эти болезни выпустили на волю) Олега отчислили из пятого класса хореографического училища Большого театра.

А пока что к нему иногда заходили его хореографические соученицы. И среди них я видел худую некрасивую бедную девочку, второгодницу. Её

звали Майя. Майя Плисецкая. Ничто, казалось бы, не предвещало в этом гадком утенке лебедя.

В хореографическом училище был французский язык. В городских школах, куда был изгнан Олег, был или английский, или немецкий. Олег попал в школу с немецким языком. Пришлось догонять. Ему наняли учителя – настоящего немца. И тот посвятил его в нацистское учение. И Олег его воспринял. Сам он был наполовину армянин. К Вере Эдуардовне ходил армянин, директор какого-то захудалого московского театра. Он и был отцом Олега, такого же бастарда, как и я. У Ларминых от старых времен сохранилась прислуга Душа. Она называла их «господами». И очень не любила приходящего армянина. Она называла его «кот помоешный». Однажды я, маленький, увидел, что этот человек входит в квартиру. И я побежал на кухню, где в это время находилась мать Олега, и закричал: «Вера Эдуардовна! Вера Эдуардовна! Ваш кот помоешный пришел!» Этот «кот» сделал Олегу еще и сестру Марину. После войны она училась в мединституте. Однажды летом Олег поехал с ней купаться на Москва-реку – и вернулся один. Марина у него утонула.

Считая себя также и немцем (полунемцем? четверть немцем? а заодно и французом, Олег настаивал, чтобы их фамилию произносили с ударением на последнем слог), Олег проникся гитлеровским расовым учением – и с начала войны ждал в Москве нацистов. Меня он в душе презирал как славянина. Он сочинял стихи. И даже пролез во время войны в Литературный институт. Он читал там свою поэму. И после этой читки оттуда ушел. Видимо, ему там дали жизни. Его было забрали в армию, но быстро вернули как чахоточного. Как будто пушечное мясо должно быть обязательно добротным. Так как я не знал о чахотке Олега, то его возвращение было для меня чудом. К концу войны Олег работал у своего отца в театре рабочим сцены. Он ведь оказался без матери с парализованной бабкой. Душа давно умерла. Дело в том, что их родственники в смежной квартире не сдали в самом начале войны свои радиоприемники. Их изымали, чтобы наши граждане не слушали немецкие пропагандистские передачи на русском языке. А те слушали. Пробирался к ним через вышеупомянутую дверь в темной комнате и Олег. Меня поражала его осведомленность о состоянии на фронтах. Я тогда не знал причины. Наконец, одна активистка донесла на родственников Олега и Веры Эдуардовны. Тех выслали. А Вера Эдуардовна бросилась в панике в военкомат – и завербовалась в армию, бросив свою парализованную мать. Та лежала в нечистотах. Однажды она мне пожаловалась, что когда она храпит, внук бьет её тапочкой по лицу. В конце концов её отправили в больницу, где она быстро умерла (усыпили?). При жизни Душа не любила Олега. Меня же она называла «будущий Ленин». В конце концов Олег, купив на рынке аттестат с золотой медалью, поступил в 1946 году без экзаменов на философский факультет МГУ. А я в следующем году вслед за ним. Честно. Сдавал 5 экзаменов, в том числе и по географии. Все на «отл.». Но к этому времени я раззнакомился со своим соседом. Он избил свою мать и я от него отвернулся. Олег Владимирович

(отчество произвольное, как и у меня) отличался крайней фанаберией, спесью. Я перед ним пасовал. Но в философии он ничего не сделал. Да и стишки его оказались слабыми. Будучи всего на месяц моложе меня, он давно как умер. Его жена Алла-балерина Большого театра (Щелкунчик) осталась в Канаде, отчего тяжко пострадал её сын.

Но здесь я забежал далеко вперед. Вернемся в 4 класс.

1937-38 учебный год. Я пошел с месячным опозданием в московскую школу № 187 в четвертый класс. Мне 11 лет. У меня большое сердце.

Мать уехала за отцом в Вязьму.

29 октября 37 года. Арест и безвестное исчезновение «дедушки». Вязьма кончилась. Смоленск накрылся.

В конце октября – в начале ноября моей тете Кате пришла от моей матери телеграмма: «**Я заболела. Приезжайте!**». Я очень любил свою мать (и она меня) и полночи плакал. Тетя Катя взяла меня, своего племянника, а также своего пасынка Сергея и поехала с нами в Вязьму. Она там уже один раз была, летом 1937 года, когда привезла мне массу книг, а также надувной мяч, отчего у меня появилась тут же масса друзей. Я пробовал играть своим мячом с ними – и у меня начались сердечные приступы. И как сейчас вижу: мать сидит у печки, бледная, испуганная. И говорит: «Его взяли!». На меня это не произвело никакого впечатления. Это был для меня совершенно чужой человек. Я даже обрадовался, что оказалось, что мать не больна.

Вскоре мы с тетей Катей и её пасынком вернулись в Москву. И прямо сейчас вижу, как мы солнечным осенним утром едем на вяземский вокзал (он был далеко от города) на извозчике, а за нами бежит моя единственная в моей жизни собака, приبلудный дворовый черный кобель Жучка. Потом собака отстала. И Вязьма кончилась.

Как я хочу снова побывать там! Это моя вторая родина. Там зародилось моё самосознание. С мысли о смерти. В одиночку я размышлял о Боге. Одно время я верил в его существование. Но ни с кем об этом не говорил. Всем было не до меня и не до Бога. Даже моему отцу-дедушке. В Вязьме я первый раз исповедывался и причащался. Молодой священник при моем старом отце, который исповедывал меня, был очень смущен, что «внук» епископа не знает ни одной молитвы, никогда не молится. Впрочем чему удивляться? У нас в доме не было даже иконы. Посетителям приходилось креститься на висящую на стене литографию Ленина. Я никогда не видел, чтобы сам «дедушка» дома молился. Он, видимо, столько уже испытал, что больше не верил ни в Бога, ни в черта. А впереди всё равно расстрел.

Окончательная МОСКВА. Мать вернулась в Москву с нелепым громадным сломанным гардеробом (фр.) – шкафом для одежды, который окончательно загромоздил наш продолговатый жилищный пятачок, милостиво оставленный нам шустряками, а также моё детство.

Пошли **1937/38, 1938/39, 1939/40, 1940/41 учебные годы.** Четвертый, пятый, шестой, седьмой классы. Я оставался отличником и получал похвальные грамоты. Всего их у меня четыре. В классе меня очень не любили. Первые три года били (4,5,6 классы), пока я, наконец, прочитав о

Спартаке (Джованьоли. Спартак), не стал оказывать скромное сопротивление. И все мучители тут же от меня отстали. Стоило мне только жестко оттолкнуть от себя некоего русского Иванова, как он сдрейфил. Как сейчас вижу, как этот парень, который три года меня мучил, вдруг сидит на подоконнике в классе и этак смущенно качает ногами. После этого он ко мне не подходил. Также во время перемены и тоже в классе я вдруг схватил одного жирного шустрика по фамилии Субоцкий и занес руку для удара. И в этот момент мой слух отключился. Наступила могильная тишина.. И не ударил. Но после этого наглый и трусливый (два качества, которые обычно ходят рядом) шустрик обходил меня стороной. Другого шустрика по фамилии Хлопецкий я слегка ударил в раздевалке по щеке.

Да, в классе было много евреев. Многие из них отличники. И среди них возвышался некий Беркович – краса класса. Русские же были серыми. И я единственный русский бросил вызов «красе». Мы шли ноздря в ноздю. Тогда в классах вывешивали бюллетени с отметками за неделю. И у нас с дебелим Берковичем были одни пятерки. Помню единственную учительницу в 4 классе Анну Александровну. Она хвалила меня моей тёте Кате, которая водила меня в школу. Дело в том, что мне запрещали ходить по улицам одному. Однако в пятом классе я отказался от сопровождения. Переход из начальной школы в среднюю я переживал тяжело. У каждого предмета появился свой учитель. И на первом же своем уроке новая глупая историчка стала добиваться от нас ответа на вопрос, что такое государство. В четвертом классе у нас уже была история – история СССР. И соответствующий учебник Интересно было бы взглянуть на него сейчас. Шел 37-38 учебный год. «Дедушку» уже расстреляли. И однажды пришла Анна Александровна и велела нам вырезать бумажные квадратики и заклеить ими в этом учебнике портреты маршалов Егорова, Блюхера и ещё кого-то.

И вот новая училка стала выведывать у нас, что такое государство, Многие поднимали руку и говорили, Сказал что-то и я. Ей же надо было от нас узнать, что о государстве говорил Ленин. На следующий день на перемене я осмелился заглянуть в забытый кем-то из учителей в классе в классный журнал. И я увидел, что у меня «уд» (тройка). Я чуть было не потерял сознание. Это был первый (и последний) «уд» в моей жизни.

В шестом классе учительница английского ушла в декрет – и появился некий резвый аспирант. На первом же своем уроке он заставил всех нас вслух прочитать заданный нам английский текст. И почти всем поставил «неуд». И мне. Мы ведь понятия не имели о фонетике, о фонетических значках, хотя «учили» язык второй год. Это был первый «неуд» в моей жизни. Аспирант посвятил нас в тайны английской фонетики. Я рьяно всё это учил. Но добился только «хора». Однако вскоре вернулась училка – и всё потекло по-старому. Второй и последний «неуд» я получил в 8 классе по математике, когда перешёл из одной школы в другую...

Свое половое созревание я переживал тяжело. Отсутствие мужчины в моем детстве и отрочестве (отец был стариком и меня не замечал) тяжело

сказалось на моем развитии. Я рос в кругу женщин – и сам стал по характеру бабой.

Мы с матерью материально бедствовали. Нам помогала тетька Катя – жена дяди Таля (Виталия), достигшего уровня директора маленького заводика безалкогольных напитков. Она жила отдельно от нас. Дядя Таля был вдовцом и имел сына Сергея, чуть младше меня. Он надеялся, что тетька Катя станет для него матерью. Но увы! Она была мачехой. Я был любимчиком, а он постылым. Впрочем парень был примитивный и никчёмный. После смерти своего отца он был выслан по ходатайству тети Кати за тунеядство и пьянство в Сибирь, где и сгинул. Дядя Таля научил меня и Сергея грести на лодке.

Тетька Зина уехала к тете Вале в Ростов. Каким-то образом оказалась в Германии, где и сгинула. Мы жили втроем: тетька Лена, моя мать и я.

Кузина. Тетька Лена работала машинисткой на Радиовещании. Целый год она выколачивала на пишмашке возможность поехать летом в Сочи. В 1938 году она там сошлась с женатым старомодным интеллигентом – и в 1939 году родила дочь – Елену. Жить стало совсем невозможно. Но я затыкал уши и нос – и оставался отличником. Летом дядя Таля и тетька Катя снимали примитивную «дачу». И брали меня к себе.

Не сняли они только в 1941 году. Я остался в Москве. Мне было 15 лет. Я закончил седьмой класс с похвальной грамотой...

Философия. Я уже ознакомился с философией. Первой философской книгой, которую я прочитал, была работа Сталина «О диалектическом и историческом материализме». В 1940 году вышел первый том «Истории философии». Затем второй. И «Философский словарь». Я был по уши в философии. Работу Сталина я знал наизусть. А также двухтомник Маркса-Энгельса. Ничего другого не издавали. И сейчас для меня первый том «Истории философии» – священная книга, хотя говорят, что своим учебником «Философия Древнего мира» я один превзошел весь коллектив авторов этого тома, получивший за него Сталинскую премию. Одну на всех. Интересно, как они её делили. Конечно, философствующий гангстер Александров – автор (?) сумбурной главы об Аристотеле – отхватил себе большую часть. Его докторская диссертация была об Аристотеле. В ней были даже древнегреческие слова. Она была явно выполнена в «круге первом» каким-то недорасстрелянным философом. Александров заведовал в ЦК пропагандой. И я никогда не поверю, что он сам написал свою докторскую диссертацию. Я его видел только один раз. Роба у него была самая бандитская. Бандит в философии.

Война. Итак, летом 1941 года я остался в Москве. И вот 22 июня. Я был у тети Кати, в их бессолнечной сырой комнате в жуткой, как и везде, коммуналке. Я только что закончил читать «Портрет Дориана Грея» (читал я много), как объявили о выступлении Молотова. Было 12 часов дня. Так для меня началась война.

Уже в первую ночь я дежурил с противоголозом у подъезда своего дома и дрожал от страха. Была тревога. Бомбили и стреляли. Как затем сказали –

учебная. Первая настоящая бомбежка началась ровно через месяц – в ночь с 22 на 23 июля. В августе мы все – тетя Лена с с двухлетней дочерью Аленой и моя мать со мной были эвакуированы в телячьих вагонах из Москвы от Радиокомитета. Мужья провожали своих молодых жен с малыми детьми.

Мало кому из них довелось снова встретиться. Гитлеровцы беспощадно истребляли и кадровую Красную армию, и Народное ополчение с одной винтовкой на десятерых, шедшее на немецкие танки. Миллионы попали в плен.

Наш корифей, дотоле сам лично разгромивший Красную Армию (маньяк-властолюбец уничтожил 3 маршалов из 5, 3 командармов 1 ранга из 5, всех 10 командармов 2 ранга, 50 командиров корпусов из 57, 154 командиров дивизий из 186, всех 16 армейских комиссаров 1 и 2 ранга, 25 корпусных командиров из 26, 58 дивизионных комиссаров из 64, 401 командиров полков из 456, 40 тысяч офицеров) обосрался.

1941 – 42 учебный год. Оказавшись в городе Камышлове за Уралом, я закончил 8 класс. Жили с коптилкой. Неизвестно чем топили и что ели... В деревне рядом с городом. В школу в городе я ходил пешком. Две первые четверти я учился в городской школе. В трех восьмых классах я был единственным отличником. Затем со скандалом перевелся в школу при железной дороге. Там было много приезжих учителей. И сразу же у местного математика схлопотал двойку по математике. Ко мне даже прикрепили девочку-репетитора. Вот какова разница в школах! Много занимался дома при коптилке. Выправился. Однако похвальную грамоту не получил из-за слова «собачЬей» - написал его без «ь».

Летом 1942 года я пошел работать. Мне 16 лет. Я чернорабочий (раб) на Птицекомбинате (ни одной курицы, зато полным-полно шустряков, они никак не чернорабочии и вообще не рабочие, они все в руководстве и руководят десятком таких, как я, русских рабов), затем ломовой извозчик сперва на лошади, потом на воле, затем рабочий в подсобном хозяйстве комбината в 15 километрах от города (один раз домой на ночь бегал). И всё это за три месяца! Меня не хотели отпускать в школу. Я еле вырвался. Дома тяжело заболел стоматитом.

1942-43 мало учебный год. МОСКВА

Тетя Катя, которая уехала в Москву вскоре после нашего приезда в Камышлов, выхлопотала нам пропуска в Москву.

Москва! Как много в этом слове для сердца русского слилось, как много в нем отозвалось !

Москва была затемнена. Ходили, натыкаясь друг на друга. Школы не функционировали. Были платные экстернаты. Я пробовал там заниматься. 9 класс я фактически не проходил. Электричества и парового отопления не было. В комнате стояла железная печурка с трубой на улицу. Чем топили и что ели, не помню.. Конечно, в этих печурках сгорело громадное количество книг.

1943-44 учебный год. Мне 17 – 18 лет. Летом 1943 года я поступил на подготовительное отделение Московского горного института имени Сталина.

Это давало рабочую карточку (800 г. хлеба) и отсрочку от призыва в армию. Воевать я не хотел. За три месяца мы прошли программу 10 класса, сдали экзамены (я был лучшим) и оказались студентами первого курса института. Переход из школы в вуз для меня оказался очень тяжелым.

Лида. Будучи учащимся подготовительного отделения, я первый раз влюбился. Её звали Лида, Лида Федотова. Она училась в одной со мной группе. Сперва я её не замечал. И вдруг, когда она во время перерыва вошла в аудиторию, где я сидел, я её увидел – и влюбился. У меня был соперник – некий Пивоваров, тоже из нашей группы.

НАЧАЛО СТИХОПЛЕТСТВА. Влюбившись, я вдруг разразился стихотворением. Во мне открылся талант, о существовании которого я и не подозревал. В своем первом стихе, вылившимся из меня стихийно утром 23 августа 1943 года (день завершения битвы на Орловско-Курской дуге), я выразил свою сущность: острое чувство одиночества, неполноценности, не признанности, враждебности ко мне окружающего меня мира, невозможности для меня нормального счастья, чувство, обострившиеся вследствие первой любви, заранее обреченной мною же на фиаско

*Отвергнутый, покинутый всем светом,
Я замыкаюсь в одиночестве постылом.
Ничто не будет более - всё было.
И ни одна душа не подойдет с приветом.*

*Один. Опять один... С открытым сердцем
Я подошел к тебе, прося участия.....*

23.08.43 .Мне 17 лет.

Разумеется, предмет моей любви ничего об этом не знал. Когда мне однажды показалось, что несчастная девочка ко мне враждебна, я дошел по перилам Крымского моста до воды. Это на высоте двухэтажного дома. Мои два приятеля в ужасе перебежали на другую сторону.

Наконец, мне удалось поближе познакомиться с Лидой. У неё не было родителей. Она жила в доме, что за Большим театром. Мы даже один раз были в филиале Большого. Моя любовь кончилась ничем. Я её даже ни разу не поцеловал. Мы оказались на разных факультетах – и я потерял её из вида. Правда, раз, зимой, вечером, одиноко бредя по улице Горького в сторону центра, я её встретил, пешком спешащую в противоположную сторону – к Белорусскому вокзалу. Я доехал с нею на электричке до какой-то станции. Сойдя с электрички, мы разошлись. Я вернулся в город. Больше я Лиду не видел. Страшная застенчивость семнадцатилетнего юноши помешала продолжению знакомства. К тому же ещё полное безденежье. Нищета.

1943-44 учебный год. Я студент первого курса Московского горного института им. И.В. Сталина (электромеханический факультет, отделение горного машиностроения). Страшное одиночество. Я балуюсь стишками и почти не учусь. Летом 1944 года нас, студентов Горного института, послали

на лесозаготовки за Калинин. Там у нас были страшные драки вплоть до убийства с местными деревенскими парнями, к которым примкнули московские рабочие парии. Но мы были не какими-то тщедушными филологами, а горняками. У нас сразу образовалась элита во главе со студентом Цоем. Мы все спали в клубном зале. Но элита спала на сцене. Кореец Цой был ничем не примечательным студентом, в прошлом уголовником. Но в этой ситуации он выдвинулся. Я наглядно увидел, откуда берутся Чапаевы и Щерсы. По возвращении в Москву я тяжело заболел. Меня оставляют на второй год.

1944/45 учебный год. Мне 18 - 19 лет. Будучи второй раз студентом первого курса (я второгодник), я, желая уйти из Горного, поступил в платный очный экстернат, дабы получить нововведённый тогда *АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ...*

Аттестат зрелости я получил. Но без медали. Между тем война кончилась. Шел победоносный май. Я написал: «Авл. Сцены из римской жизни». С новым аттестатом я летом 45 года пытался поступить в Литературный институт. Но мне дали пинка. Вернули мои слабенькие крошечные вирши. Затем в новооткрывшийся Институт международных отношений. Но и там мне дали пинка. Меня не пропустил врач. Вся моя морда была в прыщах.

Клавдия. Моей первой женщиной была Клавдия. Она также училась в экстернате, вместе со мной. Она была на 5 лет меня старше (24 года). Её фамилия была Шувалова. Но она созналась, что она еврейка. Со всеми вытекающими отсюда национальными особенностями. «*Мой отец был очень умным, - сказала она. - Он вовремя поменял фамилию.*» Какая у неё была настоящая фамилия, она не сказала, а я и не спрашивал. Жила она одна на Малой Пироговской в крошечной комнате в одноэтажном деревянном доме. У неё была младшая сестра. Однажды вместо Клавдии оказалась её сестра. Было очень поздно - и я целомудренно переночевал с этой сестрой на узенькой кровати. Этот домишко давно снесли.

*Словно на дне океана
В памяти эти дома,
Где мы любили так рьяно,
Где мы сходили с ума...*

Я проводил у Клавы по двое суток. В голоде. Она никогда ничем меня не угощала. А у меня не было денег. Домой я являлся голодным, как волк. Мать меня кормила. Соседка Вера Эдуардовна возмущалась таким поведением неведомой ей женщины. Но что делать? Клавдия была скупа. Шустрячка.

Неподалеку от неё находилось Министерство местной промышленности. Золотое дно. Там у неё были знакомые. Ей давали ордера на одежду. И весь её платяной шкаф был забит новыми женскими вещами. Вскоре её ограбили. Частично по моей вине.

Наши отношения продолжались два-три месяца.. Затем она уехала в дом отдыха на юг. И на этом всё кончилось Так бесславно прошло у меня лето

1945 года.. Я остался в МГИ. Так что я поторопился, когда в июле сказал о МГИ в прошедшем времени:

*В бездушном царстве интеграла
Влачились тяжко дни мои
Без божества, без идеала,
Без вдохновенья и любви.*

03.07.45

*Я страдал одиноко средь мира
«Сопромата», «Деталей машин»...
А черченье? Страдалица-лира
В этом царстве бездушных рейсиин!*

04.07.45

1945/46 учебный год. Будучи в 1944-45 гг., второкурсником, я сдал экзамены на хорошо и отлично и перешел на второй курс. Напомню, что уйти мне не удалось.

Но и на втором курсе я халтурил. Не лежала моя душа к горному машиностроению! И летом 1946 года я поступал на астрономическое отделение мехмата МГУ. Решив, что у меня по сочинению двойка, я бросил сдавать экзамены (а оказалось пять с плюсом). И снова остался в МГИ! Я снова второкурсник.

1946/47 учебный год. Я второй раз на втором курсе МГИ. В ноябре 1946 года я чудом оказался в Цхалтубо.

Немного окрепнув, я поступил в школу рабочей молодёжи дабы в третий раз окончить среднюю школу. Получить медаль.

Мне и теперь иногда снится, что я, будучи уже профессором, снова учусь на медаль. Я переживаю, что скоро экзамены, а я почти не ходил на русский язык. Да и всё остальное запущено. А надо ли мне сдавать эти экзамены? Я просыпаюсь в ужасе.

Я и тогда медали не получил, но хорошо натаскался для экзаменов в вуз. Тем временем терпение институтского начальства лопнуло – и в марте 1947 меня отчислили, выдав мне мой первый аттестат. С марта по сентябрь 1947 г. я жил без продовольственной карточки. Я ничего не ел. Имея два аттестата, я летом 1947 года поступал на философский факультет МГУ и на японское отделение Института востоковедения. И был принят и туда, и сюда. После некоторых колебаний я сделал выбор: Японии я предпочел философию. Мне 21 год.

МГУ

1947/48 учебный год. Итак, я осенью 1947 года оказался студентом философского факультета МГУ. Стал получать продовольственную

карточку. Впрочем эти карточки вскоре отменили. Началась новая жизнь. Отныне и до сих пор моя жизнь связана с МГУ, с философским факультетом. Я был спасен. Я оказался на своем месте. Самое страшное в жизни, когда человек не на своем месте. Я это испытал в 1943-47 годах. Эти годы – самые страшные в моей жизни. А ведь это годы юности (17-21).

Однако моё спасение могло бы окончиться катастрофой.

На факультете обстановка была тяжелой. В философии царил сталинский маразм. Правда, началось некое оживление. Летом 1947 года прошла инспирированная Сталиным ждановская философская дискуссия. Дав в 1945 году Г.Ф.Александрову свою премию за книгу «История западной философии», тиран затем его приревновал. Но ограничился минимумом. Не расстрелял. Разносом на конференции. Жданов сказал, что наши философы не занимаются современной ситуацией в СССР из-за трусости. Но это было не больше, чем провокация.

Начал выходить журнал «Вопросы философии». Первый толстый номер содержал в себе материалы философской дискуссии. Интересно было бы заглянуть в него сейчас. Маразм?

Я не сразу понял, куда я попал. И вел себя неосторожно. Иногда вызывающе. Вывесил свою маленькую стенгазету. Это было страшным преступлением. Стенную газету факультета издавала редколлегия, назначенная и утвержденная факультетским парткомом. На семинаре по истории КПСС я задавал глупые вопросы. Например, почему Плеханов был не прав, опасаясь, что при радикализме социал-демократов отшатнется русская буржуазия? Ведь от этого и потерпела поражение первая русская революция. Почему меня не арестовали, я не знаю. На первом же курсе был арестован и бесследно исчез мой однокурсник, студент по фамилии Красин. На комсомольском собрании своей группы он якобы выразил желание заниматься индийской философией. А так как никто, начиная с декана Кутасова и кончая вахтером, не знал, что такое индийская философия, то на всякий случай его посадили. И ночью он исчез бесследно.

Летом 1948 г. прошла августовская

сессия ВАСХНИЛ. Генетика и генетики были окончательно раздавлены. Босоногий агроном победил науку.. Надолго. На 16 лет. До 1964 года – до отставки серого Хрущева. Наша биология лежала в развалинах.

1948/49 учебный год. Второй курс. Весь сентябрь 1948 года мы изучали доклад мафиозного Трофима и сдавали спецзачет. От Менделя, Моргана, Вейсмана только клочья летели. В словаре иностранных слов 1955 года на слово «миф» был дан пример: «мифическая теория генов».

10 декабря 1948 года Генеральной Ассамблеей ООН была принята Всеобщая декларация прав человека. Декларация провозгласила приоритет достоинства личности, прав и свобод человека, закрепила равенство прав всех перед законом и равную защиту закона, право каждого на личную свободу и неприкосновенность, свободу мыслей и религии, совести, передвижения и др. Были провозглашены также социально-экономические и

культурные права людей. 10 декабря по решению Генеральной Ассамблеи ООН отмечается во всем мире как День прав человека.

У нас же эту Декларацию зажали. Она нигде не была опубликована. Американцы вывесили её у посольства США на Моховой рядом с МГУ. Но почему-то на английском языке. Одна аспирантка философского факультета со словарем в руках стала переводить Декларацию прав человека народу, но была схвачена и отчислена.

В феврале 1949 года, вернувшись после коротеньких зимних каникул на факультет, я сказал для себя (только для себя!):

*Приветствую тебя, казармы уголок!
Весь в паутине ты. Давно паук мохнатый
Отсюда мысль и совесть уволок,
Оставив нам одни свои цитаты.*

10.02.49

И я затаился.

Генриетта. На первом курсе я познакомился с Генриеттой. Она была моя ровесница. Но училась уже на 4 курсе.

Она училась на психологическом отделении философского факультета. Психология ещё не выделилась в особый факультет. До этого было далеко. Мы как будто любили друг друга. Во всяком случае ежедневно встречались. В университете. На улице. Больше было нигде. Но у нас не налаживалась сексуальная жизнь. Да и как она могла наладиться в подворотне. Это теперешняя молодежь перепихнется в подъезде и говорит: «У нас была любовь!». Летом 1948 года мы были в Геленджике в университетском санатории.

В 1949 году Генриетта закончила психологическое отделение философского факультета. Она уехала на этот раз без меня – с подружкой Лидой. В дом отдыха на Оке. В Поленово. Там она сошлась с парнем, что был на 3 года её моложе. Ей (и мне) 23, ему 20. Это Наматэвс Анатолий Альфредович. Русский (?). Член ВЛКСМ. Из Риги. В 1949 году закончил в Риге среднюю школу № 16. Он приехал в Москву поступать в Московский гидромелиоративный институт. В Поленово он приезжал к работающей в доме отдыха матери. Заодно он оплодотворил Генриетту. Они и в Москве встречались...

Потом обнаружилось, что Генриетта в положении. И всё раскрылось.

И вот передо мной кое-как нацарапанный карандашом текст Генриетты. Он давно уже не читабелен. Хорошо, что я когда-то по нему написал его чернильную копию.

Это рассказ Генриетты о её разговоре с Анатолием.

Вчера, когда я ему сказала о ребенке, тут же сказала, что я теперь потеряла всякое уважение к себе,

Что я тварь, что теперь меня в жизни ничего не удерживает.

Он говорит: это глупо, так нельзя.

Потом: семьи у нас не выйдет.

Я: конечно ещё не хватало. После этого я не могу смотреть, ни о каких встречах не может быть и речи.

Он тогда спросил: Как ты относишься к Аське?

Я сказала, что он очень благородный, умный, что я его любила, что отдала ему всё самое хорошее, что у меня было (???). Я считаю себя виноватой перед ним. Нельзя так было тянуть, мне было давно с ним расстаться, сказать всё с самого начала, как я приехала.

Он просил меня не уезжать, ничего с собой не делать, сказал, что в крайнем случае мы можем пожениться.

Я сказала, что это ерунда, я не хочу.

Он говорит, что я должна сдавать в аспирантуру.

Я не верю теперь ни одному его слову, насколько я раньше была доверчива, теперь наоборот.

Теперь, 22.05.99, через полвека, я думаю, что в этом документе мало правды. Доверчивым-то был я!

И расхлебывать кашу пришлось мне. Моя мать сочувствовала этой девке и даже не возражала против моей женитьбе на ней, беременной от другого. Но более суровая тетя Лена стала меня отговаривать. И, казалось, отговорила. И переубедила мою мать. И я сказал на Кузнецком мосту Гете, что я передумал. Она меня догнала и вlepила мне пощечину В гневе я притащил её в тогда пустующую комнату тети Кати и дяди Тали и позвонил Анатолию. Не помню, откуда у меня был его московский телефон... Я сказал ему, что она меня ударила и предложил ему её забирать. Они встретились на Петровке на моих глазах. Тогда-то я его впервые увидел. Он был весьма некрасив. Они шли по Петровке в сторону центра мимо Пассажа. Я шел за ними. Потом я вернулся к матери.

1949-50 учебный год. Мне 23-24 года. Я студент 3-го курса.

В начале октября я расписался с Генриеттой. Не помню, как это у меня получилось. Тайком от матери. А я не пошёл к родителям Генриетты. Я хотел жить дома. ЗАГС был в нашем доме. Мать почувствовал, пошла и узнала. И устроила мне дикий скандал. Я буквально бежал из дому. За мной летели пустые кастрюли. Я был вынужден перейти к родителям Геты, чего я совсем не хотел. У матери я не появлялся полгода..

Родители «жены» меня ненавидели. Будучи сволочью, они думали, что нищий студент женился на их дочери по материальным соображениям. А я её любил. 21 апреля 1950 года у неё родился сын - Александр. Я его записал на себя.

Летом 1950 года я был один в университетском доме отдыха на Рижском взморье. В Пумпури. Там я понравился одной симпатичной девушке. Но увы!

Я был женат.

1950-51 учебный год

Когда я записал Александра на себя, я уже не был нужен в доме Докшиных. Хитро спровоцировав меня на скандал, они меня выжили. Так с

Кутузовского проспекта я вернулся к матери в темный угол на Петровских линиях.. Шла осень 1950 года. Я продержался у сволочей всего один год. Они, как сообщила мне моя «жена», были очень довольны теперь от меня избавиться. Ширма стояла крепко и без меня. К «жене» я ходил тайком, днем, когда сволочей не было дома. Полковника, кандидата исторических наук Степана Васильевича и учительницы биологии Анны Ивановны. Меня к матери обратно не прописывали. Участковый стал грозить ей штрафом. Мне пришлось обратиться за помощью к «тестю». Вышел неприятный разговор, в ходе которого подонок заявил мне, то я «черное пятно» в МГУ и что он завтра может меня оттуда изгнать.

..... Я упрекнул родителей Геты, что я был для них ширмой.

А она вошла в комнату, где у меня был этот разговор, и стала поливать меня грязью.

Этого я ей никогда не мог простить. И когда через 13 лет я неожиданно для самого себя вспыхнул и окончательно ушел, то я вспомнил именно это (не измену). «А помнишь как ты меня вместе со своими родителями грязью поливала!» - воскликнул я и плюнул ей в морду. Это было при Александре. Ему было 13 лет.

Тогда же в ответ на вызов «тестя» я обратился в нашу комсомольскую организацию с заявлением, в котором я описал всю свою ситуацию. К ним ездили. Нашли, что они темные люди. Предлагали обратиться в Военно-политическую академию, где «тесть» работал. Я отказался. Тогда я помирился с «женой» и ходил к ней днем, когда она бывала одна. Даже гулял с ребенком. Летом 1951 года я был в двенадцатидневном доме отдыха «Турист» под Москвой. Там я познакомился с одной хорошей женщиной. Её судьба была страшной. До войны она жила в Ростове на Дону. Была замужем. Муж оказался садистом. *«Просыпаюсь от боли,- рассказывала она. – А на мне лежит горящая сигарета».* Её угнали в Германию. Она там батрачила на ферме у немца. Он её избивал... Но увы! Я был женат.

1951-52 учебный год. Мне 25-26 лет. Я на пятом курсе. Продолжаю жить при матери с теткой и кузиной. Теснота страшная. Зато при своих. Хожу днем к «жене». Там меня однажды застал тесть. Заболел – и раньше своего времени вернулся из академии домой. Ничего не сказал. Я тоже. Но был удивлен, что мы, оказывается, не расстались. Хитрая дочь во всю обманывала родителей. И меня.

В 1952 году я закончил философский факультет – и был оставлен в аспирантуре на кафедре истории зарубежной философии.

Это было чудом.

Нас было семь человек студентов-дипломников на кафедре ИЗФ. Заведующий Теодор Ильич Ойзерман. Я бы никогда не попал в аспирантуру, если бы не было кампании против «Иванов, не помнящих родства», космополитов. А таковых на курсе было много. Я стал бы школьным учителем истории где-нибудь на Алтае. Впрочем, почти все наши однокурсники-космополиты стали докторами наук, а то и профессорами и

без аспирантуры. Левада. Грушин. Ракитов... Пока что оставили 6 из семи. Седьмым был космополит Иванов. Защитил же диссертацию в срок один я. Как остальные – не знаю. Один из них принялся ругать Бертрانا Рассела. А он возьми да и стань борцом за мир. И вся остро критическая диссертация поехала. А ведь ещё недавно в первых лекциях нашей кафедры по критике современной буржуазной философии безумный Михаил Александрович Дынник представлял Рассела «Поджигателем войны №1». Две девицы стали аспирантками явно через диван зава-шустрика. Ни одна из них не защитила диссертацию. Одну мы всю учебу прорабатывали за безделье – и она в аспирантуре! Некая Кочетова. Яхтсменка. Вторая для меня олицетворяла Дуньку в философии. Она сбежала с каким-то лейтенантиком. Я её нашел в Талине, где был на конференции по протестантизму. У неё в квартире был громадный аквариум.

Но пока что надо было заполнить анкету на 16 страницах. Пройти партбюро факультета. Партком Университета. Лично райком. Заочно горком.

Первый контакт с КГБ. И, наконец, некий помощник некоего проректора МГУ:

- «А где Ваш отец? –
- Умер в Астрахани в 28 году.
- А где похоронен?
- Там же.
- А может быть он не умирал? Идите и спросите у своей матери, где Ваш отец?»

Через неделю: «Спрашивал. В Астрахани...

– Идите...»

Через месяц:

Распределение. «Арсений, иди домой! Мы тебя вызовем...»

Через неделю:

«Арсений! КГБ против тебя ничего не имеет. Приходи завтра на распределение...»

26 июня 52. Решением Государственной экзаменационной комиссии от 26 июня 1952 г. Чанышеву Арсению Николаевичу присвоена квалификация научного работника в области философских наук, преподавателя Вуза, звание учителя средней школы

1952-53 учебный год. Я аспирант. Даже комсорг кафедры. Смерть Сталина во втором семестре моей аспирантуры.. Меня с моей первой женой чуть не задавили на Трубной площади. Еле вырвались. С тех пор я стал патологически бояться толпы.

1953-54 учебный год. Осенью открылось новое здание МГУ на Ленинских горах. Я аспирант второго года обучения. Хотя я был москвичем и формальных прав на это не имел, мне как комсомольскому активисту дали комнату в зоне Г. Восьмиметровку

Шесть свиней. После смерти Сталина начали снова поднимать деревню.

Первая статья. Но были и другие свиньи. В 1954 году мы в соавторстве с доцентом Ю.К.Мельвилем опубликовали статью «Ирония истории» в журнале «Вопросы философии» (1954, №2). Она получила положительную оценку со стороны журнала «Коммунист» (1954, №15). Здесь свиньями были мы. У меня сохранился оттиск этой статьи. Недавно я её перечитал. Конечно, я не буду её публично рвать, как это сделал профессор-перевертыш В.В. Соколов со своей книжонкой «Предшественники научного коммунизма». Что было – то было. А тогда по-другому и не могло быть. Не напечатали бы. А то и посадили. В каком-то смысле я даже восхитился нашей статьей. Конечно, главную роль здесь сыграл прожженный карьерист и тайный кагэбевец Мельвиль. Ведь я один затем ничего подобного написать не мог. Оголтелая декларативная критика «ИХ». Оголтелая декларативная уверенность в неизбежной победе коммунизма

Потом один аспирант в своей диссертации написал, что всё человечество приближается коммунизму *«неотвратно!»*. При обсуждении этой диссертации на кафедре я заметил, что это слово какое-то двусмысленное. Но меня никто не понял. Чувство юмора у этих говнокопателей начисто отсутствовало. В конце этого учебного года у меня произошел случайный неприятный инцидент в столовой. К тому же меня еще в связи с ним и оклеветали.

1954-55 учебный год. И на этот учебный год комнаты уже не дали. И я снова, как и от Докшиных, вернулся на свою «малую родину» – Петровку – за тетин шкаф, в полутьму. Тем не менее, я во время представил диссертацию на обсуждение – и был рекомендован к защите.

1955-56 учебный год. С 1 ноября 1955 году я ассистент. Нам снимают комнату. Я переписываю диссертацию заново. В 1956 году защищаю.

3 июля 1956 г. Решением (далее не могу прочитать, я ослеп, у меня катаракта – 2 января 2004 года)... **Чанышеву Арсению Николаевичу присуждена ученая степень кандидата философской наук.**

1956-57 учебный год. Останкино (1956-63). .. По воле родителей Генриетты я осенью 1956 оказался с ней и с сыном за 52 тысячи в пристройке с печкой, керосинкой, колонкой, помойкой, дровами... Было только электричество. Эти неудобства тяжело ударили по мне. Одна крошечная псевдопечка чего стоила!

И шепчут капли дождевые,
Листву и стебли теребя,
О том, что дни пошли иные,
Дни на исходе сентября.

И счастье - тоже на исходе:
Нет неги летних вечеров!
Несчастье! При такой погоде
Влюбленным нужен теплый кров.

А впереди - и дождь, и вьюга,
Тяжелый труд и злая печь,
Топить которую - наука,
Что в формулы нельзя облечь.

20.09.57

Слова о теплом крове для влюбленных очень импонировали моей жене, поскольку она во всю «гуляла».

Эта покупка была глупостью. Дело в том, что пошли слухи, что начнется кооперативное строительство. И Москва покрылась объявлениями о продаже халуп. Надо было бы переждать год. И тогда за 52 тысячи можно было бы сразу купить трехкомнатную квартиру. Из этих громадных тогда денег надо было выделить 6 тысяч на аренду комнаты, а остальные положить Генриетте на сберкнижку. Но увы! Я не смог перевести стрелку перед самым поездом. К тому же в 1957 году умер Степан Васильевич. А в общем для здоровья там было хорошо. Толкнул дверь – и ты на свежем воздухе. У меня перестало болеть сердце. Я катался на лыжах. Сын ходил в школу.

В автобусе у Савеловского вокзала. Случайная встреча. Бывший однокурсник:

- *«Арсений! Я не понимаю, почему тебя не посадили?»*

- *«Я тоже...»*

Весной 1957 года у меня случился флегмонозный аппендицит. Я чуть было не погиб. Операция.

А тут ещё сокращение в МГУ. Меня переводят на полставки. Летом я в Эссентуках. Возвращают на полную ставку. В денежном отношении я ничего не потерял. Но лето было испорчено.

1957-58 учебный год. Меня переводят в старшие преподаватели.

1958-59 учебный год.

1959-60 учебный год.

Чужая жена. Так как моя жена меня третировала и на неё у меня была большая обида, то у меня постепенно завелась женщина на стороне. После двухлетнего ухаживания, она, наконец, решилась изменить мужу и вступила со мной в связь. И было это летом 1959 года. Наши безрадостные отношения продолжались шесть лет. Первые два года она жила с мужем, я с женой. Вторые два года она якобы жила без мужа (*«он ушел, приходит только к дочери»*), я с женой. Второй период закончился тем, что она родила сына, приписав его и мужу, и мне. К этому времени эта особа расшатала мою семью. Всякий раз, как мы расставались, она говорила *«Пойдем ко мне!»* И я верил. И вот я ушел. *«Что же ты меня к себе больше не зовешь?»* - *«Пойдем, если хочешь скандала»*. Ведь муж-то продолжал жить у неё, хотя и без прописки,

Вступив со мной в связь летом 1959 года, эта особа уже осенью заявила мне, что она от меня беременна. Ей надо делать аборт. Но муж ничего не должен об этом знать (как будто бы она не могла сказать ему, что она беременна от него), а потому она будет делать аборт на квартире у какого-то

абортиста-старичка почти в антисанитарных условиях, на кухне. На аборт она взяла у меня 50 рублей. Я очень переживал. Я всегда был противником аборта, видя в нем убийство. На следующий день я с трепетом открыл дверь в служебное помещение, где эта особа сидела. Да, на следующий день после аборта сия героиня уже вышла на работу. Увидев меня, особа сделала вид, что её тошнит. Нет, не от меня, а из-за аборта. Я повез её домой. Такси мне было недоступно – и мы поехали на метро, а далее на троллейбусе. Я её тщательно оберегал от толчков. Она же вручила мне цветную открытку, на которой была изображена очаровательная маленькая девочка. На обороте же особа написала об этой якобы не родившейся девочке следующие слова: **«Оно могло бы играть в парках. Оно бы жило, страдало, радовалось...Конец всему, что не обрело сознания, всему, что не обрело жизни – дыхания, восторгов, жалоб, роста, становления. Не осталось ничего, только грязь и пустота».**

Эта открытка и сейчас (27 августа 2003 года) при мне. Я не знаю, куда её передать. А она должна быть увековечена. Это один из главных документов человечества, превосходящий документы Нюрнбергского процесса. Этот документ от сентября 1959 года. И через шесть лет, в 1965 году, раскрылось, что на самом деле никакой беременности и никакого аборта не было.

Я назвал свои автобиографические записки – «Воспоминания лоха». Да, много было в моей жизни лоховости. Но это, как мне кажется, вершина.

Однако я забежал вперед.

1960-61 учебный год. *Моя первая книга «Философия Анри Бергсона». МГУ. 1960.* Да, книга, хотя в ней 56 страниц. «Книга» начинается с 49 страницы.

1961-62 учебный год.

С осени 1961 года я на должности доцента кафедры истории зарубежной философии философского факультета МГУ.

Наконец-то! Тогдашний зав держал меня в черном теле. Я был у него три года ассистентом и три года старшим преподавателем (1955 – 1961 гг.). Наконец, попав в мои руки по линии своего типичного для этой жирной похотливой свиньи полового распутства, зав - шустряк струсил и сделал меня доцентом. Я за это оставил при себе имеющуюся у меня против него информацию (связь со студенткой, которая была в свою очередь в связи с гражданином Франции, что в те постные времена не одобрялось).

1962-63 учебный год. Мне 36 – 37 лет.

«Решением Высшей Аттестационной Комиссии от 14 ноября 1962 г. Чанышев Арсений Николаевич утвержден в ученом звании доцента по кафедре истории зарубежной философии»

С 1 сентября 1962 года мне предоставили псевдо докторантуру. Педагогическая нагрузка 2 часа в неделю. Я должен бы писать докторскую диссертацию по протестантизму. Но работа у меня не шла. Ведь я в течение трех месяцев регулярно ездил через всю Москву на какую-то Соколиную гору, куда была помещена на сохранение беременности чужая жена.

3 февраля 1963 года у чужой жены родился сын. Так как ко мне привыкли и считали мужем чужой жены, то когда я пришел, меня поздравили с сыном. Я написал записку – и получил ответ. Уходя, я столкнулся с мужем чужой жены. И поздравил его с сыном, сказав, что я от профкома. Мы друг друга хорошо знали. Чужая жена, муж чужой жены и я – все были философами. Да, все философы-брахманы (по-старому брамины). Так как я заторопился, то сей муж якобы что-то заподозрил. Я и дальше приходил. Хотел её брать с сыном из роддома. Она же написала, что за ней придет мать. Врала. Не мать, а муж.

Фактически она приписала сына и мне, и мужу. Она приходила с младенцем к моей матери, когда я там был. В связи с рождением сына, а я верил, что это мой сын, у меня в феврале – апреле произошел поэтический бум.

Где ты, мой сын? Запоздалый сынок.
Новорожденный. О, слово какое!
Где ты, мой сын? Ты и мой — и не мой.
И не ко мне принесут тебя в дом,
И не ко мне ты из школы домой
Будешь ходить, когда выпадет срок...
Где ты, мой сын? Где сынок мой? Сынок
Новорожденный! О, слово какое!
Отдал тебя я своею рукою.
Отдал тебя я. Не вторгся в твой дом.

Дом твой — не мой. Твой отец — не отец.
Твой же отец — не отец, а подлец.
Нет, твой отец — не отец. Не отец
Тот, кто подлец, даже если- отец.

06.02.63

Чужая жена подличала. Я понял, что меня обманывают.

*Я, как всегда, преувеличиваю –
И говорю, что я убит.
Но как-то всё не по обычаю,
И нет ни плача, ни молитв.*

*И были ружья изготовлены,
И был проверен их прицел...
Всё было так, как установлено.
Я был убит. Убит... и цел.*

*На мне ни крови, ни царапины.
И сердце бьется, как всегда.
А что моя душа ограблена –
То не заметят никогда.*

*Не встанут на дыбы троллейбусы,
Не загорятся провода...
Но будет нерешённым ребусом
Меня сопровождать беда.*

01.03.63

***Я был убит. Я был убит. Но тут же
Я позабыл, что это я убит.
У мертвых есть прекрасное оружие:
Их мозг не мыслит, сердце не болит.***

*Напрасно к ним взывать, моля о жалости.
Они мертвы. Не возместить потерь.
В меня прицелились из полу-детской шалости -
И я убит, как браконьером зверь.
При свете дня, при свете электричества
И даже в темноте не помню я обид.
Должно быть, в качество здесь перешло количество.
Я не обижен был... Я просто был убит.*

*И жизнь моя по-старому размеренно
Течёт вперёд, как должно, под уклон.
Что было – то прошло. Что я имел – потеряно.
То впрямь наука мне: впрямь не считай ворон!*

*Я жив и мёртв. Как мёртвый, я торжественен.
И пошл, и глуп, как прежде, я живой.
Но к тем, кто в смерти был моей ответственен,
Всегда повернут мёртвой стороной.*

*Нет, не взывай ко мне, моля о жалости!
Не проливай напрасно столько слёз!
В меня прицелились почти из детской шалости,
Но умер я надолго и всерьёз.*

03.03.63

*Любимая! Стоял я под окном
Твоим вчера. Всё мирно, тихо было.
Играли дети во дворе. Но гром
Гремел в душе. И думал я уныло,
Смотря на маленьких резвящихся детей,
Что всё могло бы быть у нас, как у людей.*

*Любимая! Теперь смешны упрёки.
На острове живу как нелюдим.*

*Мне Робинзоном жить. Ушла ты в путь далекий
С младенцем на руках. Он мог бы быть моим.*

*Рыдаю я, таясь. Моя беда тайком
Живёт во мне. Она антиобщественна.
По мне давно соскучился партком.
Им не понять, что было всё естественно.
Им не понять. Они тому виной
Отчасти были, что мы лгали
Себе, друг другу, людям, что игрой
Свою любовь мы сделали, что крали
Друг друга у других, с кем связаны без риска
Печатью в паспорте, квартирой и пропиской,
Привычкой, страхом сплетен и огласки...
Боялись мы всего – и мы носили маски.
И маски приросли. Теперь не знаем сами,
Кто мы... И навсегда друг друга мы бросаем.*
05.03.63

***Ах ты, Ахмадулина!**
Ах ты, моя Белла!
Отчего же Нулина
Бить не захотела?*

*Оттого ль, что Нулин
Был не графом – мужем?
Но тогда зачем же
Был тебе я нужен?*

*Для чего старалась,
Лжи сплетала кружево?
Всё равно осталась
Не моя, а мужева!*

07.03.63

Я почти каждый день сочинял вирши. Во мне зрела решимость изменить свою жизнь.

*Поля! Мне внятна ваша талость!
Сползут сопревшие снега.
Пройди и ты, моя усталость!
Меняю жизнь, как лось – рога!*

*Войди в меня, как входишь в вербу,
В ольху и в луковку подснежника!
Верни мне молодость и веру!*

Даруй энтузиазм мятежника!..

10. 03.63

В мае меня избирают парторгом кафедры – и я как поэт тут же заглох. Всего же с 4 февраля 1963 года по конец этого года у меня сочинилось более ста опусов. Среди них Счастье, Одуванчик, Минотавр, Космическое, Новый год, Я...

И как философ также... В конце концов «быт сбил с копыт». Ведь меня оставили на кафедре ассистентом. И я должен был всю расти! А я погряз в дровах, в помойках, в керосине. Печка никак не топилась.

*Печку свою я топлю утром дровами сырыми.
К вечеру кости мои холод пронзает насквозь.
Даже сырые дрова — и те все почти на исходе...
В прошлом году весь апрель жил я без дров...
Ревматизм.*

*Я за водою бегу в валенках, ватник накинув.
После с помойным ведром. После в сарай по дрова.
Там же беру керосин, чтобы разжечь керосинку.
А по нужде я на двор, словно на даче, бегу.*

*Холодом веет от стен и от окна, и от двери.
Печку никак не могу, как ни ловчусь, растопить.
Вот уж седьмую зиму храбро сражаюсь с природой.
Словно в деревне глухой, мыкаю горе в Москве...*

01.04.63

А это уже после бегства:

*Я жил в Москве — недобром городе,
В лачуге, грязной и сырой.
Ребенок плакал за стеной,
Дрались соседи за стеной,
Собака выла за стеной,
Гремели танцы за стеной...
На чердаке кошачий визг,
А подполом мышинный писк...
Я с коммунизмом в сердце жил:
Лачуга мне казалась раем,
Симфонией кошачий визг,
А гегемон мой, пьяный вдрызг,
Был для меня цветущим маем.*

20.11.64

Зав стал мною недоволен. Университет мне ничего не давал. Там всё поглощала конъюнктурная партсволючь, которая потом предала Россию. Меня стала преследовать мысль о самоубийстве. Моя жена меня третировала. Ребенка от меня она иметь не хотела, ибо тогда я стану «плохо относиться к

Сашеньке». Впрочем, у нас были такие жилищные условия, что младенец умер бы в первую же неделю от пневмонии.

В конце мая 1963 г. я с шестой попытки окончательно ушел от Генриетты... «*А помнишь, как ты со своими родителями меня грязью поливала!*» - воскликнул я и плюнул ей в лицо. Это было при Александре. Ему тогда было 13 лет.

Летом я в Ессентуках.

1963-64 уч.год. Снова в коммуналке.

Итак, из Останкино я второй раз (первый раз с Кутузовского проспекта) вернулся на Петровку, на мою «малую родину». Задним числом я писал:

Родная улица Петровка!

Ты всякий раз мне как обновка!

К тебе, куда бы я ни шёл,

Я возвращаюсь нагишом.

****01.75**

А говоря прозой, вернулся к матери в ту самую обрезанную шустрим обрезанным народцем комнату, где тогда по-прежнему проживали и моя мать, и тетя Лена с дочерью Еленой. Тетка и кузина занимали светлую половину комнаты. Я же с матерью ютился в темном углу напротив входной двери.

1963-64. Там за гардеробом тети Лены стоял мой жалкий письменный стол, за которым я при непрерывном электрическом свете на старенькой пишмашке выколачивал свою вторую книгу. Ведь на отчете я сказал, что ничего не сделал. Скандал. Я в панике.

И я, вернувшись в свой угол, с головой ушел в работу. Темно. Душно. Тетя Лена и дочь её Елена ходили мимо меня в коридор почти по моей голове. В коридоре непрерывно звонил телефон. Хлопала входная дверь. Комната была у этой двери. В квартире ещё жили семь семей. В одной комнате умирали, в другой плясали, в третьей пьянствовали, в четвертой читали Шопенгауера... Но я жил на всем готовом. Моя мать тогда ещё могла меня обслуживать. Мне не приходилось тратить время на быт. И я сказал себе, что я не хочу ничего знать, пока не сделаю книгу. Я чувствовал большую вину перед своей женой и сыном за то, что я бросил их в таких тяжелых условиях. Я платил на сына не четверть, а половину своей зарплаты.

1964-65. Отрабатывая стиль, я перепечатал свою книжонку двумя пальцами на пишмашке восемь раз. Наконец, я сдал машинопись в издательство МГУ.

Я продолжал платить добровольно половину зарплаты на Александра.

Разгул. Сдав, наконец, свою книгу в конце 1964 – в начале 1965 в издательство МГУ, я пустился в скромный разгул. Ещё бы. Я полтора года (с осени 1963 по конец 1964) просидел за шкафом в полутьме наедине с одной старенькой пишмашкой.

И вот летом 1965 года в моей жизни произошли большие перемены. Я поменял женщин. А как поэт я вышел на своих.

«Лебеди». Весной 1965 года произошло самое важное событие в моей жизни. Нет, это не вступление в КПСС. Туда я вступил ещё в 1960 году.

Иначе нельзя было работать на факультете философии. Ведь эта баба была партийной... Впрочем, я не был только приспособленцем. Я верил в коммунистические идеалы. Я и сейчас в них верю. В этом смысле я никогда не был антикоммунистом. Я не был редиской: сверху красной, внутри белой. Редиски же меня травили. Теперь, когда эта партсволочь предала коммунистические идеалы, а «новый человек» обернулся киллером, я вижу в каком мире социальной лжи я жил. А я ведь страдал, думая, а что если бы мои сослуживцы узнают, кто я есть! Я бы от стыда умер. Двuruшник. А двuruшниками-то были они.

Я был третий год партторгом кафедры. 13 апреля 1965 года нас, партторгов, собрали и прежде всего обвинили в отсутствии бдительности.

Оказывается, на доске объявлений факультета, при входе, обнаружена записка, где сказано, что завтра, 14 апреля, в день самоубийства Владимира Маяковского, в два часа дня у его памятника на одноименной площади состоится выступление представителей левого искусства. И подпись: СМОГ. *«Вы все, — сказал секретарь партийной организации факультета, — должны не допустить, чтобы кто-либо туда пошел».* Я знал, что у нас на кафедре никто не знает об этом объявлении, а если бы и знали — не пойдут. Народ серьезный, целиком погруженный в критику современной буржуазной философии. Это я один полностью ушел в древность, стал, так сказать, внутренним эмигрантом (в качестве такого я буду представлен в сентябре 1991 году в телевизионной передаче, посвященной прошедшему в августе в Москве Конгрессу соотечественников). Никому ничего не сказав, чтобы не ходили, я пошел сам.

И там, около идола *«талантливейшего поэта нашего времени» (Иосиф Сталин)*, я увидел небольшую толпу, которая угрюмо и настороженно слушала какого-то юнца, читавшего какие-то занудные вирши. А потом выступал со своими не менее занудными стихами другой — розовощекий юноша. Прочитав свои вирши, он развернул какой-то большой свиток. И зачитал по нему то, что он сам назвал «Манифестом левого искусства». А потом он сказал: *«А теперь, кто не трус, идемте с нами бить Грибачева!»*

Потом, через четверть века, в годы «горбачевки» — третьей «оттепели» после «ленинки» (НЭП) и «хрущевки» — я, собираясь рассказывать об этом эпизоде в клубе МГУ на улице Герцена на вечере, посвященном СМОГу, буду бояться как бы вместо «Грибачева» не сказать «Горбачева», что я и сделал, ляпнув на весь зал: «А потом он сказал: «А теперь, кто не трус, пошли с нами бить Горбачева!», вызвав неожиданные для себя жидкие аплодисменты, после чего я извинился за оговорку.

Итак, Вовка сказал: *«А теперь, кто не трус, пошли с нами бить Грибачева!»* И толпа медленно двинулась по Садовому кольцу в сторону Площади Восстания, перейдя для этого на правый от себя тротуар. Я замешкался, ожидая одну знакомую. Как только она появилась, мы, чтобы догнать тихое шествие, сели в попутный троллейбус. Он обогнал идущих бить Грибачева. Из окна троллейбуса я увидел, что шествующие несут какой-то лозунг. Затем троллейбус застрял на каком-то светофоре, шествие снова обогнало нас и

ушло вперед. И когда мы выскочили из троллейбуса, то я увидел на асфальте лишь обрывки этого лозунга. Ведь вся эта демонстрация частично состояла из втершихся в ее ряды агентов КГБ. Они-то и вырвали, и разорвали этот лозунг, совершенно, казалось бы, невинный, но для тех времен страшный, потрясающий все основы: «Свободу левому искусству!» (О содержании этого лозунга я узнал много позднее). Шли к ЦДЛ (Центральный дом литераторов), что на улице Чехова. Чтобы попасть туда, идущая по правому тротуару толпа должна была перейти налево через Садовое кольцо. И мы настолько от нее отстали, что видели это шествие издали. И я как сейчас вижу эту угрюмую массу, пересекающую широкое, полное автотранспорта, Садовое кольцо — основную окружную автомагистраль центральной части Москвы. Когда мы догнали это шествие, то оно уже сгрудилось перед ЦДЛ. Пробовали открыть тяжелую дверь. Но ее предусмотрительно заперли. Толпа перегородила неширокую улицу. Движение транспорта остановилось! На балкон какого-то посольства, что напротив ЦДЛ, вышли любопытные иностранцы. Еще бы! В те времена увидеть такое вольное сборище (тем более, что «хрущевка» уже закончилась, ведь это было 14 апреля 1965 года, уже с полгода как началась брежневщина, впрочем хрущевская оттепель закончилась много раньше, ее прикончил сам Никита, утвердившись на троне и испугавшись последствий своих же реформ) было так же трудно и любопытно, как «плачущего большевика» («Еще бы! Такое не увидишь и в века!» — Владимир Маяковский).

Никто не знал, что делать дальше. Кто-то предложил читать далее стихи. Пытались. Не пошло. Пауза. Затем в плотной толпе началось какое-то волнообразное движение. И вот я, стоящий на другой стороне улицы, вижу, как из толпы стремительно вырывается машина, а в ней между двумя верзилами сидит тот самый розовощекий юноша. Опричники затащили его в машину.

Они это ловко умели делать. Я тут же увидел, как они это делают. Рядом со мной оказался какой-то юноша. Вдруг к нам подлетела черная «Волга». Дверь отворилась. Оставшийся в машине опричник, стремительно открыв дверцу, схватил юношу за руку, второй же, выскочив из машины с другой стороны и обежав машину, нагнул юноше голову — и тот не менее стремительно оказался затащенным в машину. Тот, кто тянул его за руку, подвинулся, а тот, кто нагибал юноше голову, сел в машину уже с нашей стороны. Юноша, когда на него набросились, удивленно воскликнул: «За что?» — «Ты нам мешал!» — был ответ...

{ Да, веселые времена были! Былинные! 14 апреля 1965 года. Прошло четверть века. Четверть века застоя. Началась «перестройка». А тогда, в 1965! Однако и деньги тогда что-то стоили. На десятку можно было целый пир устроить: пол-литра водки, килограмм колбасы, килограмм сыру, килограмм апельсин или яблок, буханку черного, батон белого хлеба... Соленые помидоры, огурцы... Да, времена были сказочные! Духу сейчас свободнее. Свободнее для... Для самовыражения... Стихи уже за батарею центрального отопления прятать на приходится. Наивно, конечно. Они все

находили. В последние годы даже экстрасенсов использовали... Плоти тоже, к сожалению уже, свободнее. Свободнее от... От пищи, от одежды...

*Не огорчайся, мой друг! Горю тоской не поможешь.
Как она есть, принимай жизнь и судьбу не гневи!
Плохо тебе, говоришь... Но может быть хуже. Предала
Бедам никто не нашел. Значит есть в бедах добро!
(6 апреля 1963 года) }*

Я постоял-постоял — и пошел своей дорогой. Да, думал я, есть же герои! А я?

И вот произошла удивительная случайность. Всё значительное в человеческой жизни происходит случайно. Жена моего друга Валентина Герцмана (его отец провел «без права переписки» 17 лет в сталинском концлагере и был выпущен Никитой Хрущевым, чтобы вскоре умереть, Валентин был законный сын своего отца — и его не принимали в пионеры, сын «врага народа») как-то гуляя со своей только что родившейся дочкой в коляске — и разговорилась с другой мамой с аналогичной дочкой. Сейчас этим кобылам под пятьдесят. Та стала жаловаться на своего мужа. Слоняется, мол, по всяким поэтическим литошкам, а семью игнорирует.

Жена моего друга Эля - Бринуэль (!)Федоровна, это похлеще моей первой жены — Генриетты Степановны (интересно, что они обе дочери полковников) не могла ничего такого сказать о своем муже, но зато сказала, что у них есть знакомый, который пишет стихи. Та передала это своему мужу. Это был поэт Вадим Ковда. Он пришел к Герцману, познакомился со мной, посмотрел мои стихи — и через несколько дней отвел меня в Клуб таксистов «Зеленый огонек» за Казанским вокзалом на ЛИТО, которое вел знаменитый Эдмунд Феликсович Иодковский, лауреат какой-то премии за слова «Едем мы друзья в дальние края...» (потом, когда наш мэтр по делам прессы оказался в этих «дальних краях», то те, кого он туда заманил своей песней, его чуть было не побили).

Итак я среди своих. Там «девушки хорошие паренька заметили, руку дружбы подали, **повели в забой**» (надо быть совершенно лишенным чувства юмора, чтобы не умереть от смеха над этими словами популярной песни; злые языки говорят, что первоначальные слова были «повели с собой», но начальство приказало исправить — и так получилась эта гениальная хохма. Впрочем тогда был такой жилищный кризис, что кроме как в забое любовью и негде было заниматься; сюда знаменитое «есть кого, есть чем, но негде»). И там я увидел предмет моей зависти и моего восхищения - героического розовощекого юношу. Им оказался Владимира Батшев. Тогда его отпустили... А позднее выслали в Сибирь, в Красноярский край как тунеядца (он сам это описал в своих «Записках тунеядца»). Итак Батшев. 1965 год. Счастливое время было!

(А теперь, я пишу эти строки в седьмом часу утра 2 января 2004 года; я умирающий старик; мне 77 лет; вот опять я сунул под язык две таблетки

нитросорбида: а Эдмунд почти уже как десять лет погиб, а явно с приветом Батшев съехал в Германию, где издает какой-то журналчик; а до этого в 1994 т он опубликует в газете Иодковского «Литературные новости» в своей подлой сумбурной статейке свои слова: «Подлее русского зверя нет», из-за чего я публично на вечере в ЦДЛ откажусь от присужденной мне этой газетой премии. См. Приложение).

Итак я случайно, как «гадкий утенок», вышел на своих, на «лебедей». До этого я варился в собственном соку. Я иногда пробовал ходить на лито в МГУ. Но было смрадно. И вот «Зеленый огонек»! Лито при клубе таксистов. Эдмунд Иодковский и банда сомнительной нравственности графоманов с антисоветским душком. Как и сам босс. Он поразительным образом сочетал в себе черты подонка и святого. Впрочем моя вторая жена Тамара была иного мнения. Со временем она скажет о нем, тогда еще живом: «Для него нет ничего святого». И у неё были для этого свои основания.

Ан Ле Бур. Когда я ушел от Генриетты и снова оказался в темном углу, то я всё-таки иногда выходил «в свет».

И вот я как-то посетил ту самую студентку, которая встречалась с французом, а с нею встречался наш похотливый зав. Он было даже разлетелся на ней жениться.

Она же его использовала. Оказавшись ненадолго исполняющим обязанности декана, он перевел её с вечернего отделения на дневное. В «Вопросах философии» он в обычном своем вульгарном стиле опубликовал небольшую заметку об одной французской философской книжонке – и подписался именем и фамилией этой хитрой смазливой хохлушки. В общем похотливый шустряк безумствовал. Всё это стало известно. Общественность не одобряла знакомство студентки с французом. А француз – большой человек, кино-обозреватель, развелся с женой, бросил чуть ли не двух детей.

Так продолжалось несколько лет. Наконец, Симонов, которому француз поплакался в жилетку, навел порядок. Травля хохлушки прекратилась. И после окончания ею факультета её выпустили в Европу. Француз на ней женился. Родился сын Иван.

Временами пройдоха приезжала к своим родителям, что жили в Рабочем поселке по Белорусской дороге.

И я как-то раз у неё побывал в конце 1964 года. Когда-то она занималась в моей студенческой группе. Но мы были и неформально знакомы.

И там я встретил француженку. Тогда она ещё не говорила по-русски.

Эта особа была на полгода старше меня. Она была замужем и имела троих детей: сына и двух дочерей. Я ей напоминал её первую любовь – некоего Пьера, которого уничтожили оккупанты - нацисты.

Она была состоятельной женщиной. Но только благодаря мужу. Сама она была ничто. Не имела никакой профессии. У них была вилла под Парижем. Вернувшись в Париж, она наняла учителя, выучила за полгода русский язык.

Крым. Летом 1965 года Анн приехала вместе с хохлушкой на своей мини машине в Москву, забрала меня – и мы втроем помчались в Крым, в Ялту. Мой разгул продолжался...

Отправляясь в Крым с Анн, я наврал чужой жене, что еду с Иодковским на попутных машинах.. Оказалось, что она тоже едет в Крым со своей двоюродной сестрой-археологом. Последнее было ложью.

Будучи идиотом, я вместо того, чтобы наслаждаться безбедным существованием с француженкой, стал искать чужую жену. Я поплыл в Севастополь, но на раскопках её не обнаружил. Она же, интуитивно чувствуя, что я её ищу, чтобы сбить меня с толку, прислала мне в Ялту письмо, что они выезжают в Керчь. Я автобусом помчался в Керчь. Ехал пять часов. В тот же день вечером я отыскал местного археолога. Она мне сказала, что никакой такой экспедиции нет. Я провел ночь на улице. Вернулся в Ялту. Француженка ревела. Я ей сказал, что мне надо избавиться от одной сволочи, а для этого я должен поймать её с поличным. Между тем время шло. Настал день, когда надо было двигаться дальше. Машина француженки была погружена на громадный теплоход. У неё с хохлушкой там была огромная каюта. И у меня благодаря француженке отдельная небольшая каюта. И мы поплыли. На Запад. До Одессы. Первая остановка была в Евпатории. Шел вечер того же дня. И вдруг я сообразил, что лживое письмо было из Черноморска, что за Евпаторией. И я решил сойти, чтобы, начав с начала, найти мнимую мать моего мнимого сына. Француженка ревела. Но я был непреклонен. В Евпатории рейд очень мелкий. С теплохода были спущены лодки. В одну из них сел я. Надо мной высилась громада теплохода. И откуда-то сверху, как сейчас слышу, раздавалось: «Ася! Ася! Ася!» А может быть это чайки кричали. Так или иначе я переночевал на морском вокзале, а утром на автобусе помчался в Черноморск. И нашел там гадину. Она была там с мужем. Так я обнаружил, что эта тварь смеет обманывать меня со своим мужем. Я ей врезал и предложил тут же уехать со мной. Тварь сдрейфила. Я уехал один. Она же, якобы потрясенная неожиданным оборотом событий, якобы рассказала всё мужу. Впрочем, нельзя верить ни одному её слову.

В Москве мы в конце концов расстались. Тем более, что раскрылась чудовищная история с абортами. Оказалось, что она еще дважды брала с меня деньги на прерывание не существующей беременности. Дело не в деньгах, а в обманутом доверии.

1965-66 учебный год. Впрочем, я чуть было с этой гадиной не сошелся. Помешала Тамара. Итак, она звалась Тамара. Профессиональная актрисочка из непрофессиональной самодеятельности. Выбивающаяся всеми правдами и неправдами из нищеты. Из Омска. Отец исчез без вести под Смоленском осенью 1941 года. Ей было тогда полгода. Отчим её избивал. Очень деловая. Хищница. Вещевичка. Аферистка. Она оказалась в Москве, погнавшись за своим бездарным режиссером из того же шустрого народца. Он практиковал в Рязани, в детском театре, где аферистка тогда работала. Дети её любили. Летом 1965 года Макс вернулся в Москву – она за ним. Без работы. Без денег. Без жилья.

Шустрому Максику было на неё наплевать. У него была своя семья. Но пользоваться ею он продолжал.

Шустряки любят безвозмездно пользоваться русскими женщинами, а свои семьи берегут. Вот только те, кого я помню по Тамаре: 1) Максик Н.; 2) некий начальник московскими областными театрами, коего я бил на его же службе; шустряк 3) втершийся ко мне в дом студент шустряк Шавильзон; 4) некий одорукий и одноглазый шустряк с фамилией, похожей на бадминтон; 5) шизофреник Марк Степанов, ограбивший меня с этой тварью. Всех не упомнишь.

Пока что я её подобрал у мерзкой старухи, где она снимала койку, безработную, раздетую, голодную, бездомную... Снял комнату. Итак, осенью 1965 года я оказался с Тамарой. Жить было негде. Устроились в полуподвале. Жили тайком. В темноте. Жили «без признаков жизни». Я доцент МГУ.

Я подвергся шантажу со стороны мужа чужой жены.

Он требовал с меня 7 тысяч рублей за попавшие в его руки мои эротические письма к его жене. Я еле отбил. Он мне угрожал пятью годами лишения свободы за нечто, что у него было. Что это за нечто, я так и не узнал. Думаю... Я был третий год парторгом кафедры. Не желая её подводить, я поставил начальство в известность о своей ситуации и просил меня срочно снять с парторгства. Оно так и сделало. И начало переговоры с шантажистом...

Первый развод. Хотя я ушел от Генриетты в её день рождения в самом конце мая 1963 года, я не разводился. Я развелся именно из-за Тамары. Это произошло 4 февраля 1966 года. Генриетта на суд не пришла. А прислала заверенное нотариусом согласие.

На суде я был один. Когда я вышел из здания суда, то заплакал. И я долго-долго ещё плакал. Когда Тамара рано утром вылетала из нашего полуподвала на электричку в Ногинск и я оставался один, то я катался по полу и плакал. Я полюбил дождь. Можно идти по улице и плакать. Не видно. Мне казалось, что лучшая половина жизни (40 лет) откололась как громадная льдина и ушла в Океан Забвения. Так в сущности и было. Я же не знал, что впереди меня ожидают, кроме Тамары, еще три аферистки и двое детей. И Ломоносовская премия. И Всемирные конгрессы. И слава... Жизнь только начиналась. Я так и не могу понять, как при таком образе жизни я успел накопить дюжину книг.

Развод же я смог оформить в ЗАГСе только 10 мая. Надо было выплатить 80 рублей, а у нас их не было.

Тамарочка за всё расплачивалась соответствующим местом. Впрочем актрисам так и положено. Недаром лицедеев не хоронят на церковных кладбищах. Впрочем у неё иногда получались накладки. Она почему-то обиделась на пожилого шустрика Марка Александровича, начальника всеми областными театрами. Она, конечно, целиком от него зависела. И она хотела от него противозаконного действия: чтобы он принял её на работу в какой-нибудь областной театр без областной прописки, что тогда делать

запрещалось. Она дала ему телефон старухи в коммуналке, у которой она снимала койку... Он ей звонил. Наконец, когда, видимо, до неё дошла очередь, он её пригласил придти к нему на службу в пять часов, то есть после окончания рабочего дня. Мол, будет директор Ногинского театра. Но никого не было. Похотливый и деловой шустрик, не тратя время зря, достал свой половой член и прямо полез на актрисочку. Единственное, что она могла ему сказать на это: «Не здесь!» Почему-то этот обиденный для всякой актрисы эпизод её обидел, и она всем об этом рассказывала. И мне. Между тем она всё же оказалась в штате Ногинского театра. Мол, её взяли, когда главный шустрик был в отпуске. Что-то не верится. Я же ей сказал, что я на ней не женюсь, пока она не вlepит публично главному областному шустрику оплеуху.

Она же говорила, что не может этого сделать, пока не ушла из системы областных театров, ибо целиком зависима от главного. Наконец, Максик перетянул её к себе в Московский детский театр.

Но и тогда она сдрейфила. Мол, областной позвонит директору театра - и её выгонят. У них круговая порука. Наконец, Иодковский сказал мне, что это должен сделать я сам, а не сваливать сие дело на маленькую женщину (1 метр 49 сантиметров, травести, прозвище «чекушка» - четвертинка в те благословенные времена стоила 1 рублю 49 копеек). Я купил в магазине Рыболов-спортсмен (?) на Неглинной (теперь этого замечательного магазина нет) плетку и пошел к похотливому шустрику. Бог меня спас – его не оказалось на работе. Потом это дело как-то стало забываться. Однако...

«День у меня сегодня занятный получился. Встал я не с той ноги и с невестой своей из-за сущей безделицы разругался. В ярость пришел я, но, гнев свой смиряя, на улицу выскочил. А внутри меня так все и клоочет. «На ком, — думаю, — зло выместить?»

И тут одна мысль блаженная пришла ко мне. «Батюшки мои, — говорю я себе, — а ведь есть у меня одно дело упущенное, по должку одному все еще не уплачено, а срок-то уже истекает. Как же я в ЗАГС пойду, если я это дело не сделаю?» И возблагодарил я творца за то, что все, что в этом мире ни делается, все к лучшему, и в той безделице, что в ярость меня привела, знак увидел, мне свыше ниспосланный.

И пришел я в это учреждение. А он там по коридору шастает. «Ваше чиновничество, — говорю я ему этак вежливенько, — разговор у меня к вам есть». — «Подождите!» — квакает эта чиновничья мразь и лицо свое жабье улыбочкой сморщивает. Присел я в коридорчике. Жду. И никого. Ни души. Пусто. Ни одного свидетеля. Возликовал я и снова хвалу Творцу сквозь грязное учрежденческое окно вознес...

И вышел он. И присели мы к столику. «Что у вас ко мне?» — спрашивает. А я ему свое университетское удостоверение показываю. Доцент, мол. Не какой-нибудь безродный прохожий. И говорю ему вежливо: «Известно мне, что вы артисточку одну голодную и безработную в после рабочее время по делу якобы ее трудоустройства в свой кабинет заманили, а для чего, сами знаете»...

А он мне на это: «Вы пьяны!» — лепечет. А я говорю: «Подлец вы, ваше чиновничество! Подлец! И еще раз подлец!» И встал я. И он тоже поднялся. И тут выхватил я из своего портфеля плеточку, что давно в охотничьем магазине на Неглинной купил, и по морде его ею съездил. Пенсне так и покатилося. «Негодяй!» — шепотом завопило его чиновничество, пенсне подхватило и в кабинет свой юркнуло...

И пошел я, не торопясь, легко и свободно, как никогда еще не ходил... И было это самой счастливой минутой в моей жизни...

О, Справедливость! Счастлив тот, кто хотя бы единожды смог тебе послужить! Кто бы ты ни был, как бы ни сложилась жизнь твоя, жил ты не зря, и дело, тобой сделанное, не пропадет, а оставит свой след во Вселенной, где все преходяще, кроме Актов Справедливого Возмездия (АСВ)!

Выйдя на улицу, я позвонил Чекушке. «Спасибо! Спасибо! Спасибо! — сказала она мне. — Иди скорее домой!» Я повесил трубку. Моя миссия окончилась... И снова всё стало серым. Только что казавшийся веселым день раскололся. Налетел ветер. Я с трудом пробирался сквозь толпу, на меня отовсюду глядели измученные лица. О, эти толпы, гонимые вихрем заботы! Зачем вы?...»

Это произошло за несколько дней до нашего бракосочетания 2 июля. «Ты придешь ко мне на свадьбу?» - спросил я своего старого друга Валентина Герцмана. Друг-друг, а зажал переданные мне с ним Анн в Париже башмаки. Что и говорить? Шустряк – он и есть шустряк! «Приду, даже если тебя поведут на гильотину», - ответил мне Герцман, который уже давно по-шустряцки понял, кто такая Тамара.

А за месяц до этого... Тамара никак не могла получить незаконную московскую областную прописку. А ведь получила. Как? К этому времени она уже работала в Ногинском областном театре. И опять-таки не законно. Без прописки. И вот весной 1966 года, когда мы жили уже в Салтыковке (по дороге в Ногинск), она как-то приехала расстроенная. Большой паспортный милицейский чин отказал ей в незаконной прописке: «За что? За красивые глаза?» А почему бы и нет? И вот она возвращается в Ногинск, там якобы ночует в театральном общежитии – и приезжает с пропиской.

«И настало утро. Я включил радио — и вдруг: «У нас в общежитии свадьба!» (песня такая была). Вот те раз! Совпадение! Свадьба... А зачем она мне?»

Знал ли тот законодатель, который придумал прописку в Москве по браку, какую страшную мину он в самую суть любви закладывает? Раньше тоже женились и выходили замуж по расчету — из-за богатства. А теперь из-за колбасы. Чекушка любит колбасу, а меня не любит. И поэтому я должен на ней жениться. А то она страшно обидится. А мне ее жалко. Моя провинциалка и не скрывает, что, если бы колбаса была не столичным, а общесоюзным явлением (теперь Союза уже нет, как снег на голову упал нам СНГ — «Снег»), то она никогда бы со мной не расписалась. «Так бы любила!» — ехидно добавляла она при этом.

Ах, Чекушка! Чекушка! Знаешь ли ты, что такое любовь? Это, как якобы сказал один русский мыслитель, которого мы «не проходили» ни в школе, ни в университете, сладострастие + сострадание. Это, как сказал я, жалость + страсть:

***Да, нет любви из жалости!
Но нет любви без жалости!
А если нет в ней жалости —
То это просто шалости!***

Вот сострадания и жалости Чекушке-то и не хватает. Да и страсти, по крайней мере ко мне, нет.

А я? Зачем мне все это? Видимо, я должен все испытать, чтобы свои последующие муки в вирши воплотить. «Быть может все в жизни лишь средство для быстротекущих стихов!» — сказал какой-то поэт. Нет, не может быть, а точно так оно и есть! А так как на стихоплетство меня только отрицательные эмоции вдохновляют, то я и выбрал себе брак с Чекушкой. Что может быть хуже?

Ну ладно! Зафилософствовался... Пора и на казнь. В ЗАГС. Чекушка туда самостоятельно после спектакля подъедет. Приглашение в ЗАГС. Приглашение на казнь. Совершилось... У нас это быстро делается. Ладушкин с марсианкой — свидетели...

В полуподвал вернулись...

С полуподвале у нас две комнаты были. Дом старый, добротный, каменный. Не то что эти бетонки. Я в них заболеваю. Дореволюционный. С черным ходом. Для прислуги. С этого черного хода мы и заходили. Как войдешь в черный подъезд, так сразу какая-то застарелая, дореволюционная еще, вонь в нос ударяет. Темно. И в этой темноте надо еще вниз по лестнице спуститься. В преисподнюю. Там дверь нащупываешь. Открываешь. Там слабая лампочка чуть-чуть тлеет. Три двери. Направо в жэковскую мастерскую. Налево в туалет. Прямо — дверь железом обитая. Это к нам. Стучим условно: та-та, та-та-та. Открывают. Какходишь, так снова тяжелым запахом в нос ударяет — на этот раз красками. Левую сторону полуподвала занимает мастерская жэковского художника. А направо — к нам еще одна дверь. Там комната с водопроводным краном, но без стока. Две газовые плиты. И еще дверь во внутреннюю комнату. В обеих комнатах по окошечку под потолком. А там ноги прохожих виднеются. Да не увидишь и ноги. Стекла черной бумагой заделаны. Живем ведь без признаков жизни.

Народу уже немало собралось. Ладушкин с марсианкой с нами пришли. Светочка-циркачка. И другие. Посчитали — тринадцать человек оказалось. Ладушкин, даром, что эвристик, суверен. На улицу выбежал и какую-то прохожую сагитировал. Пришла ненадолго. Врачом-гинекологом оказалась. Телефон оставила.

Там орут, пьют, танцуют... А я в проходной комнате вещи собираю. Укладываюсь. Через два часа поезд. В Омск. На родину Чекушки. Свадебное путешествие. А еще ничего не собрано...

Вдруг дверь распахивается — и ко мне Холин с Ковдой вылетают. Глаза у обоих кровью налитые. Оказывается, Холин у ковдиной жены все юбку задирает. Дерутся. Поэты. Настоящие. Печатаются. Не то, что я. Тела так через меня и летают и в газовые плиты шмякаются... Надоело мне. Мешают. Взял Холина за шиворот и вышвырнул... Ладушкин с марсианкой ушли. В кино что ли? Чекушка провожать пошла. Вскоре прибегает. Оказывается изгнанный мною Холин вывеску «Товарищеский суд» во дворе отдирает. Чекушка подошла, урезонивать стала. А он на нее набросился. Сексуально. Платье все подвенечное разорвал. Вышел я. Дал ему в морду. Свалился... Назад вернулся... Присели. Молчим. На стену смотрим. А на стене большими буквами Ладушкиным написано:

В этом мире, голубом и розовом,
Ломаю ветви барбариса.
Призвание мужчины быть философом.
Призвание женщины — актриса.
Но этот век, век — ветреник, век — висельник,
Давно смешал все правила игры:
Мужчины, как актрисы, легкомысленны,
А бабы, как философы, мудры»....

Вступив, наконец, в законный брак, мы с Тамарой отправились в свадебное путешествие: Москва- Омск (на родину Тамары к её матери) – Салехард (в отдельной каюте по Иртышу и Оби, сказка, 6 суток) – Москва (поездом).

Вернувшись в Москву, нашли свой полуподвал закрытым – и оказались на улице.

Кое-как перебились.

В 1966 вышла из печати моя вторая книга «Ионийская философия». 184 стр. Мне сорок лет. И вот у меня в руках жалкая маленькая, безгонорарная книжонка. Малотиражная. Теперь она искомым многими раритет. У книги два автора. Я подарил вторую главу в этой книге одной женщине, которая мне технически помогала. Сама она в этой книге не написала ни одной строчки. Со временем она на основании моего подарка защитила кандидатскую диссертацию.

18 апреля 1966 года мне исполнилось 40 лет.

Напрасна дерзкая затея
Искать созвучье разных душ!
Я в этом городе затерян
Среди поэтов и чинуш.

И даже ты, моя Чекушка,
Меня устала понимать.
Здесь люди бьются друг о дружку,
Чужую вспоминая мать.

Враждебный город, где я прожил
Почти что **сорок лет** впотьмах,
Где люди на червей похожи,
Где постоянен только страх.

Где грубость множится на глупость,
Где страшный выращен дракон
(Ему подвластны даже трупы) –
Зовется очередью он.

О, город мой! Святая Мекка!
Из сталинистского яйца
Ты вновь высиживаешь ЗЕКа
И анонима-подлеца.

(09.02.66)

И всё же я, наконец, заимел (для этого я отослал свой профсоюзный билет с заявлением о выходе из профсоюза в Объединенный Профком МГУ) в 1966 году в свои сорок лет от МГУ бессолнечную комнату на пятом этаже без лифта в Раменках (моя прописка 25 октября 1966 года).

1967/68 учебный год.

Второй контакт с КГБ. В мае 1968 года я вторично напоролся на КГБ. В 1966-68 годах Иодковский организовал ЛИТО «Глагол» при факультете журналистики МГУ. Время от времени он приглашал к нам знаменитых людей. Помню художника Глазунова, писателя Максимова. Был Асмус. Но для меня пришествие Асмуса не было откровением. Мы работали с Асмусом на одной кафедре. Всё это кончилось печально. Лито было разгромлено КГБ. Основанием для разгрома послужил донос тогдашнего ответственного секретаря журнала «Октябрь» Идашкина, которого какой-то идиот посоветовал пригласить на очередное заседание лито. Я там был старостой.

И мне пришлось письменно отвечать на 20 вопросов от КГБ. В частности, был вопрос, говорилось ли, что коммунисты хуже фашистов?

Итак май 68. Мне 42.

« Я из КГБ.

- Очень приятно

- Говорилось ли, что коммунисты хуже фашистов?

- Никак нет! Говорилось, что коммунисты лучше фашистов...

- Идите...»

Это был тревожный 1968 год. Начинались трагические чехословацкие события. Тогда я уцелел.. Хотя как раз в момент КГБ проходил конкурс. А

руководитель ЛИТО был без объяснения причин отчислен с курсов телекомментаторов, хотя он успел сдать все экзамены за первый курс на «отл.»

Август 1968. Чехословакия. Моя реакция:

*Будет снова тридцать седьмой.
Будут снова концлагеря.
Будут снова чекисты домой
К нам врываться не свет - не заря.*

*Будут снова не спящих будить -
И от жён отрывать у дверей,
И, одетых едва, уводить
От рыдающих матерей.*

*Уводить не на час, не на год -
А на сто или тысячу лет...
Будет нас проклинать «народ»
На страницах бесстыжих газет.*

26.08.68

Электропоезд Друскининкай - Вильнюс.

1968/69 учебный год. 9 марта 1969 года я написал «Прокламацию».

*Я душою широк был — а сделался узким,
Потому что родиться случилось мне русским.
А у русских царём ещё согнуты спины,
А на спинах катаются партмандарины.*

*Нет, китайцы — не главная наша опасность!
Нам страшнее китайщины госбезопасность!
Нам страшнее чужих и далёких режимов
Наших мао-цзе-дунчиков непогрешимость.*

*Им глумиться б над нами татарскими ханами,
Наших лучших людей называть «хулиганами»...
Я родился рабом! Но теперь не пора ли
На душителей Духа нам идти с топорами?*

*Да, я знаю, как трудно нам идти на лишения!
Да, я знаю, как страшно себя делать мишенями!
Да, мне ведом взлелеянный Сталиным страх!
Но другие сжигают себя на кострах!*

*Нашей хилой Земле угрожает крушение!
Принимай же решение! Принимай же решение!*

09.03.69

Эта прокламация широко распространялась в узких кругах. Не нужно говорить, чем мне это грозило.

В 1969 году вышла моя третья книга «Протестантизм». 216 стр.

1969/70 учебный год.

В 1970 году вышла моя четвертая книга «Эгейская предфилософия». 240 стр.

1970 / 71 учебный год. Осенью 1970 года открылся новый корпус на Ленинских горах. Нас туда перевели. Я прослушал 80 лекций разных лекторов.

1971/72 учебный год. Осенью 71 года я вышел в двухгодичную докторантуру (октябрь 1971 – октябрь 1973). В Москве работать мне было негде - и я стал ездить к знакомым в Ульяновск. За время своей докторантуры я ездил в Ульяновск двенадцать раз.

Двенадцать раз на родине вождя
Я побывал за срок докторантуры.
И надо мной смеются даже куры...
Приеду ль вновь, немного погода?

На родине вождя ничего не было. Магазины стояли пустыми.

Стояли люди за костями
На родине вождя.
Швырялся ветер в них горстями
Осеннего дождя.

Но многим не достались кости...
Где взять на всех костей?
Ушли без ропота, без злости,
Без гнева на властей...

Кости бы делать из этих людей!
Не было б в мире дешевле костей.

28/29.09.72. Ульяновск

И всякий раз я тащил с собой по пуду продуктов.

Первый раз я привез из Ульяновска машинопись в 1200 страниц. Я обсудил её на кафедре. Два преддоктора намеренно истолковали мой черновик как уже докторскую – и набросились на меня. Они не хотели пропускать меня впереди себя в доктора. И в этом я им как бы подыграл. Ведь я стремился к истине, а не к карьере. Я пропустил их через себя и отстал от них на десять лет в защите докторской и на 15 в профессорстве.

1972/73 учебный год. Работаю всё лето над своей докторской.

1973/74 учебный год. Я в срок представил на кафедру свою докторскую диссертацию. И был рекомендован к защите 14 ноября 1973 года.

Однако, диссертация, удовлетворившая кафедру, меня самого не удовлетворяла.

Я по ошибке вышел из докторантуры на работу на месяц раньше окончания её срока, не с 1 октября, а с 1 сентября. И не успел написать автореферат. Так что диссертацию рекомендовали без автореферата. Меня же текучка затянула – и я смог заняться авторефератом только в январе 1974 года.

Написал. Раз. И два. Плохо.

И окончательно убедился, что в моей диссертации нет никакого содержания. У меня произошел научный кризис.

К тому же 1974 год у меня вышел сложным. Сатана не дремал.

В начале 1974 года я в третий раз напоролся на КГБ. Сперва заочно, а вскоре и очно. Дело в том, что один мой знакомый великодушно выделил мне у себя на даче в Томилино комнату на зимние студенческие каникулы именно для работы над авторефератом и с временным проживанием у него. Я был на седьмом небе. Я привез туда свою машинописную диссертацию и не удовлетворяющий меня машинописный автореферат к ней.

А также скоросшиватель с аккуратно подшитыми в нем своими стихами за 1973 год, расположенными в хронологическом порядке. Таких скоросшивателей у меня было множество. На каждый год по штуке, начиная с 1943 года. Следовательно этот был тридцать первым. Каждое стихотворение у меня имело десятизначный номер: четырехзначный порядковый и шестизначный, указывающий на дату сотворения моего очередного «шедевра». Ажур!

И я начал печатать автореферат третий раз.

Однако 25 января (в Татьянин день) 1974 года на даче в Томилино произошел неожиданный обыск КГБ. Из-за некоего Ладислава Потапова - непутевого жильца у моего знакомого, хозяина дачи. Жилец учился на философском факультете. Его отчислили, потому что он и ещё двое ребят (один из них немец) всерьез восприняли призыв какого-то вышестоящего провокатора сочинить проект новой конституции. И сочинили. Последовал донос. К одному из этой тройцы в общежитие явился наш декан (Косичев) в сопровождении кэгебэвца и сказал: *«А ну-ка вынимай вот отсюда свою конституцию!»* И всех троих отчислили. Потом вроде восстановили, но на вечернее отделение. Пятый курс дневного отделения был боевой. Его студенты добились визита к ним самого ректора Петровского. На эту встречу с опозданием явился и никчемный жилец. Будучи в нетрезвом состоянии, он стал хамить самому Ректору. И тот тут же, не сходя с места, его снова отчислил. Однако великодушные университетские власти всё же дали непутевому студенту закончить факультет, защитить дипломную работу (на «тройку»), сдать госэкзамены и получить диплом. Но работы не было. И он размножал на папиросной бумаге тогдашнюю диссидентскую «Хронику текущих событий» (12 папиросных страниц в закладке) – и продавал по рублю. Дача была проходным двором. Как-то там оказался человек из Киева. Жилец продал ему старое издание Бердяева (новых тогда и не предвиделось)

за десятку и экземпляр «Хроники...» за рубль. В Киеве этого человека взяли. Через месяц он заговорил. Жильца предупредили. Но он никаких мер не предпринял, никому ничего не сказал.

И я влип там в историю со своей диссертацией. Нагрянули киевский, московский и люберецкий КГБ. Обыск. Четыре часа. Как же! Целое осиное гнездо. Меня, к счастью, при обыске не было. 24 января я уехал на экзамены. А так как они продолжались и 25, то остался у матери. И вот 25 – обыск. Он ничего не дал. Тем не менее, всех отвели через поле к черным «Волгам». Местность была завалена снегом – и опричники ближе подъехать не смогли. Шли гуськом. Разговаривать было запрещено. В машины посадили по двое. Без разговоров. Кого? Хозяина дачи, которого утром привезли прямо с работы, чтобы он присутствовал при обыске. Он был жалким экскурсоводом и графоманом. Жильца. И двух других, которые случайно ночевали в ночь с 24 на 25 на даче. При обыске содержание моего старого, потрепанного, но вместительного портфеля тщательно просмотрели. Там оказались машинописи злосчастной диссертации, первого злосчастливого автореферата, а также скоросшиватель со стихами за 1973 год. Сие было внимательно прочитано. И не одним опричником. Ибо им понравились два моих опуса:

*Висит между ног хозяин.
И нет от него пощады.
Я Абель невинный. Он Каин.
И яйца его снаряды.*

*Словно мухи в бутылке
В этом мире мы тленном.
Если давит в затылке –
Поработай-ка членом!»*

Но было и другое:

*Изъела наши души грусть -
И мы себя надеждой тешим:
Найти нетронутую Русь,
Уйти от к лешим».
(Пропущено «коммунистов»).*

Или:

*Наложил на всё Иоська
Свою лапу.
Изнасиловал Иоська
Нашу КАПУ.
(КАПА – Коммунистическая партия).*

На этом основании один опричник рекомендовал главному при обыске опричнику приобщить мой скоросшиватель к «делу». Но тот отмахнулся: *«Иоська уже не актуален. А там слово отсутствует».*

(Потом, после падения наших «якобинцев», давно уже выродившихся в «жирондистов», я заменил слово «коммунистов» на слово «трактористов». Так мой стишок из политического превратился в экологический и приобрел более широкое и глубокое значение).

Всех отвезли на Лубянку. Не разговаривать! Там всех разобрали по одному на допрос в разные комнаты.

Однако и хозяина дачи и жильца отпустили. А на каком основании? Неизвестно.

(И только через двадцать пять лет я узнал, что и хозяин, и жилец дали подписку, что будут стучать на всех своих гостей. И на меня. И друг на друга. Стуча друг на друга, они получали от КГБ неплохие дивиденды и не плохо жили, один вообще не работая (жилец), а другой (хозяин) мало-мало. При этом они совместно пропивали гонорары от КГБ за то, что стучали друг на друга. О чем они знали. Хорошо устроились! Досталось же только мне).

Забрали все три машинки: хозяина, жильца и мою. А я тогда без пишмашки был как скрипач без скрипки. Какой уж тут автореферат!

И вот где-то в апреле 1974 года я случайно натолкнулся в коридоре нашего факультета на того самого кэзэбэвца, которого я в 1968 году вразумлял насчет коммунистов и фашистов (см.выше).. И он тогда мог сделать из мухи слона. При Сталине так и было бы. И нас всех бы после попыток расстреляли бы. А он всё спустил на тормозах. И сейчас он пришел на факультет, чтобы убрать с кафедры логики лицо, зараженное «абстрактным гуманизмом». Не помню фамилию. И убрал.

А мне:

- *А стихи всё пишете?*

- *Пишу...*

- *Показали бы!*

И тут же стал вербовать меня в качестве осведомителя, но не по философам, а по поэтам-графоманам, которые группировались в университетском ЛИТО по имени «Луч» Игоря Волгина и в других поэтических гадючниках.

Было выражено пожелание, чтобы я, услышав что-либо «неподобающее» на любых литературных самодетельных сборищах, тотчас звонил бы ему. И мне был дан соответствующий телефон.

Со своей стороны, я просил его, чтобы работники КГБ вернули мне пишмашку, которую они забрали по недоразумению, творя обыск на даче одного моего знакомого в январе сего, 1974, года.

Мне было сказано, чтобы я позвонил через неделю. И мы тепло расстались. И тут я пришел в ужас. Я сам на себя настучал! Куратор КГБ по МГУ мог ничего этого не знать. И я оказался завербованным в стукачи. Я должен был

стучать на тех, кто читает что-то непопозволенное. А кто это? Это прежде всего я сам.

Стучать я не стал. Уклонился. И стихи свои так и не показал. А что было, если бы я представил ему вышеприведенную Прокламацию. Да ещё как свою. Она была широко известна в узких кругах.

После обыска я перестал ходить на нелегальное ЛИТО Эдмунда Феликсовича Иодковского... А между тем к власти пришел Андропов, который по-прежнему уповал на внеэкономическое принуждение. Устраивал облавы в банях и в кино. Почему не в министерствах? Там-то у чиновников главное безделье.

И вот ко мне пришел этот руководитель ЛИТО и сказал, что его вчера вызывали в районное отделение КГБ. Дело в том, что на его последнем ЛИТО (по квартирам) одна очередная графоманка читала свою поэму, где были такие слова: *«Народа нашего терпенье Приводит партию в оцепененье»*. Кто-то донес. Эдмунду сделали строгое внушение. При этом до них не дошло, что своим вызовом руководителя ЛИТО именно в КГБ при Райкоме КПСС, а не в сам Райком, они подтвердили правоту этих слов. Партия уже ни на что не была способна. Она брела в «светлое будущее» на костылях. Один костыль КГБ. Другой - МВД.

1974/75 учебный год. Мне 48-49 лет.

Сентябрь. Вернули все три машинки. Ничего не нашли.

Январь 1975 года. И вот наступает расплата за моё уклонение от стукачества. 30 января 1975 г. мне снова, после мая 1968, предстоял конкурс на продолжение работы в должности доцента. Встретив в коридоре факультета ученого секретаря Валентину Кирилловну, я, зная, что у меня конкурс 30 января, сказал этак игриво: *«Валентина Кирилловна! А когда у меня конкурс?»*. И получил неожиданную оплеуху: *«Вас сняли...»*.

Она посоветовала мне обратиться к замдекану по науке Богатову. Сей замдек меня ненавидел – а я его боялся. И я не пошел. Тогда зав: *«Что у Вас случилось? Меня декан спрашивает, а я не знаю»*. – *«Я тоже не знаю...»* Тот же зав через неделю: *«Мы (?) решили Вас оставить. Только переведем из доцентов в старшие научные сотрудники...»*

Хотя был 1975 год, а не 1937, я не посмел спросить, за что?

Параллельно с КГБ меня уже по линии МВД обвиняют в хулиганстве (конфликт с соседями).

1975/ 1976 учебный год. Я под судом. Места СНС нет. И я работаю по-прежнему доцентом, но без прохождения конкурса. Вишу в воздухе.

1976/77 учебный год. С **01.01.77** меня, наконец, переводят в старшие научные сотрудники. Став СНС, я ежемесячно терял 20 рублей (десять кг. мяса) и ежегодно 24 рабочих дня отпуска. И так 15 лет. А исполнял я прежние обязанности доцента.

Порося просто переименовали в карася.

И здесь уже главная опасность была в моем уголовном деле. Зав сказал, что если меня осудят, надо полагать условно, то в качестве с.н.с. мне будет легче удержаться в МГУ. Напрасная тревога. В апреле 1977 года мое

уголовное дело закрывают. Оказывается, что потерпевший – это я. И я прощаю клеветника.

Между тем, несмотря на все эти мытарства, моя скромная научная работа продолжалась.

Как я уже говорил, в 1973/74 годах моя диссертация меня не удовлетворила. И я счел своим долгом работать над ней ещё в течение десятилетия, во время которого я издал ещё четыре книги и пять статей по теме своей диссертации.

75. Гегель о возникновении философии // Вестник МГУ. Серия VIII. Философия. 1974. № 1. С. 25–34.

77. Итальянская философия. М.: МГУ, 1975. 216 с.

78. Орфизм как элемент античной предфилософии // Вестник МГУ. Серия VIII. Философия. 1975. № 3. С. 49–57.

79. Пифагор и пифагореизм // Философские науки. 1975. № 4. С. 88–96.

80. Материализм Эмпедокла // Вестник МГУ. Серия VIII. Философия. 1976. № 1. С. 81–90.

81. Виды мировоззрения и генезис философии // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. 1978. № 4. С. 48–59.

82. Курс лекций по древней философии. Учебное пособие для студентов и аспирантов философских факультетов и отделений университетов. М.: Высшая школа, 1981. 374 с. Тираж 90.000.

83. Аристотель. М.: Мысль, 1981. 200 с.

84. Начало философии. М.: МГУ, 1982. 184 с.

Свою докторскую диссертацию я защищал уже по сумме опубликованных мною по теме моей диссертации работ и на основе научного доклада:

85. Генезис философии и её ранние формы. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук в форме научного доклада. На правах рукописи. М.: МГУ, 1983. 52 с.

То, что я десять лет не защищал рекомендованную к защите диссертацию, многих удивляло и даже шокировало, особенно когда я объяснял задержку в защите тем, что ещё не решил для себя ряд проблем, например проблему дофилософской науки. В этом случае на меня смотрели как на сумасшедшего. Да, это факт, что в течение десятилетия мои коллеги по факультету несчетное число раз спрашивали меня, защитил ли я свою докторскую диссертацию, но никто ни разу не спросил, решил ли я свои научные проблемы. Это говорит о том, что система степеней в науке и связанных с ними крошечных выгод (ничтожная прибавка к ничтожной зарплате) растлевают наши, не поднимается рука написать «научные», кадры и поощряет **сяо жений**, которым в науке не должно быть места.

1983/84 учебный год. Итак, я защитил свою докторскую диссертацию через десять лет, один месяц и одну неделю (21 декабря 1983). после её кафедральной рекомендации к защите (14 ноября 1973 года). К этому времени мои младшие соперники (Каримский и Кузнецов), которые, будучи по очереди парторганами кафедры, сознательно изгадив мне докторантуру

(1971 – 1973), чтобы не пропустить меня перед собой, уже десять лет как гордо ходили в докторах и профессорах - и стригли купоны. Меня же интересовала истина. А за истину не платят. Отнимают последнее.

1984/ 85 учебный год. Тухло.

1985/ 86 учебный год. Меня не пускают в профессора. Если верить ныне уже покойному заву, меня не пускал в профессора КГБ. Когда я, став уже в 1984 году доктором, стал претендовать на появившуюся на кафедре в 1986 году вакансию профессора, то трусливый зав. - перестраховщик, только что погоревший на своей аспирантке, потребовал от меня, чтобы я забрал свое заявление, так как *«Вас, Арсений Николаевич, в факультетском совете не все любят и Вы не пройдете, ведь Вы такой человек, что к вам нельзя относиться равнодушно, Вас можно только или любить или ненавидеть»*. Подсластил пиллюлю.

Путь к профессорскому окладу в 450 рублей был странным. Будучи тогда ведущим научным сотрудником, я имел 400 рублей в месяц (минус налог). Но чтобы получить звание профессора и 450 р., надо было минимум в течение года пройти испытательный срок на должности профессора с окладом в 320 рублей. Так что я терял бы каждый месяц 80 рублей. Я не **сяо жэнь**, но у меня тогда было двое маленьких детей и низкооплачиваемая жена. Я не мог позволить себе такую роскошь как «через тернии к звездам».

Кроме того, я знал, что вакансию профессора зав. выбил специально для своего любимчика, тоже ведущего научного сотрудника, который подкармливал зава ягодой со своего дачного участка. У меня дачного участка не было. Ягоды тоже. Подав заявление на профессора, я просто хотел поугадать любимчика, что мне и удалось. Любимчик же по указанию зава позвонил мне и сказал так: «Арсений Николаевич, я готов вам уступить вакансию профессора, но Вы не пройдете – и вакансия для кафедры пропадет. **ВЕДЬ У ВАС ЧТО-ТО БЫЛО**». А что? Неизвестно. Прямо по Кафке.

Шел 1986 год. Мне было 60 лет.

Так тогда я и не стал профессором. Я им стану только через шесть лет, в 1992 году. В свои 66 я поздний овощ. Благодаря «перестройке».

1986/87. Тухло.

1987/88. Тухло.

1988/ 89. Начинается моя скромная политическая деятельность. 22 июня 1989 года я вышел напротив Китайского посольства в Москве на митинг и поднял над головой небольшую картонку, на которой коричневой сапожной ваксой было наляпано: **«Антитоталитарии всех стран, соединяйтесь!»** Держать мне ее было тяжело, мне казалось, что она чугунная! Недолго для первого раза я ее продержал! Страшно было... А потом к картонке побольше с тем же лозунгом я приделал палку от старой швабры и ходил раз десять и на митинги, и на демонстрацию, даже по Красной площади, однажды даже с золотистым знаменем антитоталитариев, перечеркнутым черными полосами тоталитаризма, — и ничего!

1989/90 учебный год. В январе 1990 я выхожу из КПСС. Сдаю партбилет.

1990/91 учебный год. Мне 64- 65.

Происходит чудо. Выходит моё единственное оригинальное сочинение – маломерный **«Трактат о Небытии»** («Вопросы философии». 1990. №10).

1991/92. Выходит стотысячным тиражом мой **«Курс лекций по древней и средневековой философии»** (1991. 512 с.).

Решением Комитета по высшей школе Министерства науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации от 18 июня 1992 г. Чанышеву Арсению Николаевичу присвоено ученое звание профессора по кафедре истории философии.

Наконец-то! Через 8 лет после получения докторской степени (1984).

Перестройка! Ура! Я профессор. А оклад в 450 рублей рухнул.

В 89-98 годах я занимаюсь общественной деятельностью. Знакомлюсь с Александром Огородниковым и становлюсь членом Политбюро его партии «Христианско-демократический союз России». Представляю эту партию в «Союзе конструктивных сил» Константина Борового и Ирины Хакамады. Знакомлюсь с Валерием Скурлатовым и становлюсь Сопредседателем (чисто номинальным) его партии «Возрождение». Вскоре обе во многом противоположные партии рассеиваются *«как сон, как утренний туман»!* Как и «Союз конструктивных сил».

Я отхожу от псевдо - политической псевдо - деятельности.

Тем не менее в 90-ые годы у меня вышло много публицистических и литературных публикаций в разных газетах: «Правда», «Воля», «Коммунист», «Рабочая правда», «Баррикады». «Мысль», «Независимая». «Трудовой Тирасполь», «Возрождение», «Литературные новости», «Московский университет», «Настоящее время», «Оппозиция». «Звонница», «Вестник христианской демократии»... Обо мне пишут в «Правде», «Московском комсомольце», «Московском университете», «Литературных новостях», в «Столице», «Независимой газете», в «Настоящем времени», в «Возрождении», «Коммерсанте», «Баррикадах»... Но всё это уходит в песок.

Запрос. А я осмелел. И посылаю в союзную Прокуратуру запрос: 1) **Почему** меня с января 1975 года сняли с конкурса? Свидетели: декан Милюхин, замдекана Богатов, заведующий кафедрой ИЗФ Мельвиль, парторг кафедры ИЗФ Майоров, профессор Соколов. 2) Прошу удержать с КГБ за причиненный мне физический и моральный ущерб сто тысяч рублей. **Ответ Московской прокуратуры:** Ваше заявление переслано в Ректорат МГУ. Там Вам ответят по 1. По 2 обратитесь в суд.

В Ректорат я не обращаюсь. В суд не подаю. А зря! Потом мне это выйдет боком. Сатана не дремлет.

А разве я не знал, **почему?** Не знал. Я только догадывался.

Инсинуация. Тогда, в 1991 году, я не пошел в Ректорат и не подал в суд на КГБ. И зря. Тот самый бывший счастливый соперник, у которого «НИЧЕГО

НЕ БЫЛО», профессор с 1987 г., а я лишь через 5 лет - с 1992 г. : «Как же так, Арсений Николаевич? Василий Васильевич Соколов так много для Вас сделал хорошего, а Вы на него донос написали» - «Какой донос-то?» Молчание. И так неоднократно.

И вот 17 сентября 2003г. Среда. Гражданин Василий Васильевич Соколов в присутствии третьих лиц (Саврей и Коровин): «Вы на меня донос написали. И там требовали, чтобы с меня удержали деньги в Вашу пользу!» (пересказ). – «Вы, профессор Соколов, мерзавец!»

Каким образом иск к КГБ превратился в иск к жалкому нищему профессоришке? А свидетель - в обвиняемого?

Тот, у кого НИЧЕГО НЕ БЫЛО, слышал звон (утверждает, что узнал о «доносе» от Мельвиля), да не знал, где он...

(на этом автобиография А.Н.Чанышева обрывается)

БОГ

*Жизнь течет размеренным потоком.
Всяк рождается... Поживёт... Умрет...
Объясни, мудрец, ты дружен с **Богом**,
Для чего же Человек живёт?*

*Для чего и радость, и страданье?
Для чего любовь, покой и труд?
Всё равно уйдем мы в безназванье.
Кто б ты ни был - годы перетрут.*

***Старец.** О, бедный юноша! Ты жертва ослепленья.
Твой путь к бессмертью ложен и греховен.
Исправь же жизнь в её последних звеньях!
К бессмертью путь другой. И путь тот безусловен.
Вся жизнь твоя — греховная игра.
Ты прав в одном: языческие боги
Не боги вовсе. Но есть **Бог** добра.
Он Океан. Мы реки и потоки,
Речушки, ручейки. Нас всех приемлет **Бог**.
Мы в Нём бессмертны. Время там не властно.
Бог — это **БЫТИЕ**. **Бог** — это верный кров.
А без него, сам видишь, все ужасно.
Вся жизнь твоя — еще один пример,
Что наша вера — лучшая из вер.
И если в жизни есть ещё значенье,
Оно на пользу нашему ученью.
Вся жизнь твоя — тоска по **БЫТИЮ**.
Ты весь был к **БЫТИЮ** единое стремленье,
Но ты пути не знал. И вот ты на краю.
И некуда ступить. И нет тебе прощенья.
Но **Бог** наш милостив. Прильни к нему с мольбой!
Поверь в него! В Нем обретешь ты вечность.
В Нём обретёшь ты счастье и покой.
Ведь, как никто, ты понял быстротечность
Всей этой жизни, жалкой и пустой.
И ты на этом голову сложил.
Спасай же душу! Ты ещё не жил.
И к вечности твоя не та дорога.
Впусти же в душу истинного **Бога**!
Всё в этой жизни лишено значенья
Без света христианского ученья.*

*Авл. Спасибо старец! Но не верю в бредни.
Ученье ваше — сказки для бабья.
Самообман. Мне этот день последний —
И завтра Солнце встанет без меня.
Я не могу принять твоё ученье.
Его истоки очевидны мне.
То вера трусов. Есть лишь становленье.
И абсолютно в нём **НЕБЫТИЕ**.
Прощай, старик! А мне пора в дорогу —
В **НЕБЫТИЕ** — к единственному **Богу**.*

(Авл(1945 г.) Эпилог 18-21 января 1972 года

Мечты

*Я одинок. И с каждым днем
Источник иссякает
Последних чувств.
И я мечусь.
Брожу, суров и неприкаян,
Сжигаем внутренним огнем
И Богом проклят, словно Каин.*

*Хочу любить - и не могу.
Могу, но не хочу молиться.
Не знаю, как остановиться,
Как повернуть на всем скаку
Свою судьбу. И, ею увлекаем,
Лечу, несусь... Куда? Не знаю сам.
А впереди мечты, подобно гончим псам.*

01.09.46

Измена

*Изменница! Я вам напомню,
Как в первых числах сентября
Пришла в закрытую часовню,
Сияя пурпуром, заря.*

*Она проникла сквозь решетку —
И, озарив иконостас,
Упала ниц, молилась кротко,
И слезы падали из глаз.*

*Но эти слезы не упали.
Их ангелы умчали прочь.*

*Они пред **Богом** искупали
Все преступленья в эту ночь.*

*И Вы избегли **Божьей** кары!
Вас **Бог** простил. Но я не **Бог**.
Я не хочу прощать удары.
А если б и хотел — не смог!*

10.10.46

Ненависть

*Проклятый мир! Тебя возненавидел.
Но, видит **Бог**, я в том не виноват.
Я никого на свете не обидел.
Я ничьему несчастью не был рад.*

*Но капля точит камень, пусть он крепок.
А я печалью сердце занозил.
Прости меня! Я только верный слепок -
В себе я мир проклятый отразил.*

*Здесь красоте не место. Здесь измена
Свила гнездо. И тяжкая нужда
Оскалилась... О, как мне жизнь чужда,
Где лишь одна измена неизменна!*

*Пусть видит **Бог**, я в том не виноват,
Что в двадцать лет я ничему не рад!*

*В ночь с 29 на 30 июня 1947 года
Мне 21 год*

Сокровенная мудрость

*Как горе — так бегу в леса я
Припасть к основе всех основ,
Туда, где истина босая
Живет без мыслей и без слов.*

*Прильнешь к земле — и боль стихает.
Сплошное половодье трав!
О том ни прозой, ни стихами
Не скажешь, даже испытав.*

*Гляжу на месяц безучастный,
На темный лес и спящий пруд, -
И переходит бред неясный*

В величье творческих минут.

*И исцелен, и успокоен
В объятьях высшей простоты,
Я становлюсь небес достоин
И с **Богом** говорю «на ты».*

09.09.47

Поэзия

*Трагичен век двадцатый! Сколько в нем
Смертей насильственных! Как одичали нравы!
И в двадцать первом веке назовем
Двадцатый век Великим и Кровавым.*

*Какой хаос идей — и бодрых, и усталых,
Погасших взоров и горящих глаз!
Один народ низвергнут с пьедесталов —
В другом Звезда Истории зажглась.*

*Всё глуше реквием отживших, уходящих.
Все громче Гимн Строителей... Но кто,
Так грустно, недоверчиво смотрящий,
Стоит, закутавшись в дырявое пальто?*

*Поэзия! Где твой когда-то гордый
Победный клич? Лавровый где венок?
На поле битвы, где столкнулись орды,
Ты умерла, как милосердный **Бог***

16.10.47

Половины

*Научи меня, песня родная,
Как прожить, не тужа ни о ком.
Надоело мне быть чужаком,
В одиночестве тусклом сгорая.*

*Ведь и я был когда-то единым,
Но рассёк меня **Бог** пополам.
И ищу я свою половину
По чужим и зловонным углам.*

*Оттого я бываю так робок,
Оттого я сгораю в тиши.
И все кажется крышкой от гроба
Голубая высокая ширь.*

01.01.48

Астрология

*Люблю тебя наперекор всему,
Наперекор большим и малым звездам.
Пускай астрологи предсказывают тьму,
А время коршуном уносит годы в гнезда —
Люблю тебя наперекор всему.*

*Я — атом бытия. Но, если я люблю,
Предвечной тайны чувствую дыхание.
Так голубого ветра колыханье
Движеньем сообщает кораблю.
Не жалкий червь, а **Бог**, когда люблю!*

*Пусть голос клеветы пищит, как крысы в трюмах,
Пускай астрологи предсказывают тьму,
Люблю тебя одну. Одна в моих ты думах.
Люблю тебя наперекор всему.*

13.03.48

Иуда

*Всё суета сует. Мгновенность.
Сегодня есть — а завтра нет
И победителя надменность,
И этот день, и этот Свет.*

*Что счастье? Комплекс ощущений.
Что власть? Пастух пасет ягнят.
Что жизнь? Порядок превращений.
Что смерть? В забвение возврат.*

*Наука? То лохмотьев груды
На первозданной нагоде.
Здесь **Бог**, распятый на кресте,
И торжествующий Иуда.*

27.07.49

Предназначение

*Привет, привет тебе! Пускай не удивит
Мое письмо своим тяжелым слогом.
Как рассказать, что грудь моя таит,
Мне в самом нужном и немногом?*

*Начну с того, что я не одинок,
Что, из беды выковыывая счастье,*

*Я, как сумел, обиду превозмог,
Укрывшись в тихой гавани бесстрашья.*

*Я перетер её, пережевывал,
Переборол... Да, много всяких «пере»!
Но я уже не тот. Я что-то надорвал,
И что-то потерял... Я рад своей потере.*

*Я потерял иллюзии. **Бог** с ними!
Кто в двадцать лет иллюзий не имел?
Но я горжусь, что чувствами своими
Не вымерз, не иссох, не обмелел.*

*И, как всегда, я полон странной веры
В какой-то мне назначенный удел.
Пусть надо мной смеются маловеры!
Я поступил, как **Бог** мне повелел.*

*Да! Сердце с Разумом идти не хочет в ногу.
Я сознаю, что слаб, что мягок и незрел.
Но без тоски смотрю я на дорогу,
Которой удержаться не сумел.*

*Боль отошла. Страдания заглохли.
Я углубляюсь в книжные миры...
Но знаю я: вулканы часто глохли,
Но редко выходили из игры.*

03.02.50

Счастье

*Тундра... Снег... Весна... Морошка...
Птиц недолгих хлопотанье.
Надоедливая мошка...
Солнца тихое топтанье...*

*Наше счастье, словно лето
В тундре, быстро и убого...
Ночью звезды и планеты
Смотрят пристально на **Бога**.*

08.02.50

Инстинкт

*Пройду и отомру, как бы не жил вовек.
И даже не останется названья.
Созданье жалкое, лукавый человек,
Зачем тебе дано самосознанье?*

*Зачем такой контраст? Ты мыслью равен **Богу**,
Вселенной бесконечной равен ты.
Но пробил час - в последнюю дорогу,
Туда, где царствуют могильные кресты.*

*Вся жизнь твоя пред Вечностью - мгновенье.
Ты во Вселенной бесконечно мал.
Какой же силой возникают поколения
И внук встает за дедовский штурвал?*

*Конечно, в этом нет самосознания.
Слепой инстинкт бушует и орет:
«Великое и малое создание,
Всегда вперед! Всегда, всегда вперед!»*

20.11.54

Разлука

*Я обнимал тебя так крепко, что в объятьях
Порой ты задыхалась. Я хотел
Прикосновеньем тесным наших тел
Змею не пропустить меж нами... О, проклятье!*

*Проходит всё! Разлучница-змея
Легла меж нами долгою дорогой.
Я в храме был. Неведомому **Богу**
Впервые в жизни там молился я:*

*«О, если б я кусок отрезать мог
От жизни, что осталось мне прожить,
И бросить между нами и разлукой!
О, если б время запиралось на замок!»*

16.09.60

Самозниафия

*Арсений Прохожий –
На чёрта похожий,
Но всё же немного
Похожий на **Бога**.*

*Он жил неумело:
Трясли, словно грушу...
Чёрт взял его тело.
Бог взял его душу.*

28.08.75. Друскининкай

Шарманщик

*Иду открытым полем
У Бога на виду.
Со мной моя шарманка
И старый какаду.*

*Он вынет вам билетик
За ломаный пятак.
В нём дальняя дорога
В какой -нибудь Ирак,*

*Машина, девки, дачка,
Распределитель, чек
И титул: «Образцовый
Советский человек!»...*

*Иду открытым полем
У Бога на виду.
Со мной моя шарманка
И старый какаду.*

*Он вынет вам билетик
За ломаный пятак.
В нём дальняя дорога,
Владимирский большак,*

*Тайга, баланда, тачка,
Барак, любовь мужчин
И кличка: «Враг народа» —
Народный высший чин...*

Иду открытым полем...

**** .08.77**

Любовь

*Гляжу на влюблённых печально:
Безумны рабы Афродиты!
Открытые жизнью кредиты
Они расточают отчаянно.*

*Вот так моя жизнь пролетела
В погоне за сладким обманом!*

*Она была пошлым романом,
Кошмаром для Духа и Тела!*

*Не **Бог** надо мной был, а черти;
Так что же осталось в итоге?
Печально стою на дороге
Своей задержавшейся смерти.*

*Сверх, сверхзапоздалую детку
Оставляю трех лет сиротою...
Подружится он с нищетой —
И небо покажется в клетку.*

11.09.77

Мужчина и женщина

*Влюблённые — не люди. Половинки,
Они неполноценны, как ботинки,
Когда одной и той же нету пары,
Да, **Бог** не мог придумать худшей кары!*

*Он поступил, воистину, жестоко,
Когда рассёк всю жизнь на два потока.*

***.77

Астроном

*Спать не дает проклятый клоп —
И в пору полуночную
Смотрю на **Бога** в телескоп
Как в скважину замочную.*

07.04.79

Хомо сапиенс

*Всё, что от **Бога**, прекрасно.
Всё, что от **НОМО**, ужасно.*

27.07.79 Чолпон-Ата

Прозрение

*Не верю в **Бога** я.
Вот в этом вся беда.
И жизнь убогая
Уходит в Никуда.*

23.06.85. Пятигорск

Возрождение

*Конец апреля. Жалкая земля
Кое-где травой прикрыта прошлогодней.
Какие безотрадные поля!..
Но на душе всё чище и свободней!*

*Неужто кончился кошмарный долгий сон?
Я, как земля в апреле, так же жалок...
Но скоро **Бог** воздвигнет новый трон
Из ландышей, нарциссов и фиалок...*

*Ну а меня забудет разве **Бог**?
Он мне прощает, что в него не верю.
А без Него, один, я разве б смог
Перенести последнюю потерю?*

25.04.87. Новоперделкино

Всеведение

*Не верю я, что всё бесследно.
В любой былинке память скрыта.
И то, что людям незаметно,
То взору **Господа** открыто.*

08.08.87. Сходня

Разоблачение

*Как я завидую спокойным, равнодушным!
Бесчувственным! В ком нет воображенья.
Кто только тем живет, кто копит сбереженья...
Как я завидую расчетливо послушным!*

*Я говорю себе: какого черта надо
Тебе за всех страдать? Чем можешь им помочь?
Ты только превратишь все дни в сплошную ночь.
Ты только угоришь средь копоты и чада.*

*«А ты не лжешь себе? Быть может это поза?
Ты загляни в себя! Со стороны видней.
Тебе ведь наплевать, я знаю, на людей.
Ты любишь лишь себя, стыдливая мимоза!»*

Так Бог мне говорит. И я, смущенный, вяну.
А Он безжалостен — мой грозный Судия.
И, в душу заглянув свою, пристыжен я.
А Он, мой грозный **Бог**, всё сыплет соль на рану.

11.09.1991. Деревня «Устье»

Радиоактивность

Красива природа! Но даже её
Мы сделали бабой коварной.
Так баба порой отнимает жильё,
Блестя красотой самоварной.

В красивом пейзаже таится беда:
Рентгены! Рентгены! Рентгены!
Я знаю такого: сказав «Ерунда!»,
Свои деформировал гены.

С природой, как с бабой, погрязшей во лжи,
Немного спасает детектор...
И плачет навзрыд средь космической ржи
Наш **Бог** – Мировой Архитектор.

12.09.91. Деревня «Устье»

Деревня «Устье»

«Устье» - то имя деревни,
Где я покой нахожу.
Словно к прекрасной царевне –
Устье – к тебе я спешу.

Здесь тишина и раздолье.
Синее небо в листве...
Видятся серою молью
Те, кто остался в Москве.

Бедные вы, городские!
Мало души в городах.
Толпы там бродят людские –
С **Богом** они не в ладах...

В «Устье» огромное небо.
В «Устье» зовущая даль...
Жалко, что мало здесь хлеба.
Есть почти нечего... Жаль!

12.09.91. Деревня «Устье»

Полуфабрикаты

*Как часто люди хуже, чем зверье!
Как соблюсти ни в чём не могут меры!
Как часто я в людей совсем теряю веру.
Мне кажется порой: для чёрта мы сырьё!*

*Да, не довёл до дела нас **Господь!**
Мы недоделки. Полуфабрикаты.
Так почему мы в этом виноваты?
Так отчего страдают Дух и Плоть?*

*Пусть говорят мне: «Где твое смирение?»
Что «богохульство не ведёт к добру».
Чего боятся мне? Я, умерев, умру...
Да, неудачно было сотворенье!*

13.09.91. Деревня «Устье»

«АГОНИЯ»

(фрагменты)

*Весь мир — жратва! Мы жрём и жрём, и жрём...
Весь мир — жратва! Нас жрут и жрут, и жрут...
Обмен веществ! Круговорот в природе.
Нажравшись, врём и врём, и врём, и врём...
Врём о любви, о **Боге**, о погоде...*

*И снова жрём и врём! И врём и жрём мы снова..
Жратва и ложь — вот жизни всей основа!
Субстанция, субстрат, материя, усия,
Идея, эйдолон, теос, айтия, нус...
Моя агонизирует Россия.
Её не грабит разве только трус.*

*Кочан капусты истины дорожке.
Вокруг одна лишь злоба. Злоба дня.
Вокруг одни противнейшие рожки,
А рожка, всех противней, у меня...*

*Всё это чушь! Взгляни, какие лица!
Какие светлые глубокие глаза!
Лгать на народ свой? Это не годится!
Пусть грянет гром! Очистит нас гроза!*

Пусть молния ударит зло и дерзко!

*И выжжет всё, что гнило, пошло, мерзко!
Пусть испарится затхлый водоём!
Пусть не уйдёт никто от праведного гнева!
Пусть мы с тобой останемся вдвоём!
Два человека. Я — Адам. Ты — Ева!*

*И от тебя вознёсся до России,
До Человечества, до Космоса, до **Бога**...
Но вот опять дожди заморосили...
Ах, где же ты, обратная дорога?*

*Я заблудился. Провалился в щели
Каких-то измерений непонятных.
Вот кажется, что я почти у цели —
И вдруг опять я на путях попятных.*

*Где проводник? А лучше — проводница?
Где Биатриче Дантова? Где ад?
Река забвенья Лета? Чтоб напиться
Мне из неё — и свой забыть разлад.*

*С самим собой. И с Космосом. И с **Богом**...
Когда иссякнут? Кончится «запой»?
Мне эта лажа скоро выйдет боком:
В делах постылых у меня застой.*

***Боже! Боже!** Что осталось?
Хуже смерти
Одиночество и старость.
Мне поверьте!*

*То, что жизнь мне стала в тягость,
Не кокетство...
Ах, какая это пакость -
После детства!*

*Одиночество, как бритва,
Очень остро.
Я построю из молитвы
Тихий остров...*

*Не ропщи на **Бога!***

*Бог всё знает лучше.
Подожди немного:
Подвернётся случай —*

*Всё начнёшь сначала...
А начала нету.
Жизнь меня промчала
По чужому свету...*

*Пробудился. Встал весёлый.
Позабыл кошмарный сон.
Был я тусклый. Был я квёлый.
А теперь в душе бутон.*

*Не имел о том понятия,
Что, живя без суеты,
Обретаем без изъята
Мир нездешней красоты.*

*Из себя исторгнув зверя —
Не рычи и не зови! —
Буду жить я, в **Бога** веря,
Без обманчивой любви.*

*От неё одни печали!
От неё в душе разлад!
Буду беден я вещами —
Буду истиной богат!*

*Я в тебя поверил, **Боже!**
Ты ударил в глаз — не в бровь.
Возрождаюсь я... Но всё же
Разреши ещё любовь!*

Июнь 1994

Я

*Я знаю себя — уповаю на **Бога**.
Я знаю себя — изменить не могу.
И где-то в душе поселилась тревога.
К себе отношусь словно к злему врагу.*

**12.94

Самозпитафия

*Арсений Прохожий —
Народный поэт.*

*Был жизнью скукожен
На старости лет.*

*Был наг и бездомен,
В нужде изнемог...
Он также огромен,
Как Космос и **Бог!***

06.10.97

Божий суд

*Я на компьютере у **Бога.**
Там мне поставили на вид.
Затем предупредили строго...
Нет, **Бог** меня не сохранит.*

22.10/28.11.97

Попам

*Есть ли **Бог?** О том молчок.
Если есть, то он сачок.*

21.02.98

СОФЬЯ (фрагменты)

*Пусть этот мир лежит во прахе!
Пусть он безумствует в грехе!
Пусть радость одолеют страхи!
Пусть **Бог** сподобится блохе!*

*Пусть всё погибнет без изъятья!
Пусть сгинут полумесяц, крест!
Моё отцовское проклятье
Для всех времен, пространств и мест,*

***Отца, Сынка, Святого Духа,**
Аллаха, Яхве, разных Будд!
Пусть смерть — развратная старуха —
Прикончит весь вселенский блуд!*

*Потом себя. Пусть сгинет Нечто!
Пусть растворится всё в Ничто!..
Не говори: «Бесчеловечно!»
Имею право я на то.*

*Я стар. Естественною смертью
Умру. Осталось мало дней.
И буду взят земною твердью
Не весь. Душа умчится к ней.*

*Там **Бог** блаженствует на троне,
Там серафимы из огня...
Но не добратья мне до Сони.
И не признаешь ты меня.*

*Ты с высоты невольно глянешь —
И отведёшь свои глаза...
Глупец! Природу не обманешь.
Мудрец не верит в чудеса.*

*Иду сумбурною дорогой,
Где ходят только поперек,
В храм прихожу, не веря в **Бога**.
Я дочь свою не уберег.*

*И весь в слезах я свечку ставлю
И погружаюсь в огонёк.
Но **Бога** я отнюдь не славлю:
Он дочь мою не уберег.*

*Беззубый, безобразный, старый,
Утратив к жизни интерес,
Я был наказан высшей карой.
Не **Бог** меня судил, а бес*

*Мой Карфаген разрушен
И вдоль и поперек.
Убийца обнаружен.
Я дочь не уберег.*

*Да! Жизнь моя жестока.
У кромки бытия
Я вопрошаю **Бога**:
«За что наказан я?»*

Июнь-июль 1998 года

Избранник

*Сегодня **Бог** ко мне благоволит:
Троллейбус я не ждал.
Автобус ждал недолго...*

26.07.2000

Истина

*Путь к истине и долог, и тернист.
Она недостижима для злодея.
Лишь только тот, кто первобытно чист,
Живет как **Бог**, всей истиной владея.*

06.09.03

Прозрение

*Я прожил жизнь свою безбожно.
Но понял на исходе лет,
Что жить без **Бога** невозможно.
Без **Бога** смысла в жизни нет.*

26.04.04. Мне 78 лет.

Ельциниада

Москва. 2004

Повторение

*Опять всё в кучу свалено!
Опять не вышло дельце нам!
Вперед, братва, за Сталина!
Вперед, братва, за Ельцина!*

Чепист

*Не ходил бы, Миша, в отпуск —
Меньше было бы обид.
Отобрали к власти допуск —
Оттого ты так сердит.*

*Незадачливость «чепистов»
От позора унасла.
На глазах плохих чекистов
Превратили бы в осла.*

*Был во гневе так неистов
(Ведь почти пошел ко дну)
Что свалил на коммунистов
Не одну свою вину.*

*Всё, выходит, виноваты!
Виноват весь наш народ,
Что урезаны зарплаты,
Что на поле недород.*

*Пусть идут под суд «чеписты»!
Напугали целый мир...
И кричат капиталисты:
«Ельцин — новый наш кумир!»*

16.09.91. Москва

Псевдочастушки

1. Бросят в общую могилу,
Не по средствам нынче гроб.
Сами выбрали Аттилу.
Изведёт кремлёвский жлоб.

3. Говорит Борису Влас:
Не взрастишь ты «средний класс»!
Как в Кремле ты ни судачь —
«Средних» слопает «Первач».

<p>4. Говорит Борису детка: «Ельцин! Кол — твоя отметка! Ты меня изгнал из детства. Ничего! Найдется средство».</p>	<p>7. Наша собственность — глаза, Сердце, легкие и почки... Кто за Ельцина? Все — «ЗА!» За уход без проволоочки.</p>
<p>11. Мы с размаху сели в лужу. Смерть — невеста. Учит Борька: «Будет лучше, коли хуже!» И кричат буржуи: «Горько!» <i>Ночь 9/10.02.93</i></p>	

«Россия — это не та Россия, за которую я выступал, будучи диссидентом, изгнанным из СССР. Если бы я тогда знал, что всё закончится вот так...»

В. Максимов // Супермен. 1993. № 19. С. 2.

*Нет, я не был с ним в одной артели.
Был я очень тихим диссидентом.
Но согласен с ним я. В самом деле
Не такой России мы хотели,
Не с таким преступным Президентом.*

31.10.93

Советский Союз

*Да, жили мы в одной ограде,
Не зная горя и тоски!
Три властолюбца, черта ради,
Нас разорвали на куски.*

*Русь собиралась по крупицам.
Кремлевский дьявол всё расторг.
Где был простор — теперь границы.
Где были ясли — нынче морг.*

*Кто лжет, что «были только цепи»?
Кто рад, что «вырвались из уз»?
Моря и горы, лес и степи,
И сто народов — наш Союз!*

03.06.94/05.08.97

Примирение

*Наш косой, не вникнув толком
В хитрый ельцинский указ,
Взял — и примирился с волком...
Точка... Кончен мой рассказ.*

08.11.96

Марина Деникина: генеральская дочь, французская графиня – «В России 7 ноября превратили в праздник примирения и согласия. Но кого с кем? Конечно, белые и красные могут примириться, но это невозможно между богатыми и бедными» («Новые известия» - «Мир за неделю» 20-27 ноября 1990 года. №13 (13).С.8).

4 октября

*Я лежу, расстрелянный,
Поперек Москвы.
Подо мной расстелено
Небо синевы.*

*Как бинты кровавые,
Облака в заре.
Я погиб со славою
В черном Октябре.*

04/06.10.97. У «Белого дома»

Простейшие

*Наша эпоха
(Как ни ругайся) -
Палочки Коха,
Вирус Чубайса.*

11.02.98

Сенсация

*Какой фурор! Какой презент!
Какой великолепный шок!
Наш достославный Президент
Стал сам проситься на горшок.*

26.01.99

Сачки

*Придурок машет кулачками,
Разрушив всё в борьбе за власть.
Сидеть бы в Горках вам сачками!
Куда там! Продолжают красть*

*И гнать в Швейцарию валюту.
На наших детях этот долг!
Где взять Скуратова Малюту?
Скуратов просто -дохлый волк.*

27.03.1999

Импичмент

*Б. Ельцин — это силище!
Пред ним бессильна Дума —
Бездумное мыслище!
Смотрю на жизнь угрюмо.*

*Гарант воров, грабителей
Остался у руля.
Всё больше «краткожителей»!
Где Ельцин — там и тля!*

*Он служит ей опорой.
Она Россию точит.
И, окруженный сворой,
Е.Б.Н. делает, что хочет.*

23.05.1999

Предсказание

*Мы Ельцина ещё помянем добрым словом,
Когда захватит власть российский Пиночет.
Нас сгонят в Лужники одним ночным уловом.
Ни для кого из нас не расцветёт рассвет.*

23.05.1999

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
"СОКОЛЬНИКИ"

РУКОВОДСТВУЯСЬ ЗАБОТОЙ О ВЫСОКОМ ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ
КАЧЕСТВЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 70-Х ГОДОВ XX ВЕКА,
ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ "СОКОЛЬНИКИ"
НАГРАЖДАЕТ НАСТОЯЩИМ ДИПЛОМОМ И ДЕНЕЖНОЙ ПРЕМИЕЙ В РАЗМЕРЕ 10 р.

ПОЭТА

АРСЕНИЯ НИКОЛАЕВИЧА НИКИТИНА

ЗА ЦИКЛ ИЗ 18 СТИХОТВОРЕНИЙ, ПРОЧИТАННЫХ 23 ЯНВАРЯ 1973 ГОДА
НА ВЕЧЕРЕ ПАМЯТИ НЕЗАБВЕННОГО СИМОНА АБРАМОВИЧА ВЕРИШТЕЙНА

Ж Ю Р И:

Эдуард Володарский /Эдуард Володарский/
Игорь Голубев /Игорь Голубев/
Александр Пугачев /Александр Пугачев/

Москва,
Сокольники,
30 января 1973

ЭКЗАМЕН

Как я её только увидел — так и влюбился. И она тоже. Не знаю, как у них это получается, да и никто не знает кроме комитета по делам любви: профессиональная это, так сказать, тайна. Впрочем она была девушка красивая и такого типа, который мне всегда нравился, так что иногда даже мысль у меня появлялась, что я бы её и без КДЛ (Комитета по делам любви) полюбил, но такую мысль я гнал как еретическую: естественная, самопроизвольная любовь в те времена уже давно была запрещена и за нее жестоко карали.

Тогда уже все естественное было под подозрение взято как стихийное и не поддающееся планированию, а потому и любовь разрешалась только искусственная, по решению ЖЭКа (Жилищно-эксплуатационного управления), ведь ЖЭКи к тому времени уже всем заправляли — государство давно отмерло. Воцарилось гражданское общество.

Только вы не думайте, что насильно сводили, как в далекие времена при Царе Горохе! Нет, теперь двум тщательно подобранным разнополым особям такую при посредстве КДЛ ЖЭКа взаимную любовь внушали, что естественная, самопроизвольная любовь с ее неустойчивостью, ранимостью и стихийностью ничего перед этой жэковской любовью не стоила. Пары же подбирали, как правило, исходя из жилищного вопроса: как только в двух квартирах по одному разнополому существу оказывалось, так их и женили, а освободившуюся квартиру для расселения больших семей использовали. Может быть, это кому покажется удивительным: неужели и в ХХХ веке жилищный кризис продолжается? А удивительного в этом ничего нет: людей-то уже столько на Земле народилось, что на каждый ЖЭК по несколько сот тысяч, а иногда и по миллиону душ приходилось, и, хотя дома уже в несколько сот этажей строились, все равно жилья всем не хватало. К тому же к этому времени стали все естественное в искусственное превращать — и на это почти все средства уходили. С любовью это не дорого было, а вот когда стали естественное Солнце, которое ведь каждую секунду взорваться могло, искусственным заменять, то тогда это недешево оказалось — и пришлось жилищное строительство сильно урезать...

Так мы и полюбили друг друга... Теперь-то я думаю, что мы могли бы и без КДЛ обойтись, но в те времена такой мысли и минуты нельзя было в голове держать, а то засекли бы ее жэковские аппараты по улавливанию мыслей и послали бы меня на промывание мозгов, а в этом было мало приятного.

Я это хорошо знаю, потому что я сам в те времена как раз в жэковской мастерской по промыванию мозгов работал, жэковским палачом был, головы эти самые, что на промывание мозгов направление имели, от туловища отделял, а товарищ мой мозги, что в тех головах были, промывал, а третий, что с нами работал в одной бригаде, обратно головы к туловищам приделывал. Но он часто выпивши был, а потому головы и туловища путал... На него за это много жалоб было, но так как он в прошлом большие заслуги имел: один из первых любимую девушку бросил и на нелюбимой женился, то на эти жалобы внимания не обращали и ходу им не давали...

Был я тогда еще совсем молодым, в должности палача ЖЭКом утвержден не был, а считался пока только исполняющим обязанности. И должен я был как раз экзамен на зрелость держать, чтобы официальный аттестат жэковского палача получить. И вот именно об этом экзамене я и хочу рассказать.

Она-то про мой экзамен ничего не знала, да и о том, что по воле жэковского КДЛ меня полюбила, не догадывалась. Совсем еще наивная была, старых-престарых романов начиталась, которые ей каким-то чудом в руки попали, тайком, должно быть, были прапрапрабабушками и бабушками сохранены и от общего уничтожения ускользнули. Вот за чтение этих романов, что не могло ускользнуть от всезнающего ЖЭКа, она и была к нам на промывание мозгов направлена. Но ее должны были не как других обработать, а примерно наказать, так чтобы и другим nepовадно стало любовные романы читать, коль скоро они из какого-нибудь старого сундука вывалятся. И, хотя она меня по воле КДЛ полюбила, было в ее любви что-то стихийное и естественное, а этого в ЖЭКе очень боялись, потому что такая любовь грозила всяческими неожиданностями: естественно-влюбленный мог вдруг после 6 часов вечера песню запеть, а то и в пляс пуститься, то есть от него всего ожидать можно было, а это уже очень обывателя пугало, потому что к тому времени наука почти все случайности и неожиданности предотвращать научилась, и люди к спокойной предсказуемой жизни привыкли.

Итак, я должен был своей любимой отрубить голову. В этом и состоял мой экзамен... Только она об этом не знала. Не знала она, что жэковская аппаратура давно уже всякий мусор в её голове засекла и на учет взяла, и на очередь поставила, а нужно сказать, что очередь в те времена в нашем ЖЭКе значительная образовалась: далеко не все еще понимали, зачем все естественное понадобилось в искусственное превращать, а потому работы у нас было много.

И вот полюбила она меня, значит. Встречались мы — это тогда еще запрещено не было, радиолокационная связь, исключаящая контакт тел между влюбленными, тогда еще только проектировалась... Целовались... Сначала я все позабыть не мог, что в скором времени мне придется ей голову отрубить. И, как начну ей шейку целовать, а шейка у нее была такая нежная, тоненькая и пушком покрытая, все губами щупаю, как бы удар свой так направить, чтобы экзамен выдержать...

А потом как-то забываться стал. Совсем увлекся — и голову потерял. Должно быть, тот элемент стихийности, который в ее любви ко мне благодаря чтению запрещенных романов был, и на меня повлиял — и во мне тоже что-то стихийное и естественное пробудилось...

Конечно, и это от жэковской аппаратуры не ускользнуло, и у одного члена домкома (домового комитета), как я потом узнал, возникло желание и меня на промывание мозгов направить, даже особое заседание домкома по этому вопросу было, но решили, что при таком экзамене элемент стихийности даже желателен, и, если я и тогда своей возлюбленной твердой рукой голову отрублю, то это означать будет, что моя преданность ЖЭКу велика и что я сам свои мозги прочистил, что опять-таки для ЖЭКа экономию означает... Так и порешили. И наблюдали за нами ежесекундно. А мы ничего не замечали и, кроме самих себя, ничего не видели...

А она все разлагала меня и разлагала. Без цветов до себя не допускала, а это давно запрещено было. Да и естественных цветов в нашем передовом ЖЭКе уже не было, а только искусственные, так что почти каждый день мне на черный рынок приходилось бегать и тайно на территорию своего ЖЭКа естественные, или, как раньше говорили, живые, цветы проносить...

Я забыл сказать, что ЖЭКи в те времена неравномерно развивались, соседний ЖЭК сильно отстал от нашего и одну клумбу с живыми цветами сохранил, но в наш ЖЭК вносить их было запрещено, потому что неизвестно какие вирусы, микробы и бактерии могли на живых цветах оказаться, а кроме того один вид живых цветов мог в умах жителей нашего передового ЖЭКа всякие атавистические наклонности пробудить и тем самым отбросить весь ЖЭК во вторые и даже третьи ряды, что для нашего честолюбивого начальства было крайне нежелательно... Так что мне приходилось эти цветы тайком приносить... И об этом жэковцы и домковцы, конечно, знали, но, в соответствии с принятой резолюцией, помалкивали... На большой риск, так сказать, шли...

А она все разлагала и разлагала меня. Попросила вдруг обручальное колечко ей подарить, и не какое-нибудь, не из металла, который в естественном виде во Вселенной не встречается, а из самого что ни на есть простого золота. А из золота тогда у нас уже только нужники делали. Пришлось мне от своего нужника кусочек отпилить и в самый отсталый ЖЭК самой отсталой префектуры пробраться и искать там некоего дядю Васю, который с меня за то, чтобы кольцо из моего нужниковского золота отлить, потребовал на пол-литра... Деньгами... А денег в моем ЖЭКе уже ни у кого не было. В соседнем с нами отсталом ЖЭКе деньги еще кое у кого были, но у нас уже давно все без денег сидели. Но наши жэковцы и эти мои заботы у меня в голове прочитали и не только меня на срочное промывание мозгов без очереди не направили, но выдали мне, чего уже давно у нас не было, денежный аванс за голову моей возлюбленной, вернее, «за отрубание» ее мною, как было в протоколе записано...

И принес я ей это колечко. Надела она его на безымянный палец — и залюбовалась... А потом вдруг схватила меня за руку, а на моей-то руке

второго такого кольца нет! А она ведь просила два колечка достать: одно для нее, а другое, естественно, для меня, но мне за ее голову только на одно кольцо денег выдали: шея у нее была длинная и, как при царе Горохе говорили, лебединая, тонкая и хрупкая, так что на два кольца она никак не потянула... Понятно, что я не мог ей все это объяснить. А потому сконфузился, смешался и в этом замешательстве невольно себя выдал. И, видно, почувствовала она что-то, глянула вдруг на меня с ужасом — и отшатнулась. И одно только слово из себя побледневшими губами выдавила: «Когда?» А я, как замороженный, стою и придумать ничего не могу, чтобы ее подозрения отвести, и на ее вопрос, дурак, совсем машинально говорю: «Скоро!», а сам на нее смотрю с передавшимся мне от нее ужасом. «Ты?» — говорит. Бросился я перед ней на колени. А это строжайшим образом запрещено было. На колени только перед начальником ЖЭКа и председателем домкома становиться разрешалось, да и то в часы их дежурства, для пользы дела, а перед частным лицом ни-ни!

Не знаю, до чего бы тут дело дошло, уже что-то варварское и человеческое в нас пробуждалось, но тут аппаратура по улавливанию мыслей и наблюдению над фактами сознания тревогу забила, сбежались члены домкома, поняли они, что через край хватили и что их тоже промывание мозгов ждать может, и, схватив нас, сделали нам по уколу, которые вернули нас на полчаса назад, как раз до того момента, как она взяла меня за руку. И надо же! На этот раз на моей руке тоже кольцо оказалось! Я тогда сильно этому удивился. А оказывается, что не все отобранные некогда в прошлом золотые кольца были в нужники переплавлены, некоторые из них присвоили предки членов тогдашнего нашего домкома — и здесь-то один из них в панике и притащил кольцо, за что его тоже на промывание не только мозгов, но и желудка направили, а это было опасно, ибо без мозгов жить еще можно было, а без желудка не всегда...

Итак, взяла она меня за руку — и просияла. «Вот мы и помолвлены», — сказала она. А я смотрю на ее шейку, шейка такая тоненькая, и на ней голова как цветочек, который я только что в отсталом ЖЭКе сорвал и теперь ей вместе с колечком преподнес. Да, думаю, это будет экзамен скорее на морально-политическую, чем на профессиональную, зрелость. Физически такую шейку перерубить ничего не стоит — а ведь жалко! Это меня и погубит. Рука дрогнет — и работа будет сделана не чисто.

А время шло. И нас все не вызывали... И опять я забывать о предстоящем мне экзамене стал...

И этот день настал... Мы накануне договорились за город отправиться. Утро было чудесное, теплое, августовское. Я проснулся бодрый и радостный и сразу же позвонил ей, чтобы ее разбудить. Она уже проснулась и своим нежным, чуть картавым голосом приветствовала меня с новым счастливым днем, как тогда было принято. Мы еще раз напомнили друг другу о месте встречи и попросили друг друга не опаздывать...

Я уже собирался вылетать в окно, как раздался звонок. Я узнал голос начальника ЖЭКа. Он требовал меня на работу. Я попытался было

напомнить, что у меня выходной день, но он ничего не хотел знать. Как всегда! Вот несчастье, подумал я с горечью, значит, я сегодня не увижусь со своей возлюбленной. Я тут же позвонил ей, чтобы отменить наше мероприятие, но она уже вылетела. Я был в ужасе. Она будет меня ждать — а я не приду. В старом романе, в который я как-то украдкой заглянул, как раз на той странице, которую я наугад открыл, описывался подобный случай. Результат был ужасный. Та женщина бросилась под поезд. В наше время никаких поездов не было... Но она могла выключить мотор своего воздухоплана — и разбиться о землю (закон всемирного тяготения тогда еще упразднен не был)...

Однако, что поделаешь? Работа есть работа. Пришлось спуститься в полуподвал, где помещалась наша мастерская. Какова же была моя радость, да именно радость и удивление, когда, войдя в нашу прокуренную комнату, где в одном из углов помещалось мое рабочее место в виде большой пропитанной кровью деревянной плахи, а в самом углу стоял заржавленный со стороны обуха топор (его лезвие от частого употребления и чистки блестело), я увидел свою возлюбленную. «Как хорошо, что ты пришла!» — воскликнул я. Она ответила: «Я не пришла. Меня привели!». Тут только я заметил в полумраке тощую фигуру нашего начальника ЖЭКа и двух членов домкома, один из которых налаживал телекамеру... И мне стало ясно: экзамен начался!

(6 февраля 1966 года)

Москва. Полуподвал на Дегтярном 15

Дырокол

(рождественский рассказ)

Жил-был дырокол. Был он большой, грубый и честный. Он добросовестно делал свое дело. «Раз!» — и готово. Бумаги так и вылетали из него с двумя аккуратными дырками и тут же прыгали в скоросшиватель. «Щелк!» — и на веки вместе. Но однажды дырокол опозорился. В него сунули слишком толстую пачку бумаг одного доцента-склочника, и дырокол не смог пробить ее с первого раза. Бумаге было больно — и она во всю ругала бедного, честного дырокола.

С этого события жизнь дырокола стала невыносимой. Он потерял уверенность в себе, плохо спал и даже начал ржаветь. Он был простым отечественным дыроколом, его сделали на мебельной фабрике, куда марсианские школьники по ошибке сдали собранный ими металлолом (а точнее говоря, разобранный ими трактор). Наш дырокол и его 857 тысяч братьев не получили достаточного воспитания. Их только покрасили голубой краской, какой красили кухонные столы. И они вышли в большую жизнь с открытыми от удивления ртами. Собственно говоря, дырокол и был одним большим открытым ртом, и его то и дело ударяли по верхней челюсти. «Раз!», «Раз!» — и в его брюхо, а скорее пеликаний мешок так и сыпались аккуратно выстриженные маленькие круглые бумажки — дыроколя зарплата. Когда «денег» оказывалось слишком много, то дырокол вскрывали и «деньги» высыпали в корзину для бумаг, на сохранение, как думал бедный наивный дырокол.

Так он и жил, пока с ним не случилась эта неприятность.

И вот дырокол решил бежать. Когда та старая ведьма, которая целый день стучала его по верхней челюсти, отлучилась, дырокол спрыгнул на пол и поскакал к корзине. Старая ведьма в этот день работала мало — и у дырокола в брюхе было не так уж много «денег». И он захотел забрать все свои «сбережения». Но корзина для бумаг оказалась пустой. «Обокрали!» — подумал дырокол и заплакал. Слезы не украшали его. Он стал ржаветь прямо на глазах скоросшивателей, которые смотрели на него изо всех углов конторы. Они были все пронумерованы и набиты важными и скучными деловыми бумагами, а не пустыми, никому не нужными кружочками, которые дырокол принимал за деньги, а потому дружно его презирали.

На полу около корзинки для бумаг дырокол увидел скрепку. Она упала еще вчера, уборщица, подметая контору, ее не заметила, хотя скрепка была блестящей и считала себя француженкой. Действительно, эту партию скрепок сделали из разбившегося французского космического аппарата, и все они, а их было 2036790892, гордились своим происхождением. Однако долгое лежание на холодном полу в течение всей ночи в одиночестве, а не в тесном кругу своих сестер в картонной коробке, напугало скрепку — и она готова была посочувствовать дыроколу. «Ты кто? — спросила его скрепка.

«Я дырокол, — ответил тот. «Фи» — сказала скрепка. — Какое грубое у тебя имя. А я скрепка. Это почти то же, что скрипка. И ты должен относиться ко мне с уважением. Мы ведем свой род из Франции. И нас так много, что никто не смеет нас обижать. Не вздумай дотрагиваться до меня!» Бедный дырокол! У него и в мыслях ничего подобного не было. Он только заплакал сильнее.

Но вот хлопнула входная дверь. В контору из магазина вернулась старая дева, которая только что хорошо отоварилась десятью банками свиной тушенки (напомним, что это было на Марсе), получив в качестве прицепа двадцать экземпляров романа земляцкого писателя Э. Бредиадковского «Марсианка бродит по Арбату». В этот счастливый для нее момент старая ведьма не думала, как обычно, о том, что, если бы Прохор её в свое время не бросил, то её жизнь могла бы сложиться по-другому. И она не сидела бы на Марсе в этой конторе. Старая дева думала об этом важнейшем эпизоде своей жизни почти всегда. При этом её левая рука (старая дева была левшой) непроизвольно подпрыгивала и ударяла по столу. Поэтому её и посадили подшивать бумаги. Ни на что другое она не была способна. Но в этот момент она была почти счастлива. Тушенка (напомним, что это было на Марсе и давно) под Новый Год была очень кстати, а что касается романа, то он годился на растопку. И как всякий счастливый человек наша дева на какое-то время утратила бдительность, а потому, подходя к столу, чтобы опорожнить свою большую хозяйственную сумку, не заметила на полу тихо плачущего дырокола, наступила на него, споткнулась и выронила сумку. Банки вывалились на пол и почти все разбились. Уцелела лишь банка с баклажанной икрой — её ей подсунули вместо тушенки.

Все это было так непривычно смешно, что плачущий дырокол неожиданно для себя рассмеялся. «Ах ты мразь!» — закричала несчастная женщина, схватила заляпанный свиным жиром дырокол и только прицелилась, чтобы выбросить его в форточку, как вдруг «цзынь, цзынь, цзынь» — посыпались стекла, и в комнату влетел небольшой, размером с чайник, сверкающий аппарат, который совершил мягкую посадку прямо на стол старой девы. «Привет с Земли!» — дружелюбно вымолвил он. Старая дева противно вскрикнула. Брошенный с неожиданной ловкостью дырокол с удивившей его самого классовой ненавистью вцепился в космического щеголя. «Приииивееет!» — неуверенно повторил он и рухнул на пол на скрепку, которая мазала губы свиным жиром. Аппарат дернулся и затих...

Это был новый вид летательных аппаратов, о которых в это же время на Земле делал доклад видный, но почти никем не виданный, ученый, академик Иван Натанович Марсан. Его слушали академики Марсохапов и Марсохапян, членкоры Марсоберидзе и Марсозаберидзе, профессора Марсоедов и Марсоглотов, доцент Марсанышев, аспирантка Марсальникова, лаборантки Марсамбекова и Кмарсубегова, спецкорр Марситуткин и представитель общественности первоклассник Вася Марсяткин. «Это большая победа нашей науки!» — сказал в заключение своего доклада Иван Натанович. Все дружно зааплодировали.

А в это время старая дева пришла в себя и ужаснулась содеянному. Она уже кое-что слышала о новых межпланетных аппаратах, а потому сообразила, что совершила сомнительный поступок. «Береженного Бог бережет!» — повторила она любимую поговорку Прохора, которой он обычно отвечал ей на ее робкие намеки на существование ЗАГСа. Схватив сумку, старая дева побросала туда то, что только что было гордостью земляцкой науки вместе с намертво вцепившемся в эту гордость дыроколом, а сверху присыпала битым стеклом. Все это она высыпала на свалке соседнего РЭУ. Вернувшись в контору, она тщательно собрала с пола куски тушенки с прилипшими к ней кусками баночного стекла. «Ничего, — подумала дева. — Когда я жила у Прохора на Дегтярном, то мне еще не то приходилось есть». «Ах, Прохор, Прохор!» — сказала старая дева и заплакала...

Прошел месяц. Было прекрасное марсианское утро. Большой космический аппарат готовился совершить мягкую посадку на свалку соседнего РЭУ, куда только что пришли для сбора металлолома восьмиклассники соседней школы. Спасти их от поражения в соревновании с первоклассниками могло только чудо. Эта жажда чуда была у восьмиклассников столь велика, что они даже не удивились, увидев, что прямо на них опускается что-то большое и металлическое. В последний момент аппарат взял в сторону и скрылся за большой кучей щебня, оставшейся от последней ядерной войны. Когда-то это было трехсотэтажным домом. «Вот он!» — воскликнула Аэлита, первая взобравшись на вершину этой кучи. «Металлоломь его!» — приказал старший вожатый Марсебский и, схватив с земли, то есть с марса первый попавшийся ему под руку тяжелый предмет, бросился к аппарату, из которого выползал марсоход. Марсебский ударил его по куполу схваченным им предметом. «Караул! Убивают!» — закричала земляничка, выскакивая из марсохода и кидаясь в ближайший марсианский канал, заполненный ликером. Подоспевшие восьмиклассники быстро разломали и марсоход, и сам аппарат и с торжеством потащили обломки на территорию школы.

Свалка вскоре опустела. Задержались лишь Марсебский и Аэлита. Первый держал вторую в объятиях. В его поэтизированном сознании складывалось: «Повезло дураку-рыбаку. Он белугу поймал на бегу...» Марсебский не знал, что за ним наблюдают сразу две женщины. Первой была земляничка, которая по команде с Земли выбралась из канала и пошла обратно к уже несуществующему марсоходу. Второй — старая дева, которой, несмотря на все ее заявки, не выдали новый дырокол. Его-то она и увидела в правой руке Марсебского. Но она тут же забыла о дыроколе.

Перед ней стоял ее Прохор, который в это время подрабатывал вожатым на Марсе. Увидел и он старую деву — и хотя прошло уже несколько лет, тут же узнал в ней ту самую марсианку, которая некогда бродила по Арбату и которую он поразил, обратившись к ней, с вопросом: «Девушка, а вы не марсианка случайно?». . . Некоторое время они жили в полуподвале на Дегтярном 15 без прописки. Вскоре случилась облава на БОМЖЕЙ. Прохору удалось бежать, её же схватили и выслали на Марс. Ведь она значилась в

милицейских доносах под кличкой «марсианка». На прощание навещавший ее в камере милицейский чин шепнул ей, что облава была якобы инспирирована самим Прохором, который давно уже встречался с некоей девицей из Томилино.

Все это в мгновение ока пронеслось в памяти покинутой женщины. Подбежав к Прохору и Аэлите, она выхватила у него дырокол и тут же подшила их обоих в новенький скоросшиватель. На обложке она старательно вывела: «Дело Прохора». Ни его нынешней марсианской фамилии, ни его литературного псевдонима она не знала.

Нужно сказать, что весь этот трагико-комический эпизод был передан земляничкой на Землю — сотни миллионов землян могли видеть эту захватывающую сцену. Кое-кто узнал Марсебского, но не удивился. Все его знакомые привыкли к его странным командировкам то на Памир звездочетом, то в лагеря Дедом Морозом, то вообще в «дальние края».

Между тем старая дева подала «Дело Прохора» в суд. Вещественные доказательства были налицо. Даже и в скоросшивателе Марсебский держал Аэлиту в объятиях. Не будем рассказывать о трехмесячном судебном процессе. О нем можно прочесть в любой марсианской газете. В конце концов Марсебский был приговорен к усечению своей марсианской фамилии, что грозило ему большими неприятностями, так как для него вторая часть его фамилии была существенней первой...

Но все кончилось для него, как обычно, хорошо. Земляничка, которая влюбилась в Прохора уже в тот момент, когда спасалась от него бегством, передала на Землю, что видному земляцкому песеннику и романисту Э. Бредиадковскому (оказывается, Марсебский, Прохор и Э. Бредиадковский были одно и то же лицо!), находящемуся на Марсе по просьбе не читателей, угрожает опасность усечения, после которого этот авантюрист уже не представлял бы никакого интереса для женщин. Земля обратилась к Марсу с нотой... В конце концов Э. Бредиадковский был выслан на Землю. С ним отправилась и земляничка, которую Э. Бредиадковский тоже успел полюбить, ибо после купания в канале она была уже не просто земляничкой, а земляничкой в ликере...

Некоторое время, что-то около трех недель, они были по-своему счастливы. Земляничка была гибкой как шланг и стройной как кукуруза. Ее глаза жили отдельно от тела. Она пела — и упругая мелодия всегда лежала у ног Э. Бредиадковского серебристой ланью. Они пили темное вино через полые стебли, искусно просунутые в чужую бочку.

Но случилось несчастье. Однажды Э. Бредиадковский, поддавшись влиянию мистика Бориса Шелапутина, где-то тайком отщипнул головку сыра и, взобравшись на высоченную стопку своего не распроданного романа, намеревался позавтракать в одиночестве. Глубоко внизу бежал Бенья Молох. «Эдик! Дай кусочек сыра!» — попросил Бенья. «Похвали мой роман, — отвечал Э. Бредиадковский. — Тогда дам». «Беее!» — завопил Молох и, разбежавшись, пнул головой стопку. Она обрушилась. Так нелепо погибли эти великомученики землячкой художественной литературы и

литературной критики... Земляничка была неутешна. Две недели. А затем вышла замуж за академика Ивана Натановича Марсмана.

А что касается дырокола, который оказался невольным орудием разрушения марсохода, то его оправдали, почистили от ржавчины и покрасили. И он снова стал большим, грубым и честным дыроколом, каким и был в начале нашего рождественского рассказа.

031.12.1971–01.01.1972

Поэт Эдмунд Иодковский и Арсений Чанышев

СВАДЬБА

/правдивый рассказ/

1. 27 июня. Хочу с самого начала заявить, что я к этим подонкам не имею никакого отношения. Я честный труженик. Верноподданный. Есть, правда, во мне один изъян, одна небольшая трещинка, болезнь как бы. Началось это у меня давно, мне тогда еще восемнадцать лет не было, да так все и тянется. И сам я даже не знаю, как напоззли ко мне сквозь эту самую трещинку пауки и сороконожки всякие... И вот докатился я до того, что через пять суток предстоит мне на шабаш являться, где я одним из главных действующих лиц буду. А второе лицо — Чекушка, невеста моя... А всё стишки, стихата, стиханюточки — вот та стихия проклятая, что меня из моего здорового коллектива выхватила и подхватила, и понесла, и заулюлюкала, и заквакала, и заржала, и захохотала, и заблеяла, так что я и не заметил, как в каком-то полуподвале с бездомной провинциальной актрисочкой оказался. Она-то в Москву заявила, чтобы какого-нибудь женишка подцепить, а через него столичной птахой заделаться... Я и попался... Сперва она у одной старухи, где угол сняла, сети свои развесила. Многие туда попадались — да всем вырваться удавалось. Значит не на роду им было это написано, не через этот угол магистральная линия их жизни проходила. А я как туда попал — так и влип. Глуп был, хотя и не молод. Так и оседлала меня эта ведьмочка, волю мою отняла и летит на мне. И прямо к ЗАГСу...

А вокруг всякая нечисть носится... Вон марсианка голая, зеленой чешуей покрытая, на нашем Сергее Федоровиче несется и лапой своей когтистой его по голому задку охаживает... А вон ренегат Салазкин на своей возлюбленной «Волгушке» курбеты выделяет... И все это лает, мычит, рычит и кликушествует... Да, славная свадьба получается, ничего не скажешь...

2. 28 июня. «День у меня сегодня занятный получился. Встал я не с той ноги и с невестой своей из-за сущей безделицы разругался. В ярость пришел я, но, гнев свой смиряя, на улицу выскочил. А внутри меня так все и клокочет. «На ком, — думаю, — зло выместить?»

И тут одна мысль блаженная пришла ко мне. «Батюшки мои, — говорю я себе, — а ведь есть у меня одно дело упущенное, по должку одному все еще не уплачено, а срок-то уже истекает. Как же я в ЗАГС пойду, если я это дело не сделаю?» И возблагодарил я творца за то, что все, что в этом мире ни делается, все к лучшему, и в той безделице, что в ярость меня привела, знак увидел, мне свыше ниспосланный.

И пришел я в это учреждение. А он там по коридору шастает. «Ваше чиновничество, — говорю я ему этак вежливенько, — разговор у меня к вам есть». — «Подождите!» — квакает эта чиновничья мразь и лицо свое жабье

улыбочкой сморщивает. Присел я в коридорчике. Жду. И никого. Ни души. Пусто. Ни одного свидетеля. Возликовал я и снова хвалу Творцу сквозь грязное учрежденческое окно вознес...

И вышел он. И присели мы к столику. «Что у вас ко мне?» — спрашивает. А я ему свое университетское удостоверение показываю. Доцент, мол. Не какой-нибудь безродный прохожий. И говорю ему вежливо: «Известно мне, что вы артисточку одну голодную и безработную в после рабочее время по делу якобы ее трудоустройства в свой кабинет заманили, а для чего, сами знаете»...

А он мне на это: «Вы пьяны!» — лепечет. А я говорю: «Подлец вы, ваше чиновничество! Подлец! И еще раз подлец!» И встал я. И он тоже поднялся. И тут выхватил я из своего портфеля плеточку, что давно в охотничьем магазине на Неглинной купил, и по морде его ею съездил. Пенсне так и покатилося. «Негодяй!» — шепотом завопило его чиновничество, пенсне подхватило и в кабинет свой юркнуло...

И пошел я, не торопясь, легко и свободно, как никогда еще не ходил... И было это самой счастливой минутой в моей жизни...

О, Справедливость! Счастлив тот, кто хотя бы единожды смог тебе послужить! Кто бы ты ни был, как бы ни сложилась жизнь твоя, жил ты не зря, и дело, тобой сделанное, не пропадет, а оставит свой след во Вселенной, где все преходяще, кроме Актов Справедливого Возмездия (АСВ)!

Выйдя на улицу, я позвонил Чекушке. «Спасибо! Спасибо! Спасибо! — сказала она мне. — Иди скорее домой!» Я повесил трубку. Моя миссия окончилась... И снова всё стало серым. Только что казавшийся веселым день раскололся. Налетел ветер. Я с трудом пробирался сквозь толпу, на меня отовсюду глядели измученные лица. О, эти толпы, гонимые вихрем заботы! Зачем вы?...

И наступил вечер. Я был один. Чекушка отправилась на репетицию. В дверь постучали. «Войдите!» — сказал я равнодушно, без тени тревоги, хотя никого и не ждал. Видно, утреннее происшествие лишило меня моей обычной тревожной бдительности. И вошел он. Он, чьим палачом я только что был. Кровавый рубец пролегал у него наискось через все лицо. Оно было строго и торжественно. И я понял, что теперь он, а не я, карающий меч — и страх, привычный подленький страх пополз во мне и остановился где-то в области живота.

«Пойдем!» — сказал он. И мы вышли. Выйдя на лестницу, мы пошли не вниз, а вверх. Мы шли и шли... Мимо нас мелькали все новые и новые этажи. Я знал, что в этом доме всего шесть этажей. Но в этот вечер их стало неизмеримо больше. Где-то приблизительно на сотом этаже я стал задыхаться, ноги мои дрожали, сердце стучало. «Идем!» — сказал он мне. Где-то на сто двадцатом этаже у меня появилось второе дыхание. «Идем!» — сказал уже я ему. «Мы пришли!» — ответил он все с тем же спокойным и немного торжественным выражением лица.

Мы вышли на балкон. Солнце уже село. Ветра не было. Небо было белесо и казалось громадным космическим киноэкраном. «Смотри!» — сказал он. И

я увидел. Я увидел всю свою жизнь, всё свое прошлое, настоящее и будущее. Но прошлое промелькнуло быстро и привычно, настоящее было как-то смазано, будущее промелькнуло также сперва очень быстро и невнятно, пока на громадном циферблате, который загорелся на небе с момента начала представления, не обозначилась цифра 1973.

И я увидел себя. Увидел, как я сижу на двенадцатом этаже в квартире Сергея Федоровича Ладушкина, а из окна открывается вид на Останкинскую телебашню и на целое море огней, а из кухни доносится запах жареной яичницы, и как я печатаю это. А потом стрелка пошла назад. И я увидел, как меня вызывают в суд по делу оболгавшей меня Чекушки — жены моей, и как меня вызывают в партком по тому же делу, и как она увозит из моей бедной комнаты все сколько-нибудь ценное со своим очередным сожителем... И, наконец, я увидел свою собачью свадьбу, ту, что должна быть через четыре с половиной суток. А потом стрелка перескочила в прошлое. «Смотри!» — сказал он мне. И я увидел, как пытается соблазнить она его в его кабинете, как расточает ему глупые комплименты, как морочит ему голову... «Смотри!» — сказал он мне. И я увидел, что я не меч в руках Господа, а слепое орудие дьявола, и что я несущу в мир не добро, а зло... «Ты видел?» — спросил он, торжествуя...

И это был уже не он, не тот жалкий чиновник, заведующий областными театрами, которого я отлупил на его же службе, а самый что ни на есть обыкновенный черт. Это было так неожиданно, что я рассмеялся. «Да, видел, — сказал я ему. — Ну и что из того? Можешь ли ты предложить мне что-нибудь лучшее?» И он смутился. На это, видимо, у него не было полномочий... И тогда я схватил его и выбросил со сто двадцатого этажа...

И проснулся. Пришла Чекушка. «Знаешь, — сказал я ей, — я только что видел во сне, как ты через три года будешь со своим сожителем выносить из моей комнаты холодильник «ЗИЛ» и магнитофон «Днепр-12»... «Ну, это еще не скоро, — хладнокровно отвечала она. — Ты лучше подумай, кого мы пригласим на нашу свадьбу».

И мы стали составлять список, а потом мастерить самодельные приглашения... День кончился...

3.29 июня. И настало утро. Позавтракав, я сел исправлять опечатки на наших наскоро отстуканных на старенькой «пишмашке» приглашениях.

«Уважаемый Сергей Федорович Ладушкин!» — прочитал я и задумался. Что общего у меня с этим человеком? Почему он вошел в мою горемычную жизнь? Я вспомнил, как в течение двадцати двух лет писал стишки, никому их не показывая, ибо я и сам понимал, что мои, прущие откуда-то из подсознания, вирши были не в духе времени, если у времени был какой-либо дух. Он в самом деле был, но очень тяжелый.

Но вот наступила «оттепель». И у многих закапало из носа. Не только незнающие жизнь юнцы, но и многие пожилые люди превратились вдруг в сопляков и возомнили, что без них история не обойдется. Вчерашние «премудрые пескари» обернулись вдруг «карасями-идеалистами»,

задирающими изумленных «щук» своими доморощенными свободолюбивыми речами.

В этой обстановке потепления ожили еще не у всех окончательно отбитые атаквистические наклонности, осужденные самой историей.

*Моя душа, поникшая, больная,
Немного начинает оживать
И шевелить побитыми крылами...
Я не скажу, что я свободен. Нет!
Но деспот мой — безликое Оно —
Чуть удлинить мою изволил привязь ненадолго...
И начинают чувства оживать...
Зашевелились мысли в голове,
Ушибленной о притолку режима...*

(3 мая 1965 года).

То тут, то там завелись всякие легальные и полулегальные сборища, все почему-то сплошь поэтические.

И я случайно был приведен на одно из таких сборищ, которым руководил Сергей Федорович Ладушкин, выдающий себя сразу и за великого поэта, и за научного сотрудника, пишущего диссертацию по эвристике. На самом же деле Ладушкин был поэтом-неудачником, каких много, он закончил с грехом пополам факультет журналистики МГУ (Московского государственного университета), но сбежал с места своего распределения на работу на целине. В Москве он проживал без своего жилья, прописки и работы. Средства к существованию он добывал главным образом путем мелких краж в магазинах самообслуживания, для чего завел в своем пальто дырявые карманы при прочно пришитой подкладке. Главная страсть Ладушкина — женщины. Природа наделила его крупной, хотя и не мужественной фигурой. Моя Чекушка возмущалась: «На нём пахать можно, а он стишками пробавляется и ко всем бабам пристаёт». Приставал Ладушкин и к Чекушке («у него нет ничего святого» - сказала мне много позже Чекушка), хотя и знал, что она моя невеста. А преуспел ли — не знаю.

Итак, Сергей Федорович Ладушкин, выдающий себя за университетского научного сотрудника, но с трудом выговаривающий слово «эвристика». Остальные приглашенные на мою свадьбу под стать ему. Таксисты, экскурсоводы, пианисты в цирковом училище, алиментчики, алкаши и прочие непризнанные гении, временами так и кишашие в моем полуподвале.

Он был выделен нам с Чекушкой ЖЭКом для работы с жэковскими детьми. Жить там нам было запрещено. Но один сердобольный жэковец шепнул нам: «Живите, но без признаков жизни!» И вот мы спим на столе, открываем дверь только на условленный стук, окна держим ночью и днем тщательно закрытыми черной бумагой. В случае тревоги вскакиваем со стола, прячем подушки и одеяло в два больших чемодана и делаем вид, что репетируем — жизнь без признаков жизни...

Я наскоро исправляю остальные приглашения, пририсовываю разные завитушки и закорючки и рассовываю их по конвертам...

Возвращается с утренней репетиции Чекушка. Мы наскоро обедаем и едем к Сергею Федоровичу на Калибровскую, где он снимал жилплощадь.

Да, в недобрый час прибыли мы к Ладушкину! Уже на лестнице мы слышали какие-то крики, потом визг, и мимо нас пронеслась полураздетая ладушкинская марсианка, а вслед за ней пролетел веник. Изумленные и напуганные, поднялись мы еще на один этаж. Дверь квартиры Ладушкина была отворена. Оттуда с десятисекундными интервалами вылетали разрозненные части женского и мужского туалета: грязный лифчик, красные заляпанные плавки, прожженные во многих местах брюки, стоптанный ботинок, потом пошли какие-то засаленные рукописи. «Марсианка бродит по Арбату» — роман Ладушкина, не принимаемый никаким издательством» — догадался я. Заглянув в дверь, я увидел некую фурию с перекошенным от злобы лицом, дубастившую нашего руководителя «КИВИ» (так называлось литобъединение, которым руководил Ладушкин, что означало «Клуб искателей вечных истин»), вторым его ботинком, не менее стоптанным, чем первый, вылетевший на лестницу, отчего еле державшаяся подошва этого второго ботинка оторвалась и, описав дугу, унеслась в открытое окно. Ладушкин в рваных трусах мужественно подставлял фурии свои широкие плечи. Выше фурия достать не могла. «Сергей Федорович! — сказала не растерявшаяся Чекушка. — Мы и милиции. Что у вас здесь происходит?» Слово «милиция» отрезвила фурию. Отбросив ботинок, она стала рассказывать, что сдала квартиру порядочному, как ей показалось, доценту МГУ, а он привел ничейную жену и денег за квартиру не платит. Чекушка достала блокнот и стала записывать. «Хорошо, — сказала она, — мы разберемся. Ну и вы, гражданочка, должны пойти с нами в отделение, потому что никому не позволено покушаться на личность ее же ботинком». Фурия тут же скинула и, что-то бормоча, исчезла.

Постепенно все успокоились. Подобрав на лестнице брюки, Ладушкин спустился вниз и привел со двора рыдающую марсианку.

4.30 июня. День прошел незаметно, во всяких мелких заботах. А вечером мы пошли в гости к профессору Черепенникову...

Время катилось к полуночи... Ах, зачем я пришел сюда? Один еврей как-то сказал мне, что он хочет уехать в Израиль, ибо в России он чувствует свою якобы не признанность. А куда уехать мне? Где то место, где бы я чувствовал себя человеком? Поэтому и нужна мне Чекушка. Она всегда весела и внешне беззаботна, несмотря на свои многочисленные дела, большая часть которых от меня скрыта. Скрытность — ее отличительная черта, умело спрятанная за поверхностной компанейностью...

Тут я вздрогнул. А где же Чекушка? В большой профессорской комнате — в квартире Черепенникова было три комнаты, в двух меньших жили его бывшие жены, провинциалки, которые по очереди соблазнили этого старого дурня ради московской прописки и оттяпали у него по куску квартиры, — то есть в ранее пустовавшей гостиной, где жил теперь сам профессор со своей

третьей женой-провинциалкой, дым стоял коромыслом. Все три жены профессора отплясывали с его аспирантами. Чекушки в «профессорской» не было. Неловко протискиваясь сквозь танцующие пары, я вышел в коридор, где тут же вспугнул какую-то парочку. Не было ее ни на кухне, ни в ванной, ни в туалете. Набравшись смелости, я заглянул в одну, потом в другую малую комнату, но ничего, кроме перебравшихся туда из «профессорской» бывших профессорских жен с его нынешними аспирантами, не увидел.

Вернувшись в большую комнату и снова пробившись сквозь потные тела нелепо двигающихся пар, я выскочил в лоджию. Вот ты где, Чекушка! С моим студентом, неизвестно как здесь оказавшимся. Очевидно, он залез сюда прямо с улицы (квартира Черепенникова располагалась на первом этаже). «Привет, Леня!» — сказал я моему студенту с деланным равнодушием. Леня — студент-вечерник (учится на вечернем отделении, днем где-то работая), в прошлом художник. После того как он нечаянно въехал на мотороллере головой в стенку, он почувствовал непреодолимую любовь к философии и поступил на мой философский факультет. И как-то незаметно втерся в мой дом (если можно назвать домом полуподвал, где я живу без признаков жизни). Он, хотя и был на пятнадцать лет моложе меня и ровесником Чекушки, держался со мной на равных. А мне импонировало это мое мнимое равенство с молодежью. «Как ты здесь оказался?» — спросил я его. «Привет, Арсений, — ответил он мне ласково, — шел вот мимо и вижу стоит твоя невеста, дай, думаю, поболтаю». — «Ну заходи уж и в комнату! — великодушно сказал я. — Потанцуйте! Сам-то я, знаешь, в этом деле не мастер...» Ничуть не смутившись, Чекушка тут же втащила Леню в «профессорскую» и пустилась с ним в пляс... Шум... Гам... Дым...

А время катилось к полуночи...

И тут я вспомнил, что сегодня день рождения Гераклита, одного из тех великих, на алтарь которых принесена моя жизнь. Ах, эти великие! Нет, люди делятся не на богатых и бедных, не на знатных и простолюдинов, не на господ и рабов... Они делятся на великих и малых. О, как неуютно нам, малым, жить на этом многовершинном хребте, протянувшимся от Еврипида до Эйнштейна, от Гомера до Горького!

И среди этих вершин одиноко и угрюмо стоит одна вершина, покрытая вечным снегом и льдом, — Гераклит... А мы, маленькие люди, имя которым тьма, карабкаемся по этим негостеприимным склонам, разбиваем там и сям свои палатки, тут же срываемые вихрями времени, и падаем в Лету. Имя нам — Мириад! О, Гераклит! Прошло почти двадцать пять веков после твоей кончины, миллионы и миллионы ушли в небытие, а ты стоишь и будешь стоять пока длится род человеческий, то есть практически вечно.

Но полно! Стоишь ли ты? Кто о тебе здесь знает? И тут дикая мысль появилась во мне: а что если спросить этих бабочек-однодневок, знакомо ли им хотя бы имя Гераклита? И, может быть, хоть в этом подняться над ними?

Воспользовавшись минутной паузой, вызванной тем, что Чекушка и Леня, повалились на проигрыватель, и музыка, взвизгнув, оборвалась, я, недолго думая, залез на стул и начал: «Люди, — воскликнул я, — знаете ли

вы, что сегодня день рождения Гераклита? Что ему сегодня исполняется две тысячи пятьсот лет?» Все уставились на меня с недоумением. И опять первой нашлась Чекушка. «Ах, как много! — воскликнула она восторженно. — За это время он мог бы всех провинциалок сделать москвичками». Нужно сказать, что Чекушка не скрывала, что во что бы то ни стало желает получить московское гражданство, потому что, как она однажды выразилась, в Москве всегда есть колбаса. Реплика Чекушки придала мне бодрости. «Признак мудрости согласиться, не мне, но Логосу внемля, — продолжал я, — что на вас, веселящихся здесь, набегают все новые и новые воды, и вы не можете дважды войти в одну и ту же реку и дважды прикоснуться к одной и той же сущности, например, — спохватился я, вспомнив, что мое назначение быть популяризатором, — к одной и той же женщине».

При этих словах я заметил, как Черепенников дважды погладил ладушкину марсианку по спине и, убедившись, что она все та же, успокоился. «Людам не стало бы лучше, — продолжал я, заметив, как Ленька пожирает глазами Чекушку, а Черепенников — марсианку, — если бы все их желания сбылись, ибо желания сердца ценою души покупаются, а наше счастье — счастье быков, когда они находят горох для еды, счастье ослов, которые солому предпочитают золоту».

«Ну это уже слишком!» — завопила вдруг почему-то обидевшаяся хозяйка — текущая профессорша. Бросившись ко мне, она ловко выбила из-под меня стул. Падая, я ухватился за Черепенникова, и мы оба грохнулись на пол. На нас навалился канделябр со свечами, которые тогда были модными вместо электричества. При падении канделябра одна свеча отлетела и угодила марсианке за пазуху. На ней было наполовину обнажавшее ее марсианско-мордовские груди платье, которое она заняла на вечер у своей пышнотелой подруги. Марсианка завизжала. Я же, лежа на полу под навалившимся на меня профессором, пришибленным пудовым канделябром, купленным по случаю, продолжал: «Следует знать, что борьба всеобща и справедливость в распре и что все рождается через распрю и по необходимости и что грядущий огонь все обоймет и всех рассудит». Последние слова Гераклита оказались пророческими. Визжащая марсианка задымилась. Ладушкин, не долго думая, сорвал с нее платье и бросил в угол, где оно упало на опрокинутую канделябром бутылку крепчайшего первача, которую привез накануне родственник Черепенникова из деревни (профессор был крестьянского происхождения). Самогон загорелся синим пламенем. Все бросились вон. Одна Чекушка не растерялась. Схватив профессорское одеяло, она ловко набросила его на горящую лужу, отбросила канделябр, стащила с меня профессора и помогла мне подняться. «Вот к чему приводит твоя философия!» — сказала она хладнокровно. «Для Бога все прекрасно, хорошо и справедливо, а люди одно принимают за справедливое, а другое — за несправедливое», — продолжал я цитировать Гераклита, так как никак не мог остановиться.

Чекушка подвела меня к зеркалу. Моя рябая физиономия была перепачкана смесью пепла и самогона, один глаз был подбит, нос

кровоточил. «Но и прекраснейшая из обезьян безобразна», — продолжал я, показывая на Чекушку. Чекушка не успела ответить. Ударившая из окна струя воды снова сбила меня с ног. Кто-то из перепуганных гостей вызвал пожарников, и они, не долго думая, пустили в профессорскую комнату через открытую дверь лоджии мощную струю воды. «Земля живет воды смертью» — продолжал я цитировать Гераклита, выползая вместе с Чекушкой из комнаты и выплевывая изо рта кусок земли — стоявший на подоконнике горшок с фикусом раскололся и содержащаяся в нем земля разлетелась по комнате...

Так закончился вечер у профессора Черепенникова...

4.1. июля. Сегодня, вернувшись в свой полуподвал после лекции в университете, я обнаружил на полу брошенную в чуть приоткрытую форточку записку: «Арсений Тихонович! Вам привет от Вовы. Нам надо встретиться и подумать, как его оттуда вызволить. Ирочка Ахинеева».

Ах, Вовка! Вовка! Помню, как я тебя впервые увидел. Пришел я как-то на работу, на свой философский факультет. Вдруг созывают всех парторгов для информации. А я в те годы как раз парторгом своей кафедры был. Оказывается, на доске объявлений факультета, при входе, обнаружена записка, где сказано, что завтра, 14 апреля, в день самоубийства Владимира Маяковского, в два часа дня у его памятника на одноименной площади состоится выступление представителей левого искусства. И подпись: СМОГ. «Вы все, — сказал секретарь партийной организации факультета, — должны не допустить, чтобы кто-либо туда пошел». Я был парторгом кафедры. Я знал, что у нас никто не знает об этом объявлении, а если бы и знали — не пойдут. Народ серьезный, целиком погруженный в критику современной буржуазной философии. Это я один полностью ушел в древность, стал, так сказать, внутренним эмигрантом (в качестве такого я буду представлен в сентябре 1991 году в телевизионной передаче, посвященной прошедшему в августе в Москве Конгрессу соотечественников). Никому ничего не сказав, чтобы не ходили, я пошел сам.

И там, около того идола «талантливейшего поэта нашего времени» (Иосиф Сталин), я увидел небольшую толпу, которая угрюмо и настороженно слушала какого-то юнца, читавшего какие-то занудные вирши. А потом выступал со своими не менее занудными стихами другой — розовощекий юноша. Это и был, как я потом узнал, Вовка, Владимир. Прочитав свои вирши, он развернул какой-то большой свиток. И зачитал по нему то, что он сам назвал «Манифестом левого искусства». А потом он сказал: «А теперь, кто не трус, идемте с нами бить Грибачева!»

{Справка: «Грибачев Ник. Матв. (р. 1910), рус., сов. Писатель, обществ. Деятель, Герой Соц. Труда (1974). Чл. КПСС с 1943. Литературно-публицистич. Поэзия (сб. «По дорогам войны», 1945, «...И песня звезд», 1979; поэмы «Колхоз «Большевик», 1947, «Весна в «Победе», 1948). Рассказы и пов. (сб. «Здравствуй, комбат!», 1970). Лит. Критика, публицистика. Гл. ред. Ж. «Советский Союз» (с 1950). Гос. Пр. СССР (то есть Сталинские премии, стыдливо, после «развенчания» «культы личности» Сталина,

переименованные в Государственные — А. Пр.) (1948, 1949). *Источник: «Советский энциклопедический словарь», 1987. С.341*}).

Потом, через четверть века, в годы «горбачевки» — третьей «оттепели» после «ленинки» (НЭП) и «хрущевки» — я, собираясь рассказывать об этом эпизоде в клубе МГУ на улице Герцена на вечере, посвященном СМОГУ, буду бояться как бы вместо «Грибачева» не сказать «Горбачева», что я и сделал, ляпнув на весь зал: «А потом он сказал: «А теперь, кто не трус, идемте с нами бить Горбачева!», вызвав неожиданные для себя аплодисменты, после чего я извинился за оговорку.

{Справка: «Горбачев Михаил Сергеевич (р. 2.3.1931). Генеральный секретарь ЦК КПСС с марта 1985, пред. Советы обороны СССР. Член КПСС с 1952... М.С. Горбачев — выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства...» (источник тот же. С.324)}. Да, действительно выдающийся! Ликвидировал и КПСС и СССР! Первую прямо, а второй был ликвидирован с его подачи!.. Но тогда, когда я так оплошал, призвав бить Горбачева, он все еще был «выдающимся деятелем»! Но сошло! Если бы я такое проделал со Сталиным, то тут же был бы репрессирован!}

Итак, Вовка сказал: «А теперь, кто не трус, идемте с нами бить Грибачева!» И толпа медленно двинулась по Садовому кольцу в сторону Площади Восстания, перейдя для этого на правый от себя тротуар. Я замешкался, ожидая одну знакомую. Как только она появилась, мы, чтобы догнать тихое шествие, сели в попутный троллейбус. Он обогнал идущих бить Грибачева. Из окна троллейбуса я увидел, что шествующие несут какой-то лозунг. Затем троллейбус застрял на каком-то светофоре, шествие снова обогнало нас и ушло вперед. И когда мы выскочили из троллейбуса, то я увидел на асфальте лишь обрывки этого лозунга. Ведь вся эта демонстрация частично состояла из втершихся в ее ряды агентов КГБ. Они-то и вырвали, и разорвали этот лозунг, совершенно, казалось бы, невинный, но для тех времен страшный, потрясающий все основы: «Свободу левому искусству!» (О содержании этого лозунга я узнал много позднее). Шли к ЦДЛ (Центральный дом литераторов), что на улице Чехова. Чтобы попасть туда, идущая по правому тротуару толпа должна была перейти налево через Садовое кольцо. И мы настолько от нее отстали, что видели это шествие издали. И я как сейчас вижу эту угрюмую массу, пересекающую широкое, полное автотранспорта, Садовое кольцо — основную окружную автомагистраль центральной части Москвы. Когда мы догнали это шествие, то оно уже сгрудилось перед ЦДЛ. Пробовали открыть тяжелую дверь. Но ее предусмотрительно заперли. Толпа перегородила неширокую улицу. Движение транспорта остановилось! На балкон какого-то посольства, что напротив ЦДЛ, вышли любопытные иностранцы. Еще бы! В те времена увидеть такое вольное сборище (тем более, что «хрущевка» уже закончилась, ведь это было 14 апреля 1965 года, уже с полгода как началась брежневщина, впрочем хрущевская оттепель закончилась много раньше, ее прикончил сам Никита, утвердившись на троне и испугавшись последствий своих же реформ

) было так же трудно и любопытно, как «плачущего большевика» («Еще бы! Такое не увидишь и в века!» — Владимир Маяковский).

Никто не знал, что делать дальше. Кто-то предложил читать далее стихи. Пытались. Не пошло. Пауза. Затем в плотной толпе началось какое-то волнообразное движение. И вот я, стоящий на другой стороне улицы, вижу, как из толпы стремительно вырывается машина, а в ней между двумя верзилами сидит тот самый розовощекий юноша. Вовка. Опричники затащили его в машину.

Они это ловко умели делать. Я тут же увидел, как они это делают. Рядом со мной оказался какой-то юноша. Вдруг к нам подлетела черная «Волга». Дверь отворилась. Оставшийся в машине опричник, стремительно открыв дверцу, схватил юношу за руку, второй же, выскочив из машины с другой стороны и обежав машину, нагнул юноше голову — и тот не менее стремительно оказался затащенным в машину. Тот, кто тянул его за руку, подвинулся, а тот, кто нагибал юноше голову, сел в машину уже с нашей стороны. Юноша, когда на него набросились, удивленно воскликнул: «За что?» — «Ты нам мешал!» — был ответ...

{ Да, веселые времена были! Былинные! 14 апреля 1965 года. Прошло четверть века. Четверть века застоя. Началась «перестройка». И вот 22 июня 1989 года я вышел напротив Китайского посольства в Москве на митинг и поднял над головой небольшую картонку: «Антитоталитарии всех стран, соединяйтесь!» Скажу прямо: держать мне ее было тяжело, мне казалось, что она чугунная! Недолго для первого раза я ее продержал! Страшно было... А потом к картонке побольше с тем же лозунгом приделал палку от старой швабры и ходил раз десять и на митинг, и на демонстрацию, даже по Красной площади, однажды даже с золотистым знаменем антитоталитариев, перечеркнутым черными полосами тоталитаризма, — и ничего! А тогда, в 1965! Однако и деньги тогда что-то стоили. На десятку можно было целый пир устроить: пол-литра водки, килограмм колбасы, килограмм сыру, килограмм апельсин или яблок, буханку черного, батон белого хлеба... Соленые помидоры, огурцы... Да, времена были сказочные! Духу сейчас свободнее. Свободнее для... Для самовыражения... Стихи уже за батарею центрального отопления прятать на приходится. Наивно, конечно. Они все находили. В последние годы даже экстрасенсов использовали... Плоти тоже, к сожалению уже, свободнее. Свободнее от... От пищи, от одежды... Не огорчайся, мой друг! Горю тоской не поможешь. Как она есть, принимай жизнь и судьбу не гневи! Плохо тебе, говоришь... Но может быть хуже. Предала Бедам никто не нашел. Значат есть в бедах добро!

(6 апреля 1963 года) }

Я постоял-постоял — и пошел своей дорогой. Да, думал я, есть же герои! А я?

И вот, когда меня привели в литобъединение Ладушкина, и я там увидел этого героического розовощекого юношу — Вовку, Владимира Б. Тогда его отпустили... А позднее выслали в Сибирь, в Красноярский край как тунеядца (он сам это описал в своих «Записках тунеядца»).

А пока что у меня в руках эта записка от Ирочки Ахинеевой! Помочь вернуться! Ничего себе! Чем я могу помочь? Я сам всех боюсь!

Все это я припоминал, прибирая подвал для свадьбы. Подметая вторую комнату, я стал думать о Чекушке. Ее коллеги-актеры дружески прозвали Чекушкой, потому что ее рост в один метр сорок девять сантиметров, если перевести метр в рубль, а сантиметры — в копейки, равнялся в те счастливые времена стоимости четвертинки (четверти литра) водки.

И настал вечер. Чекушки все не было. Наконец, она пришла с огромным букетом цветов. Ей его преподнесли после спектакля «Аленький цветочек», где Чекушка играла главную роль — роль Аленушки (Чекушка была травести и играла в детских театрах).

5.2 июля. И настало утро. Я включил радио — и вдруг: «У нас в общежитии свадьба!» (песня такая была). Вот те раз! Совпадение! Свадьба... А зачем она мне?

Знал ли тот законодатель, который придумал прописку в Москве по браку, какую страшную мину он в самую суть любви закладывает? Раньше тоже женились и выходили замуж по расчету — из-за богатства. А теперь из-за колбасы. Чекушка любит колбасу, а меня не любит. И поэтому я должен на ней жениться. А то она страшно обидится. А мне ее жалко. Моя провинциалка и не скрывает, что, если бы колбаса была не столичным, а общесоюзным явлением (*теперь Союза уже нет, как снег на голову упал нам СНГ — «Снег»*), то она никогда бы со мной не расписалась. «Так бы любила!» — ехидно добавляла она при этом.

Ах, Чекушка! Чекушка! Знаешь ли ты, что такое любовь? Это, как якобы сказал один русский мыслитель, которого мы «не проходили» ни в школе, ни в университете, сладострастие + сострадание. Это, как сказал я, жалость + страсть:

*Да, нет любви из жалости!
Но нет любви без жалости!
А если нет в ней жалости —
То это просто шалости!*

Вот сострадания и жалости Чекушке-то и не хватает. Да и страсти, по крайней мере ко мне, нет.

А я? Зачем мне все это? Видимо, я должен все испытать, чтобы свои последующие муки в вирши воплотить. «Быть может все в жизни лишь средство для быстротекущих стихов!» — сказал какой-то поэт. Нет, не может быть, а точно так оно и есть! А так как на стихоплетство меня только отрицательные эмоции вдохновляют, то я и выбрал себе брак с Чекушкой. Что может быть хуже?

Ну ладно! Зафилософствовался... Пора и на казнь. В ЗАГС. Чекушка туда самостоятельно после спектакля подъедет. Приглашение в ЗАГС. Приглашение на казнь. Совершилось... У нас это быстро делается. Ладушкин с марсианкой — свидетели...

В полуподвал вернулись...

С полуподвале у нас две комнаты были. Дом старый, добротный, каменный. Не то что эти бетонки. Я в них заболела. Дореволюционный. С черным ходом. Для прислуги. С этого черного хода мы и заходили. Как войдешь в черный подъезд, так сразу какая-то застарелая, дореволюционная еще, вонь в нос ударяет. Темно. И в этой темноте надо еще вниз по лестнице спуститься. В преисподнюю. Там дверь нащупываешь. Открываешь. Там слабая лампочка чуть-чуть тлеет. Три двери. Направо в жэковскую мастерскую. Налево в туалет. Прямо — дверь железом обитая. Это к нам. Стучим условно: та-та, та-та-та. Открывают. Какходишь, так снова тяжелым запахом в нос ударяет — на этот раз красками. Левую сторону полуподвала занимает мастерская жэковского художника. А направо — к нам еще одна дверь. Там комната с водопроводным краном, но без стока. Две газовые плиты. И еще дверь во внутреннюю комнату. В обеих комнатах по окошечку под потолком. А там ноги прохожих виднеются. Да не увидишь и ноги. Стекла черной бумагой заделаны. Живем ведь без признаков жизни.

Народу уже немало собралось. Ладушкин с марсианкой с нами пришли. Светочка-циркачка. И другие. Посчитали — тринадцать человек оказалось. Ладушкин, даром, что эвристик, суеверен. На улицу выбежал и какую-то прохожую сагитировал. Пришла ненадолго. Врачом-гинекологом оказалась. Телефон оставила.

Там орут, пьют, танцуют... А я в проходной комнате вещи собираю. Укладываюсь. Через два часа поезд. В Омск. На родину Чекушки. Свадебное путешествие. А еще ничего не собрано...

Вдруг дверь распахивается — и ко мне Холин с Ковдой вылетают. Глаза у обоих кровью налитые. Оказывается, Холин у ковдиной жены все юбку задирает. Дерутся. Поэты. Настоящие. Печатаются. Не то, что я. Тела так через меня и летают и в газовые плиты шмякаются... Надоело мне. Мешают. Взял Холина за шиворот и вышвырнул... Ладушкин с марсианкой ушли. В кино что ли? Чекушка провожать пошла. Вскоре прибегает. Оказывается изгнанный мною Холин вывеску «Товарищеский суд» во дворе отдирает. Чекушка подошла, урезонивать стала. А он на нее набросился. Сексуально. Платье все подвенечное разорвал. Вышел я. Дал ему в морду. Свалился... Назад вернулся... Присели. Молчим. На стену смотрим. А на стене большими буквами Ладушкиным написано:

*В этом мире, голубом и розовом,
Ломаю ветви барбариса.
Призвание мужчины быть философом.
Призвание женщины — актриса.
Но этот век, век — ветреник, век — висельник,*

*Давно смешал все правила игры:
Мужчины, как актрисы, легкомысленны,
А бабы, как философы, мудры...*

Осень 1973 года. Москва. Старое шоссе с добавлениями
23 и 24 января 1992 года

ЛЮБОВЬ

/назидательный рассказ/

Друскининкай, 01.09.1981 года

*«Истинная любовь есть утверждение лика любимого,
его неповторимой индивидуальности».*

Николай Бердяев

*«Здесь полны вечера тишиною.
А метель колобродит опять.
Я, отвыкший от счастья, женою
Начинаю тебя называть.»*

*Лишь такое богатство бессметно.
Не измерить его и не счесть.
Потому, что ты так незаметна,
Понимаю я то, что ты есть»*

Леонид Хаустов

*«Я боюсь, что я для тебя становлюсь как воздух:
жить без него нельзя, а его не замечаешь,
Разве не правда? Ты говоришь,
что это-то и есть самая большая любовь.
А мне кажется, что это значит,
что тебе одной меня мало».*

Иван Бунин. Жизнь Арсеньева.

*«Беспомощный, откровенный,
Он рядом со мной происходит
И каждой своей переменной
Сквозь сердце мое проходит».*

Зинаида Палванова

1

Этим летом рухнула моя семья. Да и не могла она не рухнуть: то, что основано на притворстве и лжи, не может быть прочным. После одного случайного пятиминутного разговора по телефону я с ужасом увидел, что потерял всё: и жену, и детей, и квартиру (пусть эта прозаическая деталь вас не смущает — в наши времена это, увы, так существенно, а я всю свою жизнь мыкался в тисках жилищного кризиса, и кто-кто, а я-то уж знаю, что это такое). Я потерял надежду на спокойную жизнь со своими маленькими детьми. Я утратил надежду на самое главное для себя — на возможность спокойно работать — а всю свою жизнь я никогда возможности в полную силу работать из-за постоянного бытового и семейного дискомфорта не имел. Погибла надежда и на позднее горькое счастье. Увы!

И был я как безумный, жил на снотворных и успокоительных таблетках, за день выкуривал пачку сигарет, надоедал чужим людям со своим горем, ища у них того, чего они, заведомо, не могли мне дать. И дошел я, наконец, до того, что, будучи всю свою жизнь человеком неверующим, упал в православный церкви на колени и стал просить Бога смягчить мне душу и дать силы собрать осколки того, что разлетелось, и воссоздать из них снова одно целое, дабы детей своих по крайней мере спасти. И пошел я к своему старому знакомому девяностолетнему католику и к его снохе баптистке и просил их мою беду рассудить. И говорили они мне, что я ради своих детей должен всем пожертвовать, все вынести и все стерпеть. И убедили они меня как будто, и ушел я от них с миром, но, пока я шел, все вдруг снова перевернулось во мне, и понял я весь вред этой морали всепрощения, терпения и непротивления злу.

И снова ужас объял меня. И ужаснулся я той бездне, по краю которой, как понял я, мне еще долго-долго придется идти. Нет, сказал я себе, это еще не самое страшное все вокруг себя потерять, самое страшное — себя потерять. Если я себя потеряю, то и детям, и людям я уже не нужен буду. И если уж так вопрос встал: себя потерять или вокруг себя все потерять, то лучше потерять вокруг себя все, но себя сохранить, то есть сохранить в себе последние остатки самоуважения, а «остатки» потому, что, живя со своей женой, я уже давно много утратил в себе, так что вопрос на самом деле надо по-другому поставить: или вокруг себя все потерять, или себя найти.

И не мог я никак для себя этот вопрос решить. И жить мне больше уже не хотелось. Смерти желал я.

А свою жену мысленно я всячески обзывал, и в душе моей все перемешалось: и ненависть, и любовь, и то одно, то другое верх брало. И в этом борении моя душа изнемогать стала. То злоба душила меня, то шептал я ей про себя самые нежные, самые лучшие слова в мире, мысленно к ней обращаясь, которые при жизни почему-то никогда ей не говорил.

Но знал я, что опоздал, что раньше все это надо было ей говорить. И снова злоба овладевала мною.

Вот так моя душа в полном смятении пребывала. Как корова, пережевывал и пережевывал я всю ту же горькую жвачку. И вспомнил я, что все, что со мной случилось, я давным-давно всем своим сердцем чувствовал.

Но теперь-то я уже не чувствовал, а знал. Не мог я теперь, как раньше, сказать себе, что я, хотя и чувствую, ничего не знаю. Если Сократ говорил: «Я знаю, что ничего не знаю», то я, некий антисократишка, твердил себе, что «я не знаю того, что я знаю», но убедить себя в этом никак не мог.

Тьма все сгущалась, и мне становилось все хуже и хуже. Чувствовал я, что стою на краю бездны безумия, и отступить мне некуда.

2

И тут наступил перелом. Постепенно из обманутого сравнительно молодой женщиной пожилого осмеянного мужа начал я становиться снова

философом. Прежде всего я понял, что сам во всем виноват, потому что знал, что эта женщина меня не любит, а тем не менее свою жизнь с нею связал и детей наплодил, и что наша жизнь с нею с ее стороны, по крайней мере, не была любовью, и что в таком случае и ждать ничего хорошего нельзя было, и все мои надежды на песке покоились.

Но что же такое любовь? И так пошел я от своего частного и мало кому, разве только сплетникам, интересного случая к общему, к тому, что для многих, а не только для меня одного, интерес представляет.

И так постепенно стал во мне философ побеждать обыденного человека. Но открыл-то я то, что давно известно было. Но все-таки, подумал я, кому-нибудь и мои запоздалые размышления пригодиться могут.

Так что же такое любовь? Что ни говори, но в основе любви лежит чувственное наслаждение. Без этого наслаждения нет и любви. Но в основе блуда также лежит чувственное наслаждение. Чем же тогда любовь от блуда отличается?

Конечно, здесь сразу такой ответ напрашивается: любовь — это не только чувственное наслаждение, не только слияние тел, но и слияние душ. В любви не два животных, а две полноценные личности сходятся, а личность так же неповторима, как и отпечаток ее пальцев. Глядишь, непонятно, почему А любит Н, а не М, тогда как на посторонний взгляд Н почти ничем от М не отличается. Никакой существенной разницы между Н и М вроде бы и нет, а вот А увидело и своей любовью к Н оно это Н личностью сделало, из общей массы выделило, и стало это Н ни на кого непохожим, особым, неповторимым. Вот что любовь делает! И само А через свою любовь к Н личностью стало.

Любовь, иначе говоря, означает незаменимость. И какие бы жизненные невзгоды, какие бы препятствия и соблазны не вставали бы между А и Н, они свою любовь через всю жизнь пронесут, потому что один для другого незаменим.

Любимая женщина — это не просто одна из женщин, это Женщина, весь женский род в ней одной сосредоточился, в ее конкретности воплотился. Снялась дурная бесконечность в отношениях между полами.

А блуд? При блуде мужчина и женщина заменимы. Что тот солдат, что этот. Конечно, душа уже здесь не причем, души нет, души здесь уже никак слиться не могут, и люди, даже если они до этого имели возможность стать личностями, становятся животными.

«Но что мне до этого? — скажет блудник. — Плевать мне на душу, тело для меня главное, а в своей любви к одной я никогда столько чувственного наслаждения не получу, как в совокуплении со многими, с разными».

Но как горько он, блудник, здесь ошибается! Отвлечемся от души, от семьи, от детей, которые ведь больше всего от блуда родителей страдают, от общества, от всего высшего и опустимся на заданный нам блудником уровень — на уровень чисто плотского наслаждения. И как ошибаются здесь блудники! Они просто или не испытали, что такое любовь даже на самом низшем, чувственном, уровне, или забыли. Одно прикосновение к любимой

женщине дает больше чувственного наслаждения, чем соитие с дюжиной более, может быть, молодых и красивых, но не любящих и нелюбимых женщин.

Вот в этом и главное, конечно на заданном нам блудником уровне, различие между любовью и блудом. Вот здесь-то мы погрязшего в чувственности и о высшем забывшего блудника побьем его же оружием!

Бедные, несчастные вы люди, погрязшие в блуде! Думаете, что наслаждаетесь жизнью, а сами-то, лишены настоящего наслаждения, пытаетесь качество компенсировать количеством, но никогда здесь количество не переходит в качество, разве если только вы в своем блуде сосредоточитесь все же на одном человеке, и вот тогда из грязи может вдруг цветок вырасти и блуд в любовь обратиться. И такая любовь, которая снизу вверх пошла, может иногда даже стать сильнее любви, пошедшей сверху вниз. И сказал поэт об этом так:

*«Любовь, возникшая из блуда,
сильней бывает во сто крат,
любви, которую как чудо,
ниспосылает первый взгляд».*

И тогда два животных в себе людей узнают и личностями друг для друга становятся.

Но редка, ох, как редка стала теперь настоящая любовь! А там более взаимная. Как часто не любящее с любящим живет, и, не любя, оно отсутствие у себя качества любви количеством блуда восполнить пытается. О, как горька тогда судьба любящего! А если еще и дети здесь замешаны?

3

И опять ужас мою душу охватил и снова смерти возжаждал я. И я снова из философа в обыденного человека обратился. Сверзьясь я с высоты философии в мерзость обыденщины. Что же мне все-таки делать? Как жить буду? Куда пойду?

Если бы я знал, что эта женщина другого полюбила и что он ее полюбил, что она со мной как мужем без любви е жила по слабости своей, то больно мне было бы, но по-человечески, а не по-скотски больно. И смирил бы я гордыню свою и пошел бы им навстречу. Разве они виноваты в том, что полюбили друг друга? Что его любовь мою переборола? Но если это только блудт и если, что хуже всего, она там, начав с одного, по рукам далее пошла, то нет уже никаких сил вынести это, потому что уже не столь за себя, сколько за нее обидно.

И опять я себя винить должен. Значит и моя любовь не настоящая была, не смог я ее любовь к себе пробудить. А разве мог я ее пробудить, когда, чувствуя, что она не любит меня, не стал за нее бороться, а сам в блуд ударился, успокоив свою совесть словами:

*«Я тебе изменяю, потому что люблю,
и твою нелюбовь я в изменах топлю,
а иначе, иначе как вынести мне
эту муку — постылым быть любимой жене?»*

И тогда предпоследнее горе на душу мою опустилось. И один я в пропасти. И ничего я сам сделать не могу. И зову я ту, которая бы и меня, пробудив во мне любовь любовью своею, из этой пропасти вызволила. Но нет ее. И никогда не будет. Прошла жизнь моя.

И тогда уже самое последнее горе овладевает мною. И умираю я. Но жив я еще. И все равно мне: жив я или мертв. И в таком состоянии долго-долго я пребываю.

Но, наконец, и на мою душу свет нисходит. И начинаю понимать я, что и другие, кроме любви, в жизни радости есть и что это и есть самые настоящие радости: накормить голодного, приласкать ребенка, утешить обиженного, ободрить униженного, защитить слабого, навестить больного, облегчить душу умирающему, сказать теплое слово любому человеку...

И я уже не в пропасти. И снова радость, настоящая радость наполняет мое сердце.

*Говорят, нет ни рая, ни ада,
Нет высокой и низкой души,
И равна наказанью награда,
Так что делать добро не спеши.*

*Никогда я тому не поверю,
Что творящие зло не грешат.
Зло всегда означает потерю,
А потеря души — тот же ад!*

17.01.1982. Москва

ПЕРЕЧИТАВ,
ХОХОЧУ Я ДО СЛЕЗ:
КАК МОГ ПРИНИМАТЬ
Я ВСЁ ЭТО ВСЕРЬЁЗ?

03.11.2001

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕЛОЧИ

1. ВПЕЧАТЛИТЕЛЬНОСТЬ

Если поглядеть на меня со стороны, то я воплощённое благополучие. Я ещё не стар, выгляжу даже моложе своих лет. Здоровье моё довольно сносное, во всяком случае у меня ещё не обнаружили смертельную болезнь (хотя, конечно, сама жизнь — смертельная болезнь). Я занимаю подходящее моему духовному складу положение в обществе и в общем люблю свою работу. Кроме того я умею писать стихи, в которых я могу как-то выразить свои переживания и своё отношение к действительности. Я не совсем безъязычен, а это большая удача.

Но почему же я так несчастлив? Чего я хочу? Что я такое? Как мне разобраться в хаосе моих чувств и переживаний? Как узнать самого себя? Некоторые думают, что они меня знают. Как бы я хотел быть в их числе! Почему болит моя душа? Почему даже редкая удача не радует меня, а ввергает в состояние ещё большей неудовлетворённости и сожаления? Как, когда и где я ошибся? Разошёлся с самим собой? Изменил себе?

Иногда я пробовал обращаться к чужой мудрости. Я бывал откровенен и даже слишком. Но как бы я ни был откровенен, я всё-таки был недостаточно откровенен, потому что я сам себя не понимал.

Да и кто может помочь мне в моей ситуации? Моя ситуация — это я сам. А кто может избавить меня от самого себя? Кроме смерти — никто!

Должен ли я тогда убить себя? Будет ли моя смерть уничтожением и моей ситуации? Нет, ибо моя ситуация — это нечто большее, чем я сам. Она включает в себя не только меня, но и мои отношения к другим людям и их отношение ко мне. Если бы я мог исчезнуть абсолютно!

Скоро так и будет. Я, к счастью, не великий человек, и никто никогда не станет копаться в моей жизни. И через одно поколение умрут все те, кто знал меня, а вместе с ними умрёт и моя ситуация.

Как хорошо, что нет ничего вечного! Что наши души смертны! Что нет Бога и загробной жизни!

Но тем не менее моя ситуация не умрёт сразу же со мной. И я ничего не достигну, убив себя.

Остаётся только быть таким, как все, и не нарушать общественную благопристойность. Ведь самоубийство — это неприличие и бунт. И вызов.

А почему бы мне, будучи человеком, не стать выше всех возможных ситуаций? Ведь всякое «я» нечто большее, чем сумма всех его ситуаций и всех его общественных отношений. Только человек способен подняться над

своей ситуацией. Только он может снисходительно улыбнуться, наблюдая суетню расстреливающих его. Улыбнуться и зевнуть.

Да! Самое главное в жизни — умение вовремя зевнуть, показать своё равнодушие к своей ситуации. И сразу же все наседающие на тебя многоголовые огнедышащие драконы смутятся и скиснут и подожмут свои пёстрые хвосты.

Равнодушие! Атараксия! Хладнокровие! Апатия! О, как мне недостаёт вас! И если я когда-нибудь убью себя, то оттого, что был слишком впечатлительным.

Так можете записать в своём протоколе. Прощайте!

21.03.63

2. РАВНОДУШИЕ

Его любили и ненавидели, уважали и презирали, хвалили и ругали. Ему объявляли выговоры и выносили благодарности. Каждый день множество людей говорили ему: "Здравствуй!" или "Здравствуйте!", дружески улыбались и пожимали его руку. А некоторые смотрели на него с тайным недоброжелательством, но тоже улыбались и пожимали его руку. Но в действительности никому до него не было никакого дела.

И он чувствовал свое субстанциональное одиночество. Его тяготила вся эта поверхностность в любви и в ненависти, в дружбе и в неприязни, в благодарности и в порицании. Ему хотелось, чтобы хоть раз кто-нибудь заинтересовался им самим по себе (а не как другом или врагом, любимым или ненавидимым, членом профсоюза или партии и т. д.).

И он убил. Но никто его не искал. А когда он пришел сам, то ему приписали убийство с целью ограбления и не одно, а целых три (так как нужно было выполнить к концу года план раскрываемости преступлений) и приговорили к расстрелу, Но и расстреляли его кое-как. Явилась половина расстрельной команды (остальные готовились к концерту художественной самодеятельности), в пулях недоставало металла, а в зарядах — пороха.

И он долго мучался, прежде чем умереть.

18.04.63

3. ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

Есть два вопроса: "Зачем я живу?" и "Куда идёт человечество?"

Но человечество никуда не идёт. То, что оно должно куда-то идти, выдумали неудавшиеся, которые, не умея жить, спрашивают: "Зачем я живу?" и "Куда идёт человечество?"

Жизнь, отдавшаяся понятию, — калека, ковыляющая на костылях мысли.

Не ненависть страшна, а равнодушие, которое превращает бытие каждого в самый страшный вид небытия — в небытие для другого.

Люди становятся всё более зависимыми друг от друга, все более друг на

друга похожими и . . . всё более чуждыми друг другу, потому что более чуждо друг другу, чем одинаковое?

О, толпы, всасываемые эскалаторами! Льющиеся по подземным переходам! Разве вы одушевлены? На эскалаторах родились те, кто будет равнодушно ронять на вас водородные, кислородные и прочие нейлоновые бомбы.

Ты случайно, человечество! Сталкиваются и скрежещут галактики. И наша несётся навстречу другой — два встречных курьерских поезда, пущенных по одной колее. Стучат колеса миллионолетий. Всего за один перегон успели родиться жизнь, чувство и мысль. Родиться — и убить себя. . .

И квакают лягушки. Квакают так, как будто они и их пруд — вся вселенная. Квакают, отрицая и тебя, и меня, и вечность. . . Они сами эта вечность. Для них нет истории, и никто не в силах их разубедить.

О, мое небытие для лягушки! Как его вынести? Любовь и ненависть, войны и революции, стихи и лозунги — всё это попытки перебороть своё небытие для другого. . . И пытки — тоже такие попытки. . . И скандалы — эти самые современные формы преодоления отчуждения между людьми. . .

А время? Оно идёт, как воздух из проколотой шины. . . И вот мы обмякли и остановились. . . Всё меньше и меньше мы для умчавшихся вперёд. . .

Ты фуражка, сорванная ветром времени. Одиноко лежит она посреди автострады. . .

Мы разбросаны во времени и в пространстве. . . И дружим не с теми и любим не тех.

О, моё небытие для лягушки! Где ты, моя царевна-лягушка! Приди!

Любовник, отвергнутый обманутый любовник, мечтающий о реванше и признании, убитый равнодушным металлом! Ты, гниющий на краю грязной траншеи! Жизнь, погибшая в незавершённости, кричащая в вечности!

Но так умирает большинство.

31.01.64

4. Короткие рассказы

«Вы ещё обо мне пожалеете» — сказал Персональщик, собираясь оттолкнуть стул.

«Вы опять не уплатили взносы!» — вскричала Мешалкина, врываясь в кабинет.

Но не было сдачи.

А когда он вернулся, то в петле уже качалась Мешалкина.

«И здесь обошли!» — сказал Персональщик - и заплакал.

Он хотел девочку, а она мальчика. Бог внял их мольбе — и послал им двойню: мальчика и девочку. С тех пор они ничего не желали: было некогда.

«Куда деваются деньги?» — спрашивала она и каждую субботу штопала

кошелёк. Но денег всё равно не хватало.

На крыше возились кошки. Я позавидовал их непосредственности. «Даже кота из меня не вышло!» — подумал я - и решил завербоваться на стройку.

Мы дружили с детства. Но как-то раз я наследил в его новой квартире. С тех пор мы не виделись.

«Как хорошо было бы в Африке!» — подумал я, выбираясь на полынью. И тут же был разорван крокодилами.

02.02.64

6. ПОЧЕМУ Я СТАЛ ФИЛОСОФОМ

Меня просили выступить на тему, почему я стал философом. Этот вопрос я понимаю так: жалею ли я о том, что я стал философом. Отвечаю:

я не жалею, что я стал философом, — я родился философом.

Я жалею о другом: о том, что я на большее неспособен. Если у вас есть какие-то способности, становитесь футболистами. Философ, даже если он семи пядей во лбу, никогда не соберет такую многочисленную аудиторию, как футболист. Весь мир знает наших футболистов, тогда как никто не знает, кто наши лучшие философы. Футболист может объехать весь мир, тогда как философ, потратив свою жизнь на изучение античной философии, никогда не увидит Средиземного моря.

А еще лучше стать дворником. Всё время на свежем воздухе. Обязанности ясны и определены. А потому старательный дворник может жить со спокойной совестью, тогда как совесть философа, если, конечно, он ее имеет, всегда неспокойна. Кроме того, будучи дворником, вы получите жилплощадь. А я знаю одного философа, который со всеми своими книгами и трудами ютится в темном, пыльном и душном углу на площади в 3 кв. м.

Так что еще раз тщательно взвесьте свои возможности. Если у вас есть какие-либо способности к тому, чтобы не быть философом, не пренебрегайте ими. Ну, а если нет, тогда вымажьте свое лицо сажей, посыпьте голову пеплом и прокляните день и час, когда вы родились философом!

17.02.64

6. Актриса

Моя жена появлялась в Москве набегами. Наскоро поцеловав меня и вручив мне очередного резинового крокодила, а иногда для разнообразия — жёлтого попугая, она бодро устремлялась с одного вокзала на другой. В воздухе реяли загадочные слова: Караганда, Темир-Тау, Адлер, Гурсо. . . Сменив в привокзальном туалете зимнее обмундирование на летнее и

навьючив на меня свою шубу и валенки, она оставляла в Москве несколько слезинок, высыхающих со скоростью уходящего поезда...

Иногда я успевал устроить сцену. Но сие восстание отнюдь не было восстанием Спартака. И оно быстро и жестоко подавлялось. Меня, распятого между Курским и Казанским вокзалами, распинали вторично как эгоиста и врага искусства и эмансипации.

О, как ненавидел я этих чудовищных змиев, уносивших в своём брюхе мою жену, которую я не успевал даже разглядеть. А ещё больше я ненавидел театральные афиши, усеявшие, как смертные приговоры, московские улицы. Не раз в бессильной злобе я вспарывал их начинённые дешёвым клеем животы...

Но время шло... Теперь оно работало на меня. . . И в одно прекрасное утро я переходил из разряда провожающих в разряд встречающих. Наскоро поцеловав меня и вручив мне очередного крокодила, моя жена вдруг сообщала мне, что может побыть дома два-три дня. . .

О, как я старался отыграться за эти дни за всю боль разлуки, за свою заброшенность, за своё одиночество, за свой испорченный в диетстоловых желудок, за свои рваные носки. На это уходило столько времени, что я так и не успевал разглядеть свою жену. И что самое интересное, именно я больше всего боялся, что она опоздает на очередной поезд, самолёт, автобус, вертолёт, пароход. . . Сгибаясь под тяжестью чемодана, я нетерпеливо сжимал в потной руке свой перочинный ножик и заранее высматривал очередную жертву. С каким наслаждением вымещал я на ней свою злобу неудачника! Бумага висела клочьями.

Потом моя жена почему-то совсем перестала приезжать. Но это меня больше не беспокоило. Все мои силы поглощала борьба с афишами. Каждую ночь я уничтожал их, но каждое утро они возрождались. О, они всегда были под рукой! Я видел их повсюду. Ими заклеили всё небо. Всё Солнце. Все озера. Все лица! А однажды утром, когда я взглянул на свой живот, я увидел, что и на нём плотно наклеена очередная афиша. "Король-олень" — прочитал я с ужасом. Это было написано большими буквами где-то в подреберье. А в самом низу живота — мельче, но так же чётко значилось...

Нет, это неверно, что я японец. Меня просто так прозвали в больнице, хотя я вовсе не делал себе харакири, а просто полоснул ножом очередную афишу...

Когда меня зашили, и я, пройдя курс лечения в психдиспансере, вышел на улицу, небо было чистое. И Солнце! И лица прохожих! Я сердце моё трепетало от радости открытия выстраданной истины, которую я проповедую теперь везде и всегда. Я кричу: "Люди! Никогда не женитесь на актрисах! "

И люди мне улыбаются. Они любят меня, потому что я люблю их.

22.03.67

7. Эльбрус

Сегодня утром я встал, как обычно, около шести и побежал в очередь за билетом. И хотя я пришёл в седьмом часу, был уже двадцать шестой. До

открытия кассы оставалось полтора часа, и я, записавшись, побрёл по грязным улочкам станицы, что справа от железной дороги, если ехать в Кисловодск (курорт же слева), и незаметно для себя добрался до её окраины. И вот я вышел в поле. Передо мной открылась зелёная степь. Прямо тянулись картофельные плантации, оживлённые большими золотистыми подсолнухами, которые все стояли лицом ко мне, потому что Солнце было за моей спиной, а дальше огороды переходили в светло зелёное поле, обрамлённое на горизонте тёмно зелёными полосами насаждений, а ещё дальше прямо передо мной мягко поднимался курган, являя собой сочетание красок от жёлтой до тёмно зелёной.

Справа от меня стоял какой-то безобразный заводиска. Но я старался не смотреть в ту сторону. А ещё правее под Солнцем, я видел подёрнутые дымкой горы: дикий Бештау, домашний Машук с телевизионной вышкой на макушке. Повернувшись же налево и споткнувшись взглядов об отдалённый посёлок, о проезжавшую по шоссе машину, о более близкие ко мне уже эссентукские дома с торочащими между ними какими-то железными трубами, о модерновские столбы уличного освещения, я вдруг за всем этим человеческим мусором увидел спокойного белого исполина, скрытого по пояс близлежащей возвышенностью и уже подёрнутого дымкой, но тем не менее величественного. Левее же кое-где из-за волнистой линии горизонта высывалась снежная гряда. И весь этот мир был прикрыт сверху бледно голубым небом с белым нежным облаком, застывшим неподалёку от меня как раз в сторону Эльбруса.

Вздых изумления вырвался из моей груди. Спал груз забот. И, хотя я не писатель, я понял, как рождаются писатели. И вот я стал писать это. А пока писал, Солнце поднималось всё выше... И чем выше оно поднималось, тем обыденнее становился мир и тем больше растворялся Эльбрус в приобретаемом в его стороне серый оттенок неба.

И снова на меня навалился груз мелочных забот. Лягушки забот, прыгнувшие было в пруд вечности, снова уселись на прибрежных кочках и дружно заквакали. Я побежал в очередь за билетом...

***07.70*

8 Экология

«Стреляй! — закричала его девушка, увидав приготовившегося к прыжку тигра.

Он прицелился.

«Этот тигр из последней на Земле пары» — вспомнил он - и зажмурился.

02.02.74

9. Шампанское

Канун Нового года. Не помню какого. Моей ныне покойной дочери Соне

было тогда лет пять. Тогдашняя ненавидящая меня (впрочем как и все остальные) жена, мать Сони, хотела остаться на этот Новый год одна (где был в это время сын, не помню – должно быть в очередной больнице со своей бронхиальной астмой), дабы помечтать о своем камчатско-сахалинском возлюбленном, а то и звякнуть ему в Южно-Сахалинск, где Новый год уже наступил.

Идя ей навстречу, я выразил желание отправиться с дочерью к своим друзьям в Томилино.

«Но, - сказал я, - у меня нет денег, а в доме всего лишь одна бутылка шампанского. С пустыми же руками к моим друзьям не поедешь».

«Забирай её, – сказала женщина. – И катись!»

И мы с дочерью покатались.

Почти час на метро.

Почти час с ожиданием на электричке.

Почти час с девочкой по темным улицам Томилино....

«Я не могу оставить тебя с ребенком, - заявила обычно гостеприимная хозяйка. – Сюда люди придут»

Ну что же: люди так люди. А мы, получается, не люди. Впрочем людей я у своих друзей видел редко. Всё какие-то придурки.

А шампанское? Как только мы пришли, я тут же выставил его на стол как свой пай. А теперь?

Между тем хозяин сел за стол и налил мне в стакан какой-то дешёвой гадости. И говорит «С Новым годом!» А сам тем временем тихо так локтем отодвигает моё шампанское подальше от меня и как бы даже за себя. Мне бы сказать: «Что ты делаешь, мерзавец! Отдай моё шампанское!»

Но я, как всегда, потерялся перед откровенной подлостью и даже вида не подал, что это подлость.

Итак мы ушли мирно и тихо. И без шампанского. Опять дорога до станции, ожидание на морозе и в темноте электрички, электричка, метро, автобус. Успели. До Нового года вернулись. И Новый год встречали уже без шампанского.

Впрочем и не встречали. Все трое разошлись по своим комнатам. Благо, что их было тогда тоже три. А сын не помню, где был. В больнице, должно быть.

Жаль, что забыл, в каком это году было. Да это неважно. Подлость – всегда подлость. Она от времени не зависит.

12.01.01

10. Киллер (20 слов)

- Алло! Иван Иванович Иванов?
- Да!
- Не могли бы Вы дать мне свой новый адрес?
- А зачем Вам?
- Я Ваш киллер.

Еще одна фальшивка?

Среди сожженного находилась и рукопись, случайно найденная мною в метро. Кто-то позабыл её на сидении в метропоезде. Она была без начала и без конца. Начиналась на полуслове и на полуслове же заканчивалась, точнее говоря, обрывалась. К счастью, если сама рукопись сгорела, то содержание ее сохранилось: как-то в свободное время я её отпечатал.

Итак, рукопись сгорела. Печатная копия сохранилась. Содержанию рукописи я не придавал тогда большого значения. «Бред какой-то!» – подумал я.

И только позднее, ознакомившись, хотя и очень поверхностно (кому охота штудировать бред?) с пресловутыми «Протоколами сионских мудрецов», я вдруг почувствовал какое-то смутное беспокойство. Мне показалось, что когда-то что-то подобное читал. Забеспокоился. Цело ли? С 1956 по 1988 год я, бездомный, скитался по Москве и по Московской области. 12 раз переезжал. А остатки моего литературного архива опять валялись где-то у чужих, равнодушных, а то и враждебных людей... Стал искать. Нашел... Перечитал... О, Боже! Да ведь это не то иное, как отрывок из неизвестного (?) «протокола». Фальшивка? Не знаю. Пусть читатель судит об этом сам! Итак:

«...лаем гоям еще и следующее. Мы максимально используем против гоев ту самую большую из тех, которые знала история, ловушку- мистификацию, которую мы им соорудили в самом начале их вздорного летоисчисления. Пусть они по-прежнему думают, что у них есть убежище от нас и крепость против нас в их христианстве! Пусть по-прежнему бегут они в свои храмы пугливой толпой! Пусть они видят свое спасение в христианстве, которое они противопоставляют нашему иудаизму! Пусть их антисемиты призывают их противопоставлять нам их бастион христианской, в частности православной веры!

Добрую половину этих антисемитов составляют наши агенты. Именно они, красноречивее и фанатичнее других, восхваляют христианство как последний и якобы несокрушимый оплот!

Бедные глупые гои! Мы постараемся сделать так, чтобы в их одурманенных антисемитизмом и православием головах никогда не возникло прозрение, чтобы они сами побивали тех немногих, кто вдруг поймет, что к чему. Пусть бедные гои не знают, что их христианство – всего лишь чудовищно разросшаяся иудаистская секта! Пусть они по-прежнему бегут в свои храмы, церкви, молитвенные дома, не понимая, что они бегут туда от нас, иудеев, чтобы поклоняться нам, иудеям. Разве их безымянный Бог-отец не наш Иегова О, как не хотят они этого знать! Не случайно, что они почти никогда не называют первое лицо своей политеистической Троицы по имени. А если какого-нибудь христианского жреца прижать, то он скажет: Саваоф. А ведь Саваоф – одно из имен наш Мы научили их не ценить материальные блага. Мы дали им в наставники юродивых и нищих духом.

Мы внушили им мысль о греховности соития, дабы они меньше размножались.

Мы позаботились, чтобы их сфабрикованное нами христианство распалось на враждующие секты и церкви. И мы тайком натравливаем их друг на друга. Для этого наши агенты проникли в высшие круги церковной иерархии гоев.

Мы научили гоев нести свои цепи с гордостью. И они несли их, несут и будут нести.

Конечно, нам было трудно. Презренные гои лишили нас было родины. Мы были рассеяны по всему свету. Но и это пошло нам на пользу. Мы оказались повсюду. Внешне мы приспосабливаемся к тому народу, в среде которого мы обитаем. Мы проникаем в его культуру, чтобы незаметно подменить ее на нам удобную. Мы подобны вирусам, перестраивающим клетки организма для себя, а тем самым убивающим в конце концов этот организм.

Мы заразили гоев корыстолюбием. Особенно мы далеко продвинулись полтысячелетие тому назад, когда внушили гоям, что бизнес более угоден Богу, чем все религиозные ритуалы. Отныне у гоев бизнес стал формой богослужения, а успех в бизнесе – свидетельством о том, что удачник избран Богом к спасению. Отныне гои стали уничтожать друг друга сперва из-за золота, а затем из-за бумажек, условно его символизирующих.

Так мы заставили гоев создать общество, в котором хозяевами жизни оказалась не национальная аристократия, а безродные богачи, общество, в котором мы чувствуем себя, как рыба в воде. Буржуазное общество.

Мы не боялись, что, заразив гоев алчностью, мы сделаем гоев сильнее нас. Их алчность сдерживалась внушенной им нами верой, что настоящая жизнь не Здесь, а Там. А самое главное в том, что мы навязали гоям свои правила игры, в которой нам нет равных.

Да, мы научили гоев поклоняться золотому тельцу. Но не более. Они ему поклоняются, но им не владеют. Мы не поклоняемся золотому тельцу. Мы владеем им. Никогда не смогут сравняться гои с нами в деле наживы. Мы не выпячиваемся. Мы позволяем некоторым гоям делать деньги. Этим они служат щитом для нас. Но в целом гои никогда не смогут сравняться с нами. Мы заставили их создать такое общество, где мы непобедимы. Заразив гоев корыстолюбием, жаждой наживы, мы делаем так, что эту жажду они никогда не смогут утолить. Только мы пьем из этого источника волю.

И они бегут в свои молитвенные дома, чтобы поклоняться нам, иудеям. Ибо их Христос – иудей. Их Христос – наш агент, Он величайший провокатор во всей всемирной истории. Да, мы его распяли. Он знал, на что идет... Да, мы навлекли на себя гнев гоев за то, что распяли нашего агента-камикадзе, призванного своими проповедями подорвать у гоев волю к жизни. Да, гои нередко громили нас, как тех, кто распял «их» Бога. Но они забыли, что «их» Бог – наш иудей.

Для нас он не Бог и не сын Бога. Не образец для подражания. Вся миссия этого мнимого мессии была направлена нами вовне, в сторону гоев. Конечно,

некоторые иудеи стали христианами. Мы шли на это. Мы их отторгали, если они только не были нашими агентами. Последних мы отторгли для видимости.

Да, вся миссия этого интернационального мессии была направлена нами, чтобы своей проповедью, подхваченной его апостолами понесшими ее по миру, превратить гоев в покорно блеющее о «настоящей», загробной, жизни стадо, внушить им презрение к этой жизни и позволить нам стать ее единоличными хозяевами.

Ибо есть только эта жизнь. И наш Бог обещал нам вовсе не «царство небесное», а «царство земное», всемирное царство в этой жизни. А тот, кто не видит в жизни ее самоценности, тот снесет все! С ним можно делать все, что угодно. Все, что угодно нам. Истинный гой равнодушен к настоящему, потому что он весь в будущем. В мнимо будущем. И чем больше мы его терзаем – тем он счастливее: значит, он наверняка заслужит Царство Небесное своей кротостью и своим долготерпением.

Правда, время от времени и среди гоев появляются проповедники Царства Небесного на земле. И для всех! А не только для нас, избранного Богом народа. И из среды иудеев приходили предатели. Крупнейшим из них был Карл Маркс. В своей ренегатской теории он подменил мировое господство нашего избранного единственно сущим Богом народа мировым господством интернационального пролетариата, поменял наш народ на избранный мировой историей класс. Но и это пошло нам на пользу. Мы проникли и в этот Интернационал. Второй раз после проповедей Савла-Павла мы смогли нанести сокрушительный удар по национальным душам народов. И мы сделали так, чтобы навсегда отучить гоев пытаться построить свое всемирное царство на земле. Мы сделали все, чтобы скомпрометировать коммунистический идеал. Наши агенты возглавили толпы, рвущиеся в это царство (искусство забегать впереди лошади нам хорошо известно). И вместо ожидаемого глупыми наивными гоями царства добра мы учредили им царство зла!

И вот гои снова с воем, как побитые собаки, устремились на небеса. Как ошпаренные кипятком псы! Они снова повсеместно поклоняются золотому тельцу. Они снова вернулись в удобное нам общество. А в этом обществе нам нет равных! Снова весь обитаемый мир в наших руках, снова мы как рыба в воде во всех регионах мира! Пусть же гои снова уверуют в Царство небесное и презирают жизнь, а мы будем по-прежнему вить из них веревки!

Да, мы материалисты! Нам не нужно Царство Небесное. Нам не нужно личное бессмертие. Бессмертие души. Такого нет и быть не может. Ведь «...душа всякого тела есть кровь его» (Лев. 17:14). И не более того.

Нам достаточно бессмертия «МЫ». «МЫ» – наш народ, дивное целое, народ, избранный Богом, нашим Богом. И «МЫ» как народ бессмертны. Мы уже доказали это. Мы расселились по всей планете. Казалось, что мы потеряли связь друг с другом. Иногда мы даже враждовали между собой. Но мы всегда были тайно едины против гоев. Мы избегали физического труда. Мы жили в городах. Мы использовали пороки гоев и давали им деньги

на водку под большие проценты. И мы никогда не забывали о своем тайном призвании – достичь безраздельного мирового господства, создать всемирное государство, наше государство. Потому что именно нас, потомков Авраама, наш единственно суций Бог избрал для настоящей жизни. Он дал нам Палестину. Разве не сказал он Авраму (тогда еще Авраму, Авраамом он стал позднее), который жил далеко на восток от Палестины: «Пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, в землю, которую я покажу тебе» (Быт. 12:2). Он учил нас почитать только его и безжалостно уничтожать всех тех, кто поклоняется другим богам. И мы так и делали. А глупые гои поклоняются книге, в которой со вкусом повествуется о том, как мы уничтожали гоев. Да, мы лишили гоев последнего разума!

Мы научили гоев поклоняться тексту своего смертного приговора. Они с восторгом рассказывают своим детям, как мы, избранный единственно суцим Богом народ, уничтожали детей гоев. Они рассказывают своим глупым детям о том, как наш Иисус Навин остановил Солнце, обратившись к нашему Богу, дабы он мог добить гоев. И сам наш Бог сражался в этой битве, как и во всех других наших битвах, за нас, за свой народ. Этот народ – мы, иудеи. И больше никто. Бог и дальше будет сражаться за нас. И пусть гои по-прежнему восхваляют нашего Бога и наши победы над ними!

Мы научили гоев восторгаться заповедями Иеговы, данные нашим Богом нам через нашего Моисея, нам, а не гоям. Гои не знают, что все эти заповеди относятся только к нам, распространяются лишь на наши внутрииудейские отношения. Не пожелай жены... дома... осла БЛИЖНЕГО своего. Так кто же этот ближний? Иудей. И только иудей. Не убей! Не укради! Не прелюбодействуй! Как радуются глупые гои этим заповедям! Они не понимают и не хотят понять, что действие этих заповедей ограничивается нашим кругом. А гоев можно и нужно и убивать, и обкрадывать! Пользоваться их глупыми женами. Разрушать их семьи, сохраняя свою семью. Оставлять их детей без отцов. Отнимать у них жилплощадь.

Вспомните, как наш Бог приказал нам перед нашим бегством из Египта занять золотые вещи у местного населения. у египтян, в домах, где мы жили. И мы бежали с этими вещами.

А когда мы захватили Палестину, землю Аморреев, Ферезеев, Хананеян, Хеттеев, Гергесеев, Евеев, Иевусеев, то наш Бог сказал нам через Иисуса Навина: «И дал я вам землю, над которой ты не трудился, и города, которые вы не строили, и вы живете в них; из виноградных и масличных садов, которых вы не насаждали, вы едите плоды» (И. Навин. 24:13).

«Сыновья Иакова пришли и разграбили город... Они взяли мелкий и крупный скот их; и что ни было в городе, и что ни было в поле, и все богатства их, и всех детей их и жен их взяли в плен, и разграбили все, что было в (городе), и все, что было в (домах)» (Быт. 34:25-29).

Конечно, сами гои обо всем этом в своих наивных «Библиях для детей» умалчивают.

Да, мы научили гоев поклоняться своему смертному приговору! Со

временем мы заменим их роботами, но пока что они нам нужны. Мы будем высасывать их, как паук муху. Разве не сказал наш Бог Давиду: «И будут всегда открыты врата твои; не будут затворяться ни днем, ни ночью, чтобы приносимы были к тебе достояния народов (гойим) и приводимы были цари их» (Ис. 60:11). И далее: «Ты будешь насыщаться молоком народов (гойим) и груди царские сосать будешь...» (Ис. 60:16).

Мы не можем сейчас сразу заселить весь обитаемый мир, как не смогли сразу заселить всю Палестину, дарованную нашим Богом Аврааму. Поэтому мы не сразу уничтожили там всех гоев. Иначе заросли бы поля и расплодились бы дикие звери. Мы шли постепенно, исподволь. Так мы делаем и теперь.

Мы неустребимы. Вспомните, как мы пришли в Египет в количестве 57 человек, а вышли оттуда в количестве 600 000 одних только взрослых мужчин. И это через 400 лет. Так хорошо «истязали» нас египтяне!

Пусть гой исповедует наши заповеди! И нашу первую главную заповедь, где наш Бог приказывает нам и только нам поклоняться только ему. Глупый гой думает, что эта заповедь и для него – и поклоняется нашему Богу под видом анонимного Бога-отца. Но он поклоняется и Иисусу Христу. А это не наш Бог. Это всего лишь наш агент-камикадзе. Значит, гой поклоняется другим богам. И должен быть уничтожен. Такова воля нашего единственно сущего Бога. "«МЫ» – только иудеи. Гой не может стать иудеем. Для этого ему надо заново родиться от иудейки. Дети иудейки – иудеи. А от не-иудея наш национальный Бог поклонения не принимает. Пусть гой по-прежнему поклоняется своему интернациональному Богу, запущенному к нему нами две тысячи лет назад! Пусть гой думает, что найдет защиту от нас у своих жрецов, которые учат его смирению, покорности и презрению к жизни! Жить будем мы! Мы сде...»

На этом рукопись обрывается. Последней страницы не было, как и первой.... Тогда я не придал значения этому странному тексту. Хотя и отпечатал его... И только теперь, заглянув в «Протоколы сионских мудрецов», я стал что-то подозревать.

Что это? Часть неизвестного «протокола»? Подражание? Пародия? Не знаю...

Привилегии

Привилегия (лат. *privilegium*) исключительное право, преимущество, предоставленное кому-либо. У нас бытует одностороннее понимание привилегий как исключительно материального фактора. Отменив привилегии, нас обманут и обворуют. А государство обещает, что не обворует, а даже что-то прибавит. Поверим. Но привилегия не сводится к материальному фактору. Материальный фактор лишь сопровождает и подкрепляет...Что? Честь. Честь быть ветераном войны. Честь быть ветераном труда. Быть примером подражания для молодежи. Честь быть человеком, осваивающим наш суровый Север. Честь быть ликвидатором последствий Чернобыльской катастрофы...

Капитализм в принципе бесчестен. Деньги не пахнут. Всем нравственным достоинствам человека он противопоставляет одно лишь «достоинство» - «достоинство» быть богатым. Но это «достоинство» непрочно. Тот, кто сейчас нравствен, кто человек долга, таковым и останется. Нужны чрезвычайные обстоятельства, чтобы его сломить. «Достоинство» буржуа колеблется вместе с колебанием акций на бирже.

Буржуй с его рыночной экономикой думает, что всё можно купить. Но оказывается, что не всё. Нельзя купить честь. Конкретнее, нельзя купить честь быть ветераном войны, нельзя купить честь быть ветераном труда.

- *«А я вот купил медаль ветерана труда и соответствующее удостоверение, согласно которому именно я, а не кто другой, ветеран труда».*

- *«Да, вы, действительно, купили и медаль, и удостоверение, но чести вы не купили, если вы что и купили, так это бесчестье».*

- *«Ах, вот как! Так утопим эти почетные звания в безликой денежной компенсации! Увеличим материальные выплаты, до сих пор сопровождающие честь быть ветераном войны, ветераном труда. Заплатим хотя бы вдесятеро. А саму честь отнимем. На это и денег не жалко. К тому же ветераны войны и труда стремительно вымирают. А новых не будет».*

И в самом деле, при буржуях средняя продолжительность жизни российских мужчин уменьшилась с 70 лет в 1986-87 до 58 лет в последние годы, то есть на 12 лет. То есть мужчины вымирают до пенсионного возраста. Какие здесь могут быть ветераны? Да, хоть вдесятеро! Лишь бы сами льготники и окружающие их люди забыли **за что** выплачиваются материальные льготы. Лишь бы не было достойных людей. Не было бы достойного примера для нашей молодежи, которую буржуи растлевают «золотым тельцом» и топят в «музыкальных помоях».

Буржуи хотят, чтобы осталось лишь одна привилегия - привилегия быть **на сегодня** богатым.

Вот эту сторону буржуйской отмены почетных привилегий не следует упускать из виду.

А предюбилейные декоративные поезда с десятками специально отобранных ветеранов ничего здесь не меняют. Более того, эти декорации - насмешка над основной массой обесчещенных.

А как быть с такой вечной привилегией как детство, отрочество, ранняя юность? Школьные годы? По данным главного санитарного врача России Геннадия Онищенко, за последние десять лет дети стали болеть в три раза чаще. Причина – неправильное питание. Так, лишь 23% учащихся получают горячую пищу два раза в день. А ТЕПЕРЬ И ЭТО ПОХЕРИЛИ.

*Нам житъя совсем не стало
От грабительских затей.
Абрамовичам всё мало –
Съели завтрак у детей.*

Разговоры о денежной компенсации никого не убедят. Деньги донизу не дойдут, а те, что дойдут, пропьют родители.

Философия в Московском университете

Когда возникло первое высшее учебное заведение России и что оно из себя представляло? Первое высшее учебное заведение в России было основано в 1687 году. Это было духовное училище. Оно располагалось в Заиконоспаском монастыре в Москве и называлось Славяно-греко-латинская академия (СГЛА). В 1814 году СГЛА была преобразована в Московскую Духовную Академию (МДА) и переведена в Троице-Сергиеву лавру. Михаил Ломоносов провел в этом училище в холоде и голоде целых 5 лет (с 19 до 24).

Когда возникло первое высшее научное учреждение в России и что оно из себя представляло? Первое высшее научное учреждение в России было открыто 27 декабря 1725 года. Этим учреждением была Академия наук. Ей открытию предшествовала большая работы Петра 1 и его лейб-медика немца Лаврентия Лаврентьевича Блюментроста, который по заказу императора представил проект устройства Академии наук с учреждением при ней университета и гимназии. *«Академия наук была основана Петром Великим 12-го января 1724 ода...»* (С.П.Шевырев. С.5) 12 января по старому, юлианскому, стилю и 23 января по новому, григорианскому, стилю. Петр не дожил до открытия Академии. Первым президентом Академии наук стал тот же немец - вышеназванный Л, Л, Блюментрост (1692-1755).

Всегда ли Московский университет носил имя М.В.Ломоносова? Нет, имя М.В.Ломоносова Московский университет получил в мае 1940 года.

Как Московский университет именовался ранее?

Почему-то стесняются приводить полное название дореволюционного Московского университета – **Императорский Московский университет**. А далее: 1917 – сентябрь 1930 - 1 Московский государственный университет. Сентябрь 1930 – октябрь 1932 – Московский государственный университет. Октябрь 1932 – ноябрь 1937 – Московский государственный университет им. М.Н.Покровского

Ноябрь 1937 – май 1940 – Московский государственный университет.

Если дела пойдут далее так, как они сейчас идут, то возможен Московский абрамовический университет им. Березовского. Ведь Госдума сейчас втихую сняла мораторий на приватизацию вузов.

Почему в Московском университете ежегодно празднуется Татьянин день? И что это такое?

В православном календаре каждый день года – день памяти ряда выдающихся в православии лиц. Когда младенца крестят, то ему дают (обычно по выбору родителей) одно из имен чествуемых православной церковью в день крещения лиц. Например, я родился 18 апреля (по новому стилю) и был крещен 21 мая (по новому стилю, 8 мая по старому стилю). В этот день празднуют апостола и евангелиста Иоанна Богослова, преподобного Арсений Великого, преподобных Арсения трудолюбивого и Пимена постника, Печерских. Слава Богу, мне не дали ни имени Иоанна

(Ивана), ни имени Пимена. А принеси меня на крестины днем ранее, пришлось бы выбирать между Акакием, Нилом и другим Иоанном. Среди особенно почитаемых православной церковью лиц - христиане, пострадавшие за веру: великомученики и великомученицы, мученики и мученицы. 12 января (по старому стилю) из женщин была одна мученица Татьяна. И именно в этот день в 1755 году императрица Елизавета издала **Указ о создании Московского университета**. Поэтому-то в Московском университете и празднуется Татьянин день.

Почему императрица Елизавета издала этот Указ именно 12 января? Возможно, что просто так вышло. Но возможно, что она подражала своему отцу, императору Петру 1, который основал Академию наук именно 12 января. Есть мнение, что здесь сыграл свою роль влиятельный фаворит Елизаветы Иван Шувалов, который захотел приурочить такой подарок, как основание Московского университета, к именинам своей матери Татьяны..

Почему тогда мы не празднуем учреждение Московского университета именно 12 января?

Мы празднуем. Во времена Елизаветы и далее вплоть до 1 февраля 1918 года в России был в употреблении юлианский календарь (старый стиль). Татьянин день там так и застыл на 12 января. И мы как праздновали, так и празднуем Татьянин день именно 12 января. Но по старому стилю.

Чем григорианский календарь отличается от юлианского? Григорианский календарь более точный, то есть он более соответствует реальному времени. Юлианский же календарь всё более и более отстает от реального времени.

Когда был введен григорианский календарь и почему он так называется?

Григорианское летоисчисление было разработано врачом и математиком Л.Лилио и введено папой Григорием XIII в 1582 году. Отставание юлианского времяисчисления от реального времени к этому моменту составило 10 суток. Поэтому 5 октября 1582 года было превращено в 15 октября того же года. Россия такой реформы не проводила. И шла по времяисчислению на десять суток позднее передовых стран Западной Европы.

Какое практическое значение для России имело это отставание во времени?

Григорианским времяисчислением в России тогда никто не пользовался. Однако перерасчет был необходим при общении с передовыми странами. Выезжая в 17 веке из Москвы в Париж москвич обнаруживал, что его московское 1 апреля было парижским 11 апреля.

Как же получилось нынешнее расхождение в 13 суток? Юлианское время всё более отставало от реального времени. И приходилось вносить поправки. Правда, в 1600 году, согласно тонкостям григорианского летоисчисления, сутки прибавлены не были. Так что в и в 17 веке сохранилось расхождение в 10 суток. А далее расхождение накапливалось.

С 1 марта по старому стилю и с 12 марта по-новому 1700 расхождение между российским и европейским временем составило уже 11 суток. С 1 марта по-юлиански – 13 марта по-григориански 1800 года расхождение составило 12 суток. С 1 марта по-юлиански - 14 марта по-григориански 1900 года расхождение составило 13 суток.

Как Россия перешла от юлианского к григорианскому времяисчислению? Декретом советской власти 1 февраля было объявлено 14 февраля. Русская православная церковь – оплот консерватизма и неподвижности, осталась жить по юлианскому календарю.

А что теперь?

Итак с 1 марта по-юлиански и с 14 марта по-григориански 1900 надо прибавлять к дате по-старому стилю тринадцать дней. Поэтому и Татьянин день и Указ пришлись на 25 января (12+13). В 2000 году, согласно всё тем же тонкостям григорианского летоисчисления, сутки прибавлены не были. И в нашем 21 веке и дата Указа, и Татьянин день остались на том же уровне, что и в 20 веке.

А что в ближайшем будущем?

В 21 веке с 1 марта по-старому – 15 марта по-новому расхождение составит 14 суток. В 2105 году дата основания Московского университета и Татьянин день останутся на 25 (12 + по-прежнему 13) января.

Когда же не Указом, а реально был открыт Московский университет? 26 апреля по старому стилю (по-новому для 18 века 7 мая, 9 мая для нас). На следующий день после ежегодно празднуемого дня коронации императрицы Елизаветы - по отцу Романовой, по матери - дочери загадочной Марты Скавронской (1684 – 1727). В 22 веке эта дата переместится на сутки вперед и придется на 10 мая (26 + 14).

Кто возглавил и проводил торжественное открытие Московского университета? Всё торжества возглавил всё тот же бывший лейб-медик Петра 1 академик Лаврентий Лавретьевич Блюментрост, он же ранее первый президент Петербургской Академии наук (с 1725 года). Он переехал из Санкт-Петербурга в Москву. Его поддерживал академик Миллер и другие приехавшие из Петербурга в Москву немцы... А затем в святое место как навозные мухи стали слетаться всё новые и новые немцы. В 1756 Шаден, Фроманн, Дильтей. В 1757 году Миллером были выписаны Рейхель, Келнер, Рост. И так далее. Из профессоров русскими были только Поповский и Барсов. Русских научных кадров было мало. Русская земля оказалась скупой на собственных Платонов и Невтонов.

А что же Михаил Ломоносов? Вопреки мифу о М.В.Ломоносове как «основателе» и «создателе» Московского университета, следует сказать, что это лицо никакого реального отношения к Московскому университету не имело. М.В.Ломоносов ни разу не был в Московском университете.

Кто же тогда был основателем и создателем Московского университета? Основателями и создателями государственного учреждения могут быть только лица, обладающие государственной властью и имеющие для этого достаточные материальные средства. Таковыми тогда были

Правительствующий Сенат и императрица Елизавета. Они и были основателями. А короче говоря, Елизавета. Выше мы говорили об указе Елизаветы.

Что касается Сената, то он 19 июля 1754 года заслушал доклад с проектом учреждения Московского университета. Сенат принял этот проект и обратился с ним к императрице. Она, в свою очередь, приняла этот проект и издала вышеназванный Указ о создании Московского университета. И он был создан.

Во что на первых порах обошлось создание Московского Университета? На это на первых порах было потрачено, не выделено (это большая разница) 20.000 рублей от Правительствующего Сената и в два приема 21.000 рублей от меценатов Демидовых. Выделено, но не потрачено, потому что эти деньги при первом директоре Аргамакове были в значительной мере расхищены. *«Канцелярия, несмотря на настойчивые требования Куратора, не могла отдать расчета в расходе сумм за первые два года существования Университета» (С.П.Шевырев.С.28-29).*

Студенты, что были на казенном содержании, получали средства только на питание, но не на одежду. Профессора вовремя не получали жалование. *Узнаю тебя, матушка Русь!*

Какова все же была роль М.В. Ломоносова при создании Московского университета? Рассмотрим такие книги:

А) С.П.Шевырев. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755-1855. Репринтное издание. М.1998.

В) «Ректоры Московского университета». Москва.1996.

С) Владимир Битов. Университет Ломоносовых. Издательство Московского университета, 2003 год.

Книга В) На третьей странице книги В) М.В. Ломоносов обозначен как **«основатель»** Московского университета (правда, уже вместе с И.И.Шуваловым). Но, хотя в этой книге Ломоносов назван по имени ещё 14 раз, там абсолютно ничего конкретно не сказано о роли М.В.Ломоносова как «основателя» Московского университета. И не могло быть сказано, потому что М.В.Ломоносов и близко не подходил к этой роли.

Книга С) М.В.Ломоносов в «круге **основателей** университета» поставлен на первое место, но конкретно о роли М.В. Ломоносова в основании Московском университета автор мог сказать лишь то, что *«идея создания национального университета принадлежала Ломоносову» (с.48)*. Но это нелепость. Эта идея принадлежала Петру 1. *«Петр Великий, в мудрых беседах своих с Лейбницем, мечтал об учреждении многих Университетов в нашем отечестве» (С.И.Шевырев. С.4-5).*

Книга А) В указателе имен к книге Шевырева от 1998 года М.В.Ломоносов назван **«создателем МУ»**. Но, хотя имя М.В.Ломоносова поминается Шевыревым около 30 раз, о Ломоносове именно как о «создателе» Московского университета ничего конкретно не сказано. Вершина участия

В.Ломоносова в этом государственном мероприятии – его беседы с Шуваловым (каким?)

«Ломоносов беседовал с Шуваловым об учреждении Московского университета и читал черновое доношение его на имя Правительствующего Сената. Мы это узнаем из письма Ломоносова Шувалову, которое сохранилось. Ученый радуется...

предлагает свои услуги: желает видеть план; обещается через десять дней доставить свой, целый и полный; предварительно же повторяет то, что говорил изустно, чтобы план сделать широкой, а не узкой, чтобы число Профессоров и жалованных Студентов было довольное, рассчитанное на будущие времена, а не стесненное теперешнею скудостью в людях ученых. Тут же Ломоносов предлагает три Факультета, разделение их по наукам, в Юридическом и Медицинском по три Профессора, а в Философском шесть; при Университете Гимназию, как рассадник необходимый, «без которой Университет, как пашня без семян» (с.9).

Конечно, всё это хорошо. Но этого мало, чтобы считаться **«создателем»** Московского университета. Так кем же был Ломоносов по отношению к Московскому университету? Находясь в Петербурге, он интересовался устройством Московского университета, переживал, подавал советы. Но до «создателя» здесь далече. В лучшем случае М.В.Ломоносов – добровольный, а то и навязчивый консультант, сочувствующий.

Как же М.В.Ломоносов оказался «основателем» и «создателем» Московского университета? Московский университет получил имя Ломоносова в 1940 году – во времена «большой фальсификации». И поэтому Ломоносов стал его «основателем» и «создателем». Московский университет получил имя Ломоносова не потому, что Ломоносов был его основателем и создателем, а Ломоносов стал задним числом его «основателем» и «создателем», потому что университет получил имя Ломоносова.

Чье же имя на самом деле должен носить Московский университет? Если Московский университет и должен носить чье-то имя, то Московский университет должен носить имя императрицы Елизаветы. Первое время так оно и было.

Кто такой Шувалов и какова его роль в создании Московского университета?

Наряду с Ломоносовым теперь называют в качестве «устроителя» и «основателя» Московского университета Шувалова. Это ближе к истине. Иван Иванович Шувалов (1727-1797) – фаворит Елизаветы Петровны (в год основания Московского университета ему было 28, ей 46).

И.И.Шувалов был определен Правительствующим Сенатом куратором (куратор – лат. curator - попечитель), то есть попечителем и посредником между директором университета (ректора только с 1803 года) и Сенатом, а за ним императорской особой. Однако и Шувалова не был на открытии университета. Он впервые появился в университете лишь через 22 года после его открытия, сопровождая австрийского императора Иосифа. За него работали его ставленники.

Именно Шувалов представил в 19 июля 1754 году доклад в Сенат об учреждении Московского университета. Но здесь возникает вопрос, какой Шувалов? С. П. Шевырев знает лишь Ивана Ивановича Шувалова. Так же и авторы книги «Ректоры Московского университета». Однако Владимир Димов знает другого Шувалова. Это Петр Иванович Шувалов (1710 – 1762) – граф, генерал-фельдмаршал, фактический руководитель правительства Елизаветы, реформатор; В. Димов утверждает, что доклад в Сенате делал Петр Иванович Шувалов.

Верно ли, что Московский университет «первый», как об этом сказано в новом гимне МГУ? Где первый? Если в Европе, то Московский университет настолько не первый, что его жалкое двухсот пятидесятилетие надо утаивать, а не афишировать. Первые университеты появились в 11-13 веках в Италии, Испании, Франции. В Италии (Болонья) - в 1080, во Франции (Париж) - в 1180.

Если же речь идет о России, то с первенством Московского университета вышел конфуз. Мы еще готовимся к своему 250-летию, а в Петербурге уже отпраздновали 280-летие своего университета. Это фальсификация. Санкт-Петербургский университет был основан в 1819 году. Тем не менее мы не первые. Первым был университет при Российской Академии наук, Академический университет. Именно туда в числе двенадцати учеников духовной славяно-греко-латинской академии как знающих латынь забрали двадцатичетырехлетнего Михаила Ломоносова. Академический университет не получил развития и скончался в 1766 году. «При Академии предположено было учредить Университет; но, по свидетельству самого Ломоносова, в его время он не имел полного действия».

(С.П.Шевырев. С.5).

«Численность студентов университета при Петербургской академии уменьшилась до двух десятков...» (Владимир Димов.. С.34).

Когда в Московском университете появилась первая студентка? Московский университет был открыт исключительно для лиц мужского пола. Читая книгу о ректорах, я так и не узнал, когда в Московском университете появилась первая студентка, первая преподавательница.

Впрочем я не прав. Но моя ошибка простительна, так как об этом сказано глухо и неясно. На с.161 («Ректоры Московского университета») я прочитал *«В период ректорства Н. (М.М.Новикова) постановлением Наркомпроса РСФСР в состав Московского университета вошли кафедры и кабинеты женских курсов...»* Кафедры и кабинеты вошли, а всё же когда в Московском университете появилась первая студентка? Этому вопросу не придано никакого значения. А ведь это историческое событие для Московского университета. Не правда ли?

Что может ныне нравиться в тогдашнем университетском уставе?

Университет подчинялся только Правительствующему Сенату. Профессора и учителя были подведомственны лишь университетскому суду. Также и студенты были неподсудны местным властям. Однако директор мог отослать

их к обычному суду. Все университетские чины были освобождены от вычетов из жалования и иных сборов.

Каково было положение профессоров в Московском университете? Каждый профессор ежедневно (кроме суббот и праздничных дней) должен был читать не менее двух часов лекций. Не запрещалось приватное обучение за особую плату, но не в ущерб основной работе. Каждую субботу проводились собрания профессоров во главе с директором - Университетская конференция - для решения всех учебных и иных вопросов.

«В тех же общих собраниях решать все дела, касающиеся до студентов, и определять им штрафы, ежели кто приличится в каких предрезостях и непорядках».

Первое заседание Университетской конференции произошло через полтора года после открытия университета, 16 октября 1756 года. Так долго налаживалась работа университета.

Всякий ли юноша мог стать студентом Московского университета? Студентами университета могли стать при наличии известного уровня образования как дворяне, так и разночинцы. Но не крепостные. Разве что добрый помещик, усмотрев в крепостном юноше большие способности, давал ему вольную.

Откуда брали студентов? Первое время студентов брать было неоткуда. Уровень домашнего образования был низок. Детей учили лакеи и парикмахеры. Лишь бы иностранцы. Указом 1757 года был установлен экзамен всем этим домашним «учителям». Родителей, продолжавших держать не аттестованных «учителей», крупно штрафовали, а «учителей» высылали за границу.

Но пока что студентов брали из духовных училищ. Для подготовки «своих» юношей к университету были учреждены две гимназии: дворянская и разночинская. Но из гимназий пошли кадры только через два года после открытия университета.

Каков был срок обучения и как был организован во времени учебный год? Срок обучения в университете был определен в 3 года. В это время *«никого против его воли и желания от наук не облучать и к службе не принуждать».* Каникулы были положены с 18 декабря по 6 января и с 10 июня по 1 июля.

Что можно заимствовать из процесса обучения на заре Московского университета? Студенческие диспуты. В конце каждого месяца были предписаны диспуты между студентами по заранее подготовленным тезисам, а в конце полугодия предписывались большие диспуты. Первый большой диспут между студентами произошел 17 декабря 1756 года - в последний день занятий – накануне зимних каникул. Отпечатанные тезисы двух студентов опровергали четыре студента. Тезисы утверждались куратором.

Была система наград. Отличившиеся о ходу учебы студенты получали медали.

Была в Московском университете академическая свобода? В

Московском университете академической свободы не было. *«Никто из профессоров не должен по своей воле выбрать себе систему или автора и по одной науке свою слушателям предлагать, но каждый повинен следовать тому порядку и тем авторам, которые ему профессорским собранием и от кураторов предписаны будут» (С.П.Шевырев).* За содержанием речей профессоров следил куратор. Именно он их предварительно просматривал и утверждал.

Был ли в Московском университете теологический (богословский) факультет? Такого факультета не было.

Учредители императорского Московского университета настояли на том, чтобы в Московском университете не было теологического факультета.

«Университет, в отношении ко внутреннему своему устройству, согласно уставам Академии наук, разделен был на три факультета: юридический, медицинский и философский. Попечение о Богословских науках было предоставлено Святейшему Синоду» (С.П. Шевырев, с.13).

А как обстояло дело с философией при царях? В Московском университете положение философии при царизме было нестабильным и переменчивым, а временами и просто трагичным.

Первое время философию начинали изучать уже в одной из четырех гимназических групп. Затем на философском факультете, где, помимо философии, обучали физике, красноречию и стихотворству, а также истории.

С июня 1756 университетской философией заведовал профессор философии Иоганн Генрих Фроманн. Он был выписан из Штудгарда по указанию Шувалова академиком Миллером. *«Ему поручено было преподавание Логики, Метафизики и Нравоучения. Он не отличался особенными дарованиями; но добросовестно исполнял свои обязанности. После девяти лет преподавания, в 1765 году он оставил Россию по расстроенному здоровью» (С.П.Шевырев. С.33).*

Вышеназванный студенческий диспут 17 декабря 1756 года был на философские темы. Его проводил Фроманн. Впрочем философия в Московском университете завелась до Фроманна. Уже в 1755 году. Её выразителями были профессор Поповский и магистр Барсов.

Краткожитель (1730 – 1760) – {выходец из Санкт-Петербурга, русский просветитель, ученик М.В. Ломоносова (к этому и свелось влияние Ломоносова на Московский университет), первый профессор Московского университета, первый ректор одной из гимназий при университете, профессор элоквенции (красноречия) и философии, поэт, переводчик (он перевел, правда, с французского, поэму «Опыт о человеке» своего старшего современника англичанина Александра Попа, 1688-1744, однако при публикации текст был изуродован синодальной цензурой)} - Николай Никитич Поповский. Он произнес речь «О пользе и важности теоретической философии».

Н.Н. Поповский сказал о философии: *«Нет ничего в натуре столь великого и пространного, до чего бы она своими пронизательными рассуждениями не касалась... От нея зависят все познания; она мать всех наук и художеств».*

«Хотя она в частные и подробные всех вещей рассуждения не вступает, однако главнейшие и самые общие правила, правильное и необманчивое познание природы, строгое доказательство каждой истины, разделение правды от неправды от неё одной зависит»,

«...кто посредственное старание приложит к познанию Философии, тот довольное понятие, по крайней мере довольною способностью приобретает и к прочим наукам и художествам».

Однако через 70 лет в конце царствования впавшего в мистический маразм императора Александра I в августе 1825 г. министр просвещения А.С. Шишков направил куратору Московского учебного округа А. А. Писареву «Записку о вредном преподавании философских наук» (Ректоры Московского университета. С.46).

Через четыре месяца произошли известные события на Сенатской площади в Петербурге.

*Стою на Площади Сенатской,
Где к удовольствию туристов
Был ликвидирован левацкий
Уклон наивных декабристов.*

При этом оказалось, что около 60 участников декабристского движения в разное время были воспитанниками университета и приуниверситетского Благородного пансиона (с 1814 г.).

Новый император Николай I, питая отвращение к отвлечённому знанию, хвастался тем, что скоро вгонит всех философов в чахотку.

Философия была исключена из учебных планов университетов. *«В 1830 г. просьба университета к Министерству просвещения о возобновлении курса философии не была удовлетворена»* (Ректоры... С. 53).

«Кафедру философии в Московском университете Катков вынужден был покинуть вследствие общего распоряжения, которым преподавание этого предмета возложено было на духовных лиц, профессоров богословия. (Скоро у нас так будет – авт.). Вскоре после состоявшейся меры относительно преподавания философии император в разговоре с Назимовым, попечителем Московского учебного округа, спросил его: «Случалось ли тебе когда-нибудь читать философские сочинения?» «Нет, ваше величество, не случалось», - ответил изумленный чиновник, который вообще чтение каких бы то ни было книг не считал полезным и приятным занятием. «Ну, а я прочитал их все и убедился, что всё это только заблуждение ума». (Владимир Димов. С. 143).

Министр народного просвещения с 1833 года по 1849 год С. С. Уваров защищал университеты, отчего был заменён в качестве министра просвещения князем Платоном Александровичем Жириным-Шихматовым

(Жириновские-Шихматовы - старинный княжеский род), чьи годы жизни 1790 - 1853. Сей князь прославился своим принципиальным высказыванием о философии: *«польза философии не доказана, а вред возможен»*. В своём официальном циркуляре Жириновский-Шихматов заявил: *«сама философия по шаткости своих начал и по неудовлетворительности результатов, не имея притом определённого объёма и положительных границ, всегда представляет случаи к поползновению»* (цит. по: С.А.Левицкий. *Очерки по истории русской философии*. М., 1996. С.103).

А как обстояло дело с философией при вождах?

«Положительные границы» положили философии большевики. Неудобные мыслители были высланы, другие убиты. Установилась государственная монополия на истину, от чего была поставлена в зависимость безопасность государства.

София была придавлена железобетонной плитой государственной идеологии – философии на службе у политики. Она стала «партийной».

*Настали злые времена,
Когда политика всевластна.
Внушает гению шпана
Что хорошо и что прекрасно.
И он пасует перед ослом.
А правда, словно легкий насморк,
Творится ежедневно наспех –
И зло становится «добром».*

Несмываемым позором для Московского университета является ректорство в нем Андрея Януарьевича Вышинского в 1925-28 гг. – будущего сталинского инквизитора.

Писать о положении философии при тирании кавказского мафиози страшно, противно и стыдно.

*Как мы пред ним пресмыкались!
Вспомните лоб его узкий!
К «Царству Свободы» концлагерь
Был непременно «нагрузкой».*

«Нагрузкой» назывались билеты на плохие спектакли, которые продавцы навязывали покупателям сверх хороших билетов, иначе последние не давали.

Когда я, студент второго курса философского факультета, после коротких зимних каникул вернулся 10 февраля 1949 года, то мне сказалось:

*Приветствую тебя, казармы уголок!
Весь в паутине ты. Давно наук мохнатый*

*Отсюда мысль и совесть уволок,
Оставив нам одни свои цитаты».*

Мафиози уничтожал и чужих, и своих.

*Попы и коммунисты или на мыло –
И над страной возвысилась горилла.*

Сравнение неудачное и обидное для гориллы, которая, несмотря на устрашающую внешность, тихое и мирное животное.

А как обстоит дело с философией при президентах?

ОСНОВНАЯ МЫСЛЬ: Факультет должен сделать выбор с кем он, с наукой или с религией. Философия и фидеизм несовместимы. Вера не может заменить мышление так же, как аршины не могут заменить пуды. Вера – акт воли. Мышление – акт интеллекта.

В настоящее время высшая власть в Российской Федерации в лице досточтимого Президента РФ В.В.Путина практически похерила 14 статью Конституции РФ об отделении церкви от государства и школы от церкви.

Особенно страшно последнее. Вместо того чтобы ориентировать наши образовательные и воспитательные органы на выработку у наших сыновей и дочерей, внуках и внуках ясного, отчетливого, самостоятельного, критического мышления, их толкают во тьму средневековья.

Несостоятельный антинародный режим, взрастивший десятки миллиардеров и десятки миллионов нищих, судорожно хватается, за неимением лучшего, за «чудотворные иконы» и «святые мощи».

Однако многие необуржуи не очень верят в эффективность этой реанимации средневекового мракобесия и переходят к прямому террору против тех, кто, как им кажется, угрожает их скотскому существованию хотя бы сбором информации. Убийство Павла Хлебникова – первый шаг к российскому Пиночету. Теперешнее промежуточное правительство, стремящееся угодить и нашим, и вашим, правда, одним на деле, а другим на словах, правда, сейчас с перепугу наградившее пенсионеров одним килограммом полудешевой колбасы в месяц, смущено таким грубым поворотом событий. Но оно само вскормило своих могильщиков.

Будучи Президентом всё же светского, согласно Конституции, государства при наличии в нем нескольких религий, Президент не имеет права выказывать пристрастие ни к одной из них. В США президенты никак не выказывают свою религиозную принадлежность. Там невозможно, чтобы президент-католик лобызался с католическими иерархами, а сменивший его баптист – с вожаками баптизма. Религиозная принадлежность американских президентов – их личное дело и никак не сказывается на их государственной политике. Все государства ЕЭС, даже Турция, светские – и любые попытки нарушения светского характера государства и государственного образования там пресекаются.

Религии разделяют людей на большие массы, а каждую такую массу сплачивают ненавистью к другой массе с иными религиозными

представлениями как при наличии у них разных богов (мусульманский Аллах, иудаистский Иегова, христианская Троица), так и при наличии у обеих масс единого бога: сунниты и шииты - в мусульманстве, католики и кальвинисты (Ольстер), никоновцы и аввакумовцы (Россия) католики и православные (во всем мире) – в христианстве.

Что касается философии, то уже давно возникла тенденция столкнуть философию с уровня абстрактного мировоззренческого сознания на уровень художественно-мифико-религиозного мировоззренческого комплекса (ХМРМК) и растворить её в мифическом мировоззрении.

Иначе не был бы запрограммирован доклад некоей Б. Н. Горбуновой «Лосев о философии как форме мифического сознания» на Лосевских чтениях в Уфе в 1993 году, который, к счастью, не состоялся.

Однако недавно обнаружилось, что ситуация гораздо серьезнее, чем думалось. По нашему радиовещанию прозвучали слова *«философия от лукавого»*. Это была одна из религиозных передач, которых так много у нас теперь в эфире. И ни одной просветительской, научной! Мы отброшены в допросветительские времена. Надо начинать всё сначала.

Это извне. А изнутри работает «пятая колонна».

Неким большим авторитетом было заброшено утверждение, что превосходство русской философии над западной состоит в её алогичности. Между тем уже древнегреческие стоики предостерегали человечество от такой нелепости. Они сравнивали философию с яйцом и садом, где желток или плоды – этика, белок или плодовые деревья – физика, а скорлупа или ограда – логика. Треснет скорлупа, рухнет ограда – и философии не станет.

Этим же авторитетом утверждалось, что история античной философии есть история истолкования античного мифа. Не мифа, а мира, почтеннейший!

Аристотель был другого мнения о философии. Он противопоставлял мифику и философию и относился к первой пренебрежительно. Фиксировав противоречия в представлениях своего народа о богах, он замечает: *«Впрочем те, кто облакает свои мудрствования в форму мифов, не достойны серьезного внимания»*. Этим мракобесам Аристотель противопоставляет тех, «кто рассуждает, прибегая к доказательствам», то есть настоящих ученых и философов (Аристотель. *Метафизика*. 3, 4, 1000 а // Аристотель. *Сочинения* в четырех томах. Том 1. М., 1972. С.111). Но Аристотеля никто не слушает. А что касается авторитета, то его давно уже нет в живых, но дело его живет.

Фидеизм и анти-сциентизм. Выше отмечалось, что при организации Московского университета было решено не устраивать теологический факультет. Однако в настоящее время такой факультет есть. Незримый теологический факультет на философском факультете МГУ, простирающий свои метастазы на другие факультеты.

Из года в год шлепаются апологетические теологические фидеистские (первенство слепой веры перед разумом и знанием) диссертации – и за них получают философские степени. Между тем религия может присутствовать в

философии лишь как предмет научной критики и научного анализа, для чего существует специальный раздел в философии – философия религии. Религиоведение подавило философию религии. Не случайно соответствующее учебное отделение на философском факультете названо – «отделение религиоведения». А религиоведение без философии религии – всего лишь пропаганда антинаучного мировоззрения.

Стал возможным на лекции для первокурсников грубый, почти что нецензурный, выпад заслуженного профессора против науки (конкретно, физики). И это для первокурсников! Для семнадцатилетних! Эти юноши и девушки выросли в смутное время, когда все старые ценности похерили, а новых не дали.

Разве только такую ценность, как конкурентоспособность, возведенная в ранг «национальной идеи». И здесь поставлена ловушка. Это своего рода провокация. Так и хочется сказать, что, может быть, это и впрямь «национальная идея», но это не наша идея, не идея русского народа, а наша национальная идея в сострадании, в помощи слабому, во взаимопомощи.. Забота о более слабом, прежде всего это женщина и дети, делает мужчину сильным. Иначе он вырождается. И вот мы с вами попали в ловушку. Причем здесь нация? Люди делятся не на русских и евреев, а на порядочных и непорядочных вплоть до людоедов. Это не шутка. И порядочных и непорядочных в каждой нации изрядно. А у какой нации больше, а у какой меньше, то кто считал? Ведь при опросе никто не признает себя непорядочным. А впрочем не мешало бы и проверить.

И если эти юные люди пошли в высшее учебное заведение, нередко обрекая себя тем самым на полуголодное существование, то ясно, что для них наука – ценность, может быть последняя. И всякие выпады против науки в **научном** учебном заведении уже согласно самому понятию недопустимы, даже во имя Абсолюта как это получается у нашего юродствующего профессора. Ключевые слова в последней монографии этого «воспитателя» молодежи - «тщета науки».

Но это никого у нас не трогает. И так думают многие.

Почему-то все факультеты МГУ научные. Даже, надо полагать, филологический факультет. И вот завелась в стаде одна паршивая овца – антинаучный факультет. Одно из двух: или с этим надо кончать на философском факультете, или ампутировать сам факультет.

Факультет не имеет цели для своей деятельности. Такой целью должна быть борьба с современным агрессивным мракобесием.

Семнадцатилетние приходят к нам из школы с искусственно создаваемом у них сумбуром в голове. И этот сумбур возрастает. Некоторые абитуриенты безнадежны. Их место не на философском факультете, а в духовной семинарии.

Но почему-то их принимают на философский факультет. Почему? Потому что критерий оценки состояния мировоззренческого сознания абитуриента отсутствует. А между тем этим закоренелым фидеистам надо прямо вежливо сказать, что они пришли не туда. Почему-то при поступлении на

философский факультет абитуриентам не разъясняют, что значит быть философом. Какие обязательства налагает на них это высокое и тяжелое звание. Тех, кто не безнадежны, надо после школы выпрямлять, формировать у них ясное, отчетливое, самостоятельное, критическое, логическое мышление. Самое великое завоевание человечества – не полеты на Марс, а критическое мышление. Но эти никто не занимается. Просто набивают их головы мертвой, неработающей информацией. И наши юноши и девушки с чем пришли, а приходят они, выросшие в смутное время у телевизора. полными всяких антинаучных предрассудков – с тем и уходит с тем и уходит. А то с ещё большим сумбуром в голове. А может ли быть иначе, если сами заслуженные профессора глумятся над наукой? Уходят учить других.

Логика. В этой ситуации возрастает роль кафедр логики. Они должны не забывать о своей охранительной по отношению к философии роли – роли своего рода «пограничных застав» в сфере духа. Логика и мракобесие несовместимы. Это хорошо понимают сами мракобесы.

Не случайно в индийских «Законах Ману» сказано, что *«тот дважды рожденный, который, опираясь на логику, презирает их (то есть Веды – авт.), должен быть изгнан как безбожник».*

Но этого мало. В Академии наук создана Комиссия по борьбе с лже-наукой. Необходимо и нам создать аналогичную комиссию. – Комиссию по борьбе с лже-философией.

Мы не собираемся бороться со жрецами. Они так же вечны и неистребимы, как вечна и неистребима человеческая глупость.

Мы будем заниматься исключительно своим сословием философов. Мы будем выявлять явных и тайных фидеистов и очищать от них наши ряды. Философия обязывает своих служителей видеть высшую ценность в разуме, а не в вере. Фидеизм и философия несовместимы. Философский факультет Московского государственного университета имени (по недоразумению) М.В. Ломоносова должен решить, с кем он: с мракобесием или с просвещением. Философы, не пора ли опомниться? Впрочем мы как были, так и остались идеологическими проститутками.

МЫСЛЯТА

МИР

Мир — отяжелевший свет.

Уточняйте понятие Материи — и вы увидите, что Материя есть Дух.

В вечности всё существует вечно, потому что всё вечно повторяется
(23.08.1970. Гагра. На море. День отъезда в Москву).

Всё действительное безумно.
(01.10.1972. В поезде Ульяновск-Москва).

Мы обитаем на крошечном засохшем плевке Бога.

Всё возникает на время, а погибает навечно.

Если мысль о небытии существует, то существует ли и то, что мыслится
в мысли о небытии?

ЗНАНИЕ

Люди судят по следствиям, не вдаваясь в причины
(13.05.1989).

Бог не нуждается в обобщениях (23.07.1973. Ульяновск).

История науки — её душа.
Душа науки в её истории.

Науки нет — есть науки
(20.04.1973. Ульяновск).

Наука есть максимальное освобождение человека от его маленького
«яшки».

Всё, что человек говорит истинного и совершает правильного, говорит и
совершает не он (23.08.1970. Гагра. На море. День отъезда в Москву).

Всё неизмеримое лишь правдоподобно (15.10.1972. В Раменках. Лёжа на
доске).

ГДЕ НЕТ ЧИСЛА И МЕРЫ —
ТАМ ХАОС И ХИМЕРЫ.

ПОДЛИННЫЕ ЦЕННОСТИ БЕСЦЕННЫ.

Мир познаваем, непознаваемо лишь знание о мире
(07.05.1973. Ульяновск).

Это было давным-давно, когда между человеком и миром не было ещё
стены знания.
(07.05.1973).

Только дилетанты смелы.

Страшней неправды только полуправда.
(После 18.04.1996).

Нет большей лжи, чем правда.
(Во сне.15.05.2001).

Люди сходятся в истине - и расходятся в заблуждениях
(23.11.1996).

Закон А. Н. Чанышева: При заблуждении ложь становится истиной
(24.08.1996).

Интеллект — это завоевание. Воображение — это данность.

Воображение стихийно.

Интеллектуальное состояние надо достичь, воображение достаточно
освободить.

Правда ситуационна .
(01.11.1996)

ОБЩЕСТВО

Культура — то, что создано человеком, когда он свободен.

Все исторические достижения человечества созданы им в
доисторические времена.

Демократия — это когда над тобой много начальников.

Никто не делает историю. История сама себя делает
(13.02.1973).

Жаждают власти лишь нищие духом (23.10.1973).

Высота потолков зависит от роста тирана (**. 10.1978).

Что лучше: когда все думают одинаково или когда просто думают?

Ничто так не поработает, как борьба за свободу.

Он не вошёл в историю, потому что всегда боялся влипнуть в историю.

Правда ситуационна. (01.11.1996. Английская поговорка: «Истина — дочь времени»)

Интеллигент — тот, для кого духовная жизнь самоценна.

Интеллигента попугай — и перед вами попугай.

Недочеловеки, а таковых большинство,
и оно, действительно, подавляющее,
говорят: «Человек без собственности — не личность»,
тогда как на самом деле человек без совести — не личность
03.06.2000

РОССИЯ

В России пространство останавливает время.

Мы утопили в утопии.

Как мягко бороться с жёсткими структурами? (26.09.1990).

КПСС — инкубатор для тиранов.

Кавказ нам нужен, но кавказцы нам не нужны.

Банкирш всё равно на всех не хватит! (25.05.1995).

ЧЕЛОВЕК

В отличие от животных, человек существует в вещах и сам есть вещь.

Сущность изобретателя в созданных им вещах.

Сущность обывателя в несозданных им вещах.

«Ты есть то, что ты носишь!» (Реклама).

Чем больше человек объективно богаче — тем больше он субъективно беднее

(**.11.1997).

Человек, который страдает за свои убеждения, достоин уважения, но это не значит, что достойны уважения его убеждения

(11.12.1997).

Только **НИКТО** свободен!

(23.08.1996).

Старайся быть, а не казаться!

(14.10.1998).

Право на особенность есть особенность истинного права.

Личность всегда одинока

(03.05.1982).

Люди преходящи — их ситуации вечны

(05.07.1982).

Лишь некоторые высшие проявления некоторых выдающихся людей достойны описания.

Помни, что ты небытие своего небытия!

Если ты не гений, то неважно, кто ты.

После изобретения пулемёта от людей остались лишь пресмыкающиеся
(28.08.1975. Друскининкай).

Будь больше, чем ты есть!

Личность — совокупность её ошибок. Личность — в её ошибках.

Лень метафизическая — в обесмысливании целей.

Не умножай зла системы своим личным злом!

Старость начинается тогда, когда прошлое становится реальнее настоящего.
21.10.72

Я видел талантливых композиторов и доярок, философов и мошенников, артистов и сталеваров. космонавтов и клоунов. Но я так и не встретил просто счастливого человека. Поэтому я поднимаю бокал за самый редкий талант — за талант быть абстрактно счастливым, несмотря на свою конкретную бесталанность

ЖИЗНЬ

Все трагические ситуации имеют свою комическую сторону
(01.01.1998).

Судьба — неслучайная цепь случайных событий
(**.**.97).

Один на всех — все против одного.

Нельзя всю жизнь ходить на цыпочках, воображая себя сверхчеловеком.

Не ходи на цыпочках! Сверхчеловеком ты от этого не станешь.

Не покупайте своё существование ценою своей сущности!

К жизни надо относиться экспериментально.

Старость начинается тогда, когда прошлое становится реальнее настоящего
(21.07.1972. Лёжа на доске в Раменках).

Кто озабочен — мелок
(**.**.1977)

Человек — совокупность его воспоминаний

(19.01.1978).

До смерти ещё надо дожить.

Сложно то, что ложно. Истина проста.

(10.07.1982).

Жизнь сложна лишь для тех, кто поставлен или самим собой или
внешними обстоятельствами в ложное положение

(10.07.1982).

Самоедство — ползучее самоубийство длиной в жизнь.

Если быть — то быть крайним!

Общение деформирует душу

(23.01.1999).

НРАВСТВЕННОСТЬ

Делай добро дОбро!

Если бы не было плохих, кого бы использовали хорошие?

(07.05.1973).

Ненависть непродуктивна

(02.08.1973).

Не умножай зло системы своим личным злом!

Подлость ничто не извиняет.

Человек не имеет права прощать подлость. Разве только Бог.

(**.07.1978).

Всякая подлость есть или злоречие, или злодеяние, или то и другое
вместе, но не всякое злодеяние и не всякое злоречие — подлость.

Отношения между людьми весьма просты: каждый желает поработить
другого. Для этого есть бесчисленное количество способов, начиная с
прямого насилия и кончая любовью и дружбой

(**.07.1978).

Только наивные добры.

ИСКУССТВО

Искусство — мысль, упакованная в образ, или эмоция на образе верхом?

ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ

Мужчина и женщина так же несоизмеримы, как радиус и окружность и так же не могут существовать друг без друга.

Любовь — снятие дурной бесконечности в сексуальных отношениях между полами.

Лучше быть одиноким, чем обманутым.

К одной и той же женщине нельзя прикоснуться дважды.

Встречаться тяжело с бывшею любовью.

В отличие от любви, в ненависти нет соперничества
(1983).

ДЕТИ

Дитя человеческое многое теряет, становясь волком среди волков, но это не значит, что оно ничего не теряет, становясь человеком среди людей, потому что среди богов оно стало бы богом.

Никому не возбраняется любить себя в своих детях.

Дети — наши могильщики. Дети — наше бессмертие.

В мире ребёнка, взрослый, старайся побольше бывать!

От детей можно требовать лишь одно: чтобы они существовали
(**.07.1978).

Я

Моё подлинное существование не подлинно, а моё не подлинное существование подлинно (11.10.1973).

Я — одинокая муха, онанирующая на «Феноменологии духа».

Вся жизнь моя прошла в запасниках.

Это не моё бытие, а следовательно небытие.

Я — левозащитник!

Я погиб из-за неадекватного общения
(12.02.1999).

Моя жизнь как корень из единицы: сколько его ни извлекай — всё равно единица.

Я отягощен прошлым как тепловоз вагонами.
20.08.68

ДУХ

Дух, отдавая, ничего не теряет
(02.04.1984).

БОГ

Без веры в церковь заходить не надо.

Религия заговаривает страх смерти.

Бог не нуждается в обобщениях
(**.08.1973).

Бог не решает наши проблемы и не делает наши дела. Он даёт только силу, чтобы мы сами делали наши дела и решали бы наши проблемы.

Бог — источник энергии и силы.
(08.09.1989. Цхалтубо)

Пифагор /комедия идей/

Москва. Апрель — май 1991 года

Действующие лица

Пифагор, древнегреческий философ.

Двойник, Пифагора.

Теано, жена Пифагора.

Мия, дочь Пифагора.

Милон, пифагореец.

Гиппас, бывший пифагореец.

Филолай, пифагореец.

Архит, пифагореец.

Бронтин, бывший пифагореец.

Екклесиаст, иудейский мудрец.

Периандр, коринфский тиран в образе козлёнка.

Нагасакки, директор японского ресторана.

Гермес, древнегреческий бог.

Прохожий, советский гражданин.

Пифагорейцы, омовцы, танцоры и танцовщицы, зрители Театра имени Пифагора.

Действие происходит в Кротоне в 509 г. до н. э. и в Москве в 1991 г. н. э.

Действие первое

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Пифагор, Двойник Пифагора, Затем Милон.
Вечер воскресенья.

Пифагор. Сколько раз я тебе говорил, чтобы ты не нарушал мои пищевые запреты! Что будут думать обо мне потомки? Я, подлинный Пифагор, не употребляю в пищу ни бобов, ни мяса. Не пью вина. Я пью только чистую родниковую воду. Я и мои ученики — вегетарианцы. Ты и сам был таким недавно. А теперь тебя словно подменили!

Двойник. Что верно, то верно, Пифагор! Я строго соблюдал

предписанную тобой всем нам, пифагорейцам, диету. Но от нее у меня испортился желудок. И врач прописал мне употреблять в пищу именно бобы как послабляющее и даже есть мясо, но не всякое, а лишь молочных поросят и нежных козлят. А что до потомков, то пропади они пропадом! Пусть сами разбираются, что ел Пифагор!

Пифагор. Ничего себе! Молочных поросят и нежных козлят! Где ты их только берёшь? На Центральном рынке, как сообщили «Куранты», молочные поросята стоят больших денег. А о нежных козлятах там вообще ничего не сказано.

Двойник. В конце концов могу я себе это позволить? Моя участь — ты для этого и завёл меня, своего двойника, — умереть вместо тебя, когда начнётся заварушка... А теперь как раз запахло жареным. Килон рвет и мечет... Зря ты тогда не принял его в наше товарищество,

Пифагор. В моё товарищество!

Двойник. Хорошо. В твоё товарищество. Ну, была бы у тебя одна паршивая овца в стаде! Стада без паршивой овцы не бывает!

Пифагор. Как смеешь ты меня поучать! Ты, мое отражение, вздумало читать наставления оригиналу! Знай своё место!... Килон знатен и богат. Он влиятелен в этом городе, Кротоне. Но по своему характеру Килон — грубый насильник, потенциальный тиран. Такая овца испортит всё стадо. Хватит с нас Гиппаса!

Двойник. Он бежал.

Пифагор. Слава богам!... А я ненавижу тиранов и тиранию. Разве не из-за тирании Поликрата я навсегда покинул свою родину, прекрасный остров Самос? И стал политическим эмигрантом!

Двойник. Здесь ты, Пифагор, проявил слабость и малодушие. Ты, мудрейший из эллинов (так о тебе скажет Геродот), ты, кто провел столько лет на Ближнем и даже Среднем Востоке, ты, кто учился у египетских жрецов, у вавилонских халдеев, у индийских гимнософистов, — спасовал перед каким-то жалким тираном! Грош цена всем знаниям, если они не дают власти над людьми!

Пифагор. Поликрат не был жалким тираном. Он окружил себя талантливыми людьми. Вспомни хотя бы того инженера (забыл его имя), кто провел в город водопровод с дальних холмов! Туннель пробивали с двух концов одновременно. И обе половины сошлись!... Да, Поликрат был счастливецом!

Двойник. До поры до времени. О человеке нельзя сказать, что он счастлив, пока он не закончит свои земные дела. Вспомни, как

кончил свою жизнь Поликрат!

Пифагор. Да, боги завистливы к людям!

Двойник. Египетский фараон Амасис его предупреждал, советовал самому от чего-либо отказаться.

Пифагор. Поликрат не нашел ничего лучшего, как бросить в море свой драгоценный перстень.

Двойник. Его проглотила рыба.

Пифагор. Рыбу поймал самосский рыбак.

Двойник. И она оказалась на кухне Поликрата.

Пифагор. А перстень у Поликрата!

Двойник. И тогда Амасис отвернулся от Поликрата. Он понял, что Поликрат обречён.

Пифагор. И персы распяли Поликрата!... Нет, я вовсе не гожусь в тираны! Поликрат же установил за мной тайный надзор. Он подозревал всех, подозревал и меня. Думал, что я хочу его убить и захватить власть. Тираны всегда мнительны. Я не мог больше выносить этот надзор и деспотизм! И мне пришлось эмигрировать. Нет, никогда я не был властолюбцем!

Двойник. Рассказывай! Разве ты не тиран в своём так называемом товариществе? Разве мы не обязаны беспрекословно признавать твой авторитет? Разве не свелось у нас обоснование любой мысли к формуле: «Сам сказал!». И разве мы не должны приписывать все свои открытия тебе? И разве мы во главе с тобой не захватили политическую власть и в этом Кротоне и в других городах, которые наши далекие потомки назовут в совокупности Великой Грецией?

Пифагор. Мой авторитет чисто духовный. А обычай приписывать все эти открытия и догадки себе я ввел в моём товариществе, дабы между вами, моими учениками и сподвижниками, не было зависти и соперничества. Да и власть мы не захватывали. Местные жители сами нам её дали... Что там за шум?

(Входит Милон.)

Милон. Как вы похожи! Я не в первый раз вижу вас вместе. О твоём двойнике, Пифагор, знаю лишь я и твоя жена Теано. И всякий раз, как я вижу вас вместе, я не могу сразу узнать подлинного Пифагора.

Двойник *(разыгрывая Милона)*. Разве ты не узнаешь меня, Милон? Я и есть подлинный Пифагор. Что там за шум?

Милон. Рыбаки выловили в море тело Гиппаса. И все кричат,

что это ты, Пифагор, его погубил. Своим колдовством. Ты знаешь, как любили Гиппаса демократы.

Д в о й н и к. Гиппас был наказан за дело. Он выдал непосвященным наше тайное учение. Гиппас заигрывал с народом, с демосом. А от демоса ничего хорошего ждать не приходится. Этот демос еще себя покажет. И я буду первой его жертвой.

П и ф а г о р (*подыгрывая Двойнику*). Дозволь мне, Пифагор, дополнить тебя! Гиппас открыл демосу нашу кровотокающую рану. Ты, Пифагор, учишь, что в космосе властвуют числа. Числа же состоят, как известно, из единиц, из разного числа одинаковых единиц. Из разного числа раз повторенной единой Единицы, Монады. И вдруг оказалось, что таких Монад много! И все они несводимы друг к другу. Не может быть окружности без радиуса. Но какой бы малой мерой мы ни измеряли радиус, эта мера не уложится в окружности целое число раз.

Д в о й н и к. Да, радиус с окружностью не дружат, хотя и всегда вместе.

П и ф а г о р. Гиппас рассказал об этом открытии несоизмеримости народу. И кроме того, он отказался приписать его тебе, Пифагору.

М и л о н. Все это, может быть, и так. Я хоть и шестикратный олимпийщик, в науках слаб. Я больше предан тебе лично, Пифагор, чем твоим идеям. Но зачем надо было сооружать Гиппасу, тогда еще живому, гробницу? И писать на ней: «Здесь покоится всё то, что осталось от Гиппаса-ренегата»? И вот он утонул в море, когда бежал от нас из нашего города. Народ возмущён. Он любил Гиппаса.

Д в о й н и к. Еще бы! Гиппас так заискивал перед демосом! Демагог! Он провозгласил, что истина ни для кого не должна быть тайной! Все, мол, имеют право на истину, как бы горька она ни была!

П и ф а г о р. Гиппас глубоко ошибался. Не все могут вынести истину. Разве легко вынести мысль, что в космосе многое не имеет общей меры, а следовательно иррационально? Это нелегко даже Пифагору.

Д в о й н и к. Да и мне, Пифагору, нелегко это вынести! Еще Гесиод говорил «Меру во всем соблюдай...»

П и ф а г о р. «...и дела свои вовремя делай!».

Д в о й н и к. А мудрец Клеобул сказал: «Мера наилучшее!».

П и ф а г о р. И Гераклит говорил о мере. Он думал, что мировой

огонь то мерами загорается, то мерами гаснет.

Двойник. И Анаксимандр учил, что вещи гибнут, когда нарушают как чужую, так и свою меру. И все растворяется в апейроне, в безмерном.

Милон. О, боги! Кто же из вас подлинный Пифагор? Вы оба так умно говорите!

Двойник. Мы и в самом деле так похожи друг на друга, что почти одно. Мы порой и сами не знаем, кто из нас подлинный, а кто мнимый Пифагор.

Пифагор (*в сторону*). Доигрался! До чего дошло дело! Глядишь, мой двойник меня свергнет. Копия готова восстать на оригинал!

Милон. Надо что-то решать с Гиппасом!

Двойник. Докажем, что он утонул не по нашей вине, а по пьянке. Свалился за борт. Все знают, что сей демократ любил выпить.

Пифагор (*в сторону*). Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала!

Двойник. Надо проверить его на алкоголь.

Милон. А если алкоголя в его крови не окажется?

Двойник. Возьми одноразовый шприц и ночью тайком введи ему в вену немного спирта. Завтра мы устроим экспертизу.

Милон. На такую подлость я не пойду! Это хуже, чем допинг на Олимпийских играх! Да, теперь я понимаю, кто есть кто! Ты, выдающий себя за Пифагора, не Пифагор! Только я не понимаю, почему ты, Пифагор, позволил своему двойнику так меня дурачить! И почему ты молчишь, когда твой двойник предлагает мне совершить такую мерзость? Подлинный Пифагор не мог бы подать такой совет.

Пифагор. Это не совет, Милон, а приказ. Делай, как тебе говорят!

Милон (*в ужасе*). О, боги! Они оба друг друга стоят! Копия и оригинал, оригинал и копия слились в одном злодеянии.

(*Уходит.*)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Утро понедельника. Двойник Пифагора, Филолай, Архит и другие пифагорейцы в белых льняных одеждах на морском берегу встречают восход Солнца, которое для Кротона

поднимается прямо из моря. Вдали показывается из-за мыса корабль на подводных крыльях. Он быстро приближается. Пифагорейцы с ужасом видят на борту Г и п п а с а .

Ю н ы й Ф и л о л а й. Смотрите! Смотрите! Гиппас! Разве он не утонул?

Еще более юный А р х и т. Разве он не утонул?

Д в о й н и к. Вот те раз!

Г и п п а с (*сходя на берег*). Что вы так на меня уставились, пифагоровы овцы!

Д в о й н и к. Разве ты не утонул?

Г и п п а с. Откуда ты, Пифагор, это взял?

Д в о й н и к. А кто же тогда лежит у нас в морге?

Г и п п а с. Уж не я, конечно. Я жив и здоров, вопреки всем вашим проискам.

Д в о й н и к. Уж нет ли у тебя двойника, Гиппас?

Г и п п а с. Я не чета тебе, Пифагор! Если ты и в самом деле Пифагор! Ведь пошел слух, что ты, Пифагор, раздвоился. Тебя в один и тот же день видели и в Кротоне, и в Метапонте. А расстояние между ними больше, чем в день пути!

Д в о й н и к. Что за чушь! Я Пифагор, единый и неделимый.

Г и п п а с. Ну, это мы еще посмотрим! Пока же я требую суда. Ты повсюду порочишь меня! Обзываешь «так накрываемым демократом». Говоришь, что я пьяница. Утверждаешь, что я рвусь к власти... Пусть нас рассудит с гобой собрание пифагорейцев, а затем всего кротонского народа. Вы тогда вдруг так на меня набросились, что я смалодушничал и бежал из Кротона. Теперь я одумался — и требую разбора моего дела.

Д в о й н и к. Ты ничего не можешь требовать, ренегат! Проси! Умоляй! Может быть, мы тебя и простим. Мы подумаем. А теперь нам пора завтракать. Прощай!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Тот же понедельник. День. Собрание пифагорейцев, Присутствует подлинный Пифагор. Двойника держат про запас. Если начнутся беспорядки, то Двойник должен подменить Пифагора. Итак: Пифагор, Филолай, Гиппас и другие пифагорейцы. Прохожий.

Пифагор. Друзья, мы собрались здесь, чтобы ещё раз

заклеймить Гиппаса. Он не утонул. Вчерашний труп был так обезображен, что его приняли за тело Гиппаса только по перстню. Оказывается, перстень был украден у Гиппаса на корабле, когда тот спал. За борт свалился спяну вор. Его порядком объели хищные рыбы. Отсюда и ошибка. Ты, Гиппас, извини нас за эту ошибку. Мы думали, что это ты утонул... Надо выбрать председателя собрания. Я предлагаю Филолая. Он молод, но умён. У него есть характер. Кто за? — Единогласно.

Филолай. Разрешите открыть собрание. Тебе слово, Гиппас. Оправдайся!

Гиппас. Я здесь не для того, чтобы оправдываться! Я здесь для того, чтобы обвинять тебя, Пифагор!

Филолай. Если дело принимает такой оборот, то проверим еще раз, не проник ли сюда кто-либо посторонний. (*Входит Прохожий.*) А это еще что такое? Кто ты?

Прохожий. Я к вам послан из двадцатого века нашей (не вашей) эры! Прошу разрешить мне присутствовать на вашем собрании! Я пишу книгу о Пифагоре.

Пифагор. Ни в коем случае! Мне о тебе писали. Ты — некий Прохожий. Друзья! Этот Прохожий из Скифии — скептик и киник. Пасквилянт! Он любит всё передергивать и изображать в ложном свете. Из трагедии он делает комедию, из комедии — трагедию. Он нигилист. В своем маломерном «Трактате о небытии» он тщится доказать, что только небытие существует. Что за чушь! Гнать его отсюда!

Прохожий. Прошу поставить мой вопрос на поимённое голосование!

Филолай. Ну что же! Чтобы не выглядеть плохо в будущих веках, проголосуем поименно. Смотрим на табло! Подавляющее большинство против твоего присутствия, Прохожий!

Прохожий. Пифагор и Филолай! Вы ко мне несправедливы. Разве не я вас реабилитировал в своих учебных пособиях? До меня тебя, Филолай, не было даже в программе по истории философии. Да и тобой часто пренебрегали, Пифагор. Если и упоминали, то как мракобеса и реакционера. Я же доказал, что ты великий философ и учёный. Для своего времени, разумеется.

Пифагор. Это правда?

Прохожий. Клянусь Зевсом!

Пифагор. Значит, меня плохо информировали. Друзья, оставим Прохожего?

Все (*дружно*). Оставим!

Филолай. Слово тебе, Гиппас! И пусть не говорят, что мы зажимаем гласность. Здесь не Верховный Совет.

Гиппас. Господа! Я буду резок. Да простят меня боги! Я хочу призвать вас вынести Пифагору вотум недоверия. Ваш Пифагор — тёмная лошадка. О тебе, Пифагор, многие говорят многое. И все разное. Даже о твоём отце мнения расходятся. Одни утверждают что твой отец — финикиец. Другие, что он этруск. Третьи, что твой отец — урожденный самосец, грек. А ты? Как ты мог уехать первый раз с Самоса при Поликрате и вернуться туда же при всё том же Поликрате? Поликрат правил всего двенадцать лет, а ты, если верить Ямвлиху, провёл в странствиях тридцать четыре года: двадцать два года в Египте и двенадцать лет в Вавилонии. И вернулся ты на Самос, по Ямвлиху, в пятьдесят шесть лет, а по Порфирию — в сорок. Сколько тебе на самом деле лет, Пифагор? И кто ты?

Филолай. Я протестую против такого тона, Гиппас! Мы не позволим так говорить о нашем дорогом учителе! О человеке надо судить не по анкетным данным, а по тому, что он собой представляет сам по себе. А кто его родители — не так уж и важно. Главное, чтобы сам человек был хорошим! Что ты можешь сказать против Пифагора по существу, Гиппас?

Гиппас. Я обвиняю Пифагора в тоталитаризме. Созданный им союз, его так называемое товарищество обезличило всех нас, — точнее говоря, раз вы меня изгнали, всех вас! Но сам союз не обезличен! Пифагор отождествил его со своей особой. А кроме того, Пифагор по примеру египетских и других жрецов делает из науки тайну, доступную лишь элите. Знание же должно принадлежать всему народу!

Филолай. Твоя позиция ясна, Гиппас. Кто желал бы взять слово? (*Все молчат.*)

Пифагор. Позволь тогда мне. Гиппас не прав. Посмотрите, как разумно устроено наше товарищество! Какой у нас прекрасный образ жизни! Обыденная жизнь так тяжела и суетлива, что в одиночку нельзя быть ни ученым, ни философом. Затопчут. Надо вести особый образ жизни. Сделать же это можно только сообща. Жить вместе. Вместе работать. Вместе питаться. Не допускать к себе любого. Иметь общую собственность.

Нашей коллективной собственностью управляют особые экономеры. И кто может сказать, что они или ещё кто-то пользуются

этой собственностью в своих корыстных интересах? Мы создали совместное предприятие с японцами. По добыче морской капусты. И об этом не жалею. Японцам, правда, пришлось уступить половину нашего пляжа, но они нам построили за это далеко выступающий в море мол, с которого так хорошо ныряется. Мы соблюдаем диету. Не пьем вина. Не то, что некоторые. Нет, я вовсе не намекаю на тебя, Гиппас! Всем известно, что ты трезвенник.

Что же до истины, то я думаю, что истина часто бывает социально опасна. Всё не должны знать все! И все не должны знать всё! Мы следуем заповеди Канта: «Говори всё правду, но не всю правду!». А ты, Гиппас, раскрыл всем страшную тайну о несоизмеримости. И тем самым посеял в душах людей ужас и уныние. Ты выдаешь себя за демократа. Но разве несоизмеримость не говорит в пользу неравенства? Даже муж и жена несоизмеримы. У них нет общей меры! Надо ли об этом говорить народу? Мы стремимся ко всеобщей гармонии. Люди должны быть счастливы вопреки истине. Пусть только мы будем несчастны! Пусть только мы знаем, что мир — не космос, что мир не таков, как мы его представляем народу, не прекрасное целое! Мы не демократы, но мы народолюбыв, «демофилы». А ты, Гиппас, всего лишь так называемый демократ!

Гиппас. Нет, Пифагор, позволь с тобой не согласиться! Умолчание — тоже ложь. Пусть и пассивная. Народ должен знать всю правду! Он сумеет переварить всякую истину, как бы горька она ни была. Да и почему всё должно измеряться одним аршином? Одной мерой? Одной и той же единицей? Это тоталитарно! Космос же плюралистичен. Несоизмеримость говорит лишь о том, что космос устроен сложнее, чем ты думаешь. Ты знаешь только рациональные числа. Но есть иррациональные числа. Что поделаешь? Да, между окружностью и радиусом затесалось число «пи»! Разве из-за этого у каждой окружности нет радиуса? А у каждого радиуса — окружности? То, что кажется невероятным арифметически, вполне наглядно геометрически. Если люди не будут знать, что в космосе много иррационального, то они будут часто ошибаться и ушибаться. А так у них будет хоть объяснение для их ушибов. Наткнулся на иррациональное! Истина сперва пугает, но потом и примиряет человека с миром.

Филолай. Господа! Позитии ясны. Кто хочет взять слово?

Прохожий. Позволь мне!

Филолай. Ты не пифагорец.

Пр о х о ж и й. Нет, я пифагореец. Кто сказал: «Где нет числа и меры — там хаос и химеры»?

П и ф а г о р. Ты в самом деле это сказал?

Пр о х о ж и й. Вот моя «Италийская философия». Вот мои «Лекции по древней философии». Вот бывшая газета «Социалистическая индустрия». Вот калифорнийский еженедельник «Панорама». Это было опубликовано четырежды.

Ф и л о л а й. Я думаю, что Прохожему можно дать слово. Говори! Но покороче!

Пр о х о ж и й. Да, верно, что многое иррационально, несоизмеримо, непримиримо. Для того и существует житейская мудрость, чтобы примирять непримиримое. Да, верно, что мужчина и женщина несоизмеримы. А для чего тогда любовь? Разве я не сказал:

«Все люди в душе ненавидят друг друга.
В самом деле, что может быть отвратительней человека?
Но есть одно чудо — и оно зовётся любовью,
Когда двое свою неприязнь загоняют в глубины сознания.
Но это не может быть долго. Неприязнь прорывается снова.
Сперва понемногу, потом всё сильнее и чаще.
И вот, наконец, эти двое, к которым питали мы зависть,
Вновь преисполнены рознью — и всё же не могут расстаться

—
Их держит могучая сила привычки...
Я знаю об этом — ведь я уже очень не молод...
И всё-таки я обожаю влюблённых!
Я, презирающий суеверных, алкоголиков и наркоманов,
Я, не верящий в любовь,
Завидую вам, влюблённые,
Потому что если в жизни и есть какой-нибудь смысл,
То он в чуде, которое мы называем любовью!»

Ф и л о л а й. Тоже мне поэт!

Г и п п а с. А мне понравилось!

Пр о х о ж и й. Спасибо, Гиппас:

«Поэты любят, чтобы их хвалили.
Поэт — ребёнок, даже если сед...»

Г и п п а с. А дальше?

«Он строит замок из словесной пыли.
И имя замку этому — сонет...»

Ф и л о л а й (*смотрит на часы*). Однако пора делать перерыв.

П и ф а г о р. Друзья! Мы сегодня обедаем у японцев, в их ресторане «ХирОсима».

А р х и т. А разве не «ХиросИма»?

П и ф а г о р. Нет, правильно ХирОсима. Так говорят наши японцы.

П р о х о ж и й. Жаль. Значит, у меня неправильно.

Г и п п а с. А что?

П р о х о ж и й. Я как-то сказал:

«Я преступник. В мир ужасный,
В мир, сорвавшийся с путей,
Я, бесправный и безгласный,
Водворил своих детей.

Нас по кочкам над трясинной
Твёрдой поступью ведут.
Небо пахнет Хиросимой.
Наступает Страшный Суд».

А разве вы обедаете? Ямвлих пишет только о ваших завтраках и ужинах.

П и ф а г о р. Мы, действительно, до недавнего времени могли позволить себе только завтраки и ужины. И то часто состоящие из одного хлеба и чистой родниковой воды. Хотя мы у власти, мы небогаты. У нас нет никаких привилегий, кроме привилегии власти, которую мы используем на благо народа. Мы против богатства и стяжательства. Богатство развращает людей. Богатство порождает в душах людей суетные, пагубные, излишние и дерзкие желания. Нет ничего чрезмерно непристойного, к чему бы ни стремилась душа богатого человека, будь то мужчина или женщина. Для таких людей дорога в наше товарищество закрыта. Да и кто из богатых согласится отдать свои богатства в наш общий котёл? Чем человек богаче, тем он жаднее! Так что мы бедны. Правда, теперь, когда мы отдали японцам половину нашего пляжа, мы немного разбогатели.

Во всяком случае, японцы обязались кормить нас морскими водорослями два раза в неделю. Сейчас как раз наступило время очередной кормёжки. Можешь пойти с нами. Правда, ты, Прохожий, хотя по убеждениям и пифагореец, не член нашего товарищества. Так что тебе придётся заплатить самому за себя.

Прохожий. Нет, мне это не по карману. Я всего лишь ведущий научный сотрудник.

Пифагор. А кого и куда ты ведешь?

Прохожий. Никого и никуда. Эта должность просто так называется. Нет, я не пойду с вами. Цены так подскочили!

Гиппас. Я заплачу за тебя, Прохожий. Да и цены у нас пока не подскочили. «Павловщина» до нас еще не дошла. Ей идти до нас две тысячи пятьсот лет. Ведь мы сейчас в 509 г. до вашей эры. Да и реформы назад не ходят.

Прохожий. Спасибо, Гиппас! Я пойду с вами. Не потому, что я люблю морскую капусту. А просто за компанию.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Тот же день. Вечер. Пифагоров Двойник, Японский ресторан в пифагорейском квартале на берегу моря. Гиппас, другие пифагорейцы, Нагасаки, японские официантки и танцоры, Прохожий.

Нагасаки. Господа! Мы рады принимать вас в нашем ресторане «Хиросима». Наше совместное с вами предприятие по добыче морской капусты процветает. Сосланные к нам в Японию бывшие пифагорейцы работают хорошо. Правда, большинство из них уже вымерло. Мы надеемся на новые поступления рабсилы. И хотелось бы кадры покрепче.

Двойник. Мы отправляем к вам тех, кто не слушается старших, недостаточно уважает Пифагора. Мы и Гиппаса хотели к вам отправить, но он сбежал. А теперь вернулся и затеял бузу. Он проиграет. И мы отправим его к вам вместе с его сообщниками. Человек сорок наберётся.

Гиппас. Мы ещё посмотрим, кто кого отправит. А кстати, Пифагор, где же твоё золотое бедро? Или ты не Пифагор? Двойник?

Двойник. Нет, я Пифагор. А золотое бедро я сдал в ломбард. Сейчас золото подорожало, а преступность возросла. Так что иметь

золотое бедро стало небезопасно. Мне заменили его пластмассовым.

Нагасаки. Господа пифагорейцы! Пифагор! В вашу честь мы подготовили небольшое представление. Балет чисел и пифагорейских пар противоположностей. Будьте снисходительны! Мы ещё только учимся.

Двойник. Мы все внимание.

(На эстраду выбегает Единица. Затем вторая. Они танцуют Танец Единиц. Их незаметно сменяет Двойка. Две Единицы то быстро заменяют её, то Двойка их. Выбегает еще одна Единица. Танцует с Двойкой. Их незаметно сменяет Тройка. Она то распадается (путём смены) на Единицы, то соединяется (путём смены) в Тройку. Выбегает ещё одна Единица. Тройка и эта Единица превращаются в Четвёрку. Единица, Двойка, Тройка и Четвёрка танцуют вместе и незаметно превращаются в Десятку (Декаду). Затем выбегают Предел и Беспредельное. Между ними появляется Гармония, которая пытается соединить их. Но Беспредел и Предел ссорятся. Гармония снова их примиряет. Предел в конце концов подчиняет себе Беспредел и уезжает на нём со сцены. Далее танцуют пары: Единое и Многое, Нечет и Чет, Мужское и Женское, Добро и Зло, Свет и Тьма.)

Двойник. Очень хорошо, Нагасаки! Спасибо. *(Танцоры кланяются и ухо- дят.)*

Гиппас. А всё-таки, Нагасаки, ты нехорошо изобразил Предел и Беспредел. Почему у тебя Предел уезжает со сцены на Беспределе?

Нагасаки. Таково учение Пифагора, насколько я понял.

Двойник. Ты, Нагасаки, совершенно правильно изобразил мое учение. Предел должен господствовать над Беспределом. В этом основа порядка. А без порядка все общество рушится... Однако нам пора.

(Пифагорейцы доедают морскую капусту, допивают воду и уходят. Остаются только Гиппас и Прохожий.)

Прохожий. Гиппас! Ты веришь в переселение душ?

Гиппас. Раньше верил, а теперь разуверился. И за это меня также ненавидят пифагоровы овцы. Вместе со своим пастухом. Пифагор утверждает, что он знает все свои предыдущие воплощения. Помнит, кем он был раньше. Он побывал даже в павлинах. Представь себе: Пифагор — павлин! Он и есть павлин. Любит покрасоваться.

Пр о х о ж и й. Почему вы так не любите друг друга? По отношению к тебе Пифагор изменяет провозглашенному им правилу говорить истину и делать добро. Говорят, что он хотел сфальсифицировать твою смерть и приказал ввести в твой мнимый труп алкоголь.

Г и п п а с. То, что провозглашает Пифагор, часто пустые слова. Пропаганда! И он забыл, что кровь в трупе не движется. Так что алкоголь остается в том месте, куда его ввели. Грабитель же и в самом деле был пьян. Оттого анализ удался. Да только это был не я.

Пр о х о ж и й. Да, даже самые великие люди иногда поддаются самым низменным страстям и оказываются способными на подлость. Что-то мне это напоминает... Нечто похожее происходит и у нас.

Г и п п а с. Нет, я не из-за личной обиды ненавижу Пифагора. Он, взяв власть в Кротоне и в некоторых других городах Великой Греции, установил тоталитарный режим, да ещё к тому же обобществил собственность. Пока ещё в рамках своего так называемого товарищества. Но думает провести это и во всем государстве.

Пр о х о ж и й. Разве плохо, если у друзей всё общее?

Г и п п а с. Не все люди — друзья. Там, где нет частной собственности, человек целиком и полностью зависит от начальства, от властей, от государства. Он не автономен. Он не личность.

Пр о х о ж и й. Оставим пока это! Мне эта тема надоела. Об этом у меня достаточно поговорили Платон и Аристотель, Томас Мор и Кампанелла, Гесиод и Софокл, Сюнь Цзы и Мен Цзы, Гоббс и Локк, Руссо и Робеспьер в моей «Беседе философов»... Скажи, Гиппас, тебе не бывает страшно? Не нападает ли на тебя уныние? Острое сознание тщетности всего?

Г и п п а с. Бывает. Но надо воздать должное Пифагору: он научил нас с этим бороться. Психотерапевт он отменный. И мы гоним от себя и уныние, и беспокойство, и страх. Много нам здесь помогает наша музыка. Но не та, которая возбуждает страсти, так что музыкальное шоу кончается побоищем, а та, которая, напротив, утишает. Мы и с гневом боремся музыкой. Если мы разгневаны или просто возбуждены, то играем на флейте. Большое значение имеет и диета. Мы умеем быть и не слишком веселыми. Ведь за большим весельем следует печаль. Мы пребываем в умеренно радостном ровном состоянии духа... Однако теперь, когда поссорились

Пифагор и Килон, Пифагор и я, — всё пошло прахом. Пифагора не узнать. Я вижу в нем тирана.

Пр о х о ж и й. Да, я знаю, что уныние — грех. Впадать в уныние — значит, не верить, что Бог благ и что созданный им мир, несмотря ни на что, тоже благ. Но тщетно твержу я молитву Ефрема Сирина, в которой он просит Бога избавить его от уныния. Мне кажется, что более прав Силен у Софокла, когда говорит: «Высший дар не рожденным быть!» Впадать в уныние у нас считается антипартийным. Значит не верить в светлое коммунистическое завтра. К сожалению, и эта вера пошатнулась. Попасть в это завтра — то же, что достичь линии горизонта и даже зайти за неё. Я как-то сказал иронически:

«Мы все уверены: зайдём за горизонт
И там с Земли дорога есть на Небо.
Там никому не угрожает фронт.
Там всем хватает и жилья, и хлеба...»

Но даже если это завтра и возможно, оно не для меня, а для будущих поколений. Мы же — только навоз для коммунистической рассады. А в Бога я так и не могу поверить. Слишком много зла в жизни! Почему Он это терпит?

Г и п п а с. Я ничего не знаю об этом. Это еще только будет. Но я вижу, что вам не лучше, чем нам.

Пр о х о ж и й. Хуже. У вас по крайней мере почва, вода и воздух чистые. Даже огонь у вас чище нашего.

Г и п п а с. Оставайся у нас, Прохожий! Мы тебя вылечим от твоего уныния.

Пр о х о ж и й. Спасибо. Но я на то и Прохожий, что нигде никогда не остаюсь. Я всего лишь Прохожий. Я ни во что не вмешиваюсь, ничего не пытаюсь исправить. Я прохожу мимо. И таких, мимоидущих, много. Я как-то сказал:

«Мы на Бога похожие,
Но, в отличие от Бога,
Все мы в мире прохожие.
Бесконечна дорога...»

И ещё:

«Все мы временно прописаны
В этом мире — а за гробом
Будем яростно освистаны
Самим Богом...»

Г и п п а с. Твое уныние от неправильного образа жизни. Разве можно быть счастливым в ваших супергородах?

П р о х о ж и й. Нельзя. Я как-то сказал так:

«Хочу бежать, уехать из Москвы!
Мне не под силу этот супергород.
Хочу в деревне жить среди листвы...
Куда бежать, когда повсюду голод?»

Теперь голод стучится и в ворота нашего бывшего образцового коммунистического города. Теперь это большая помойка!

Г и п п а с. Значит, и впереди нет ничего хорошего! Все же не будем поддаваться унынию! Несмотря ни на что, жизнь прекрасна.

П р о х о ж и й (*подхватывая*).

«Жизнь прекрасна.
Небо ясно.
Воздух чист.
Трехпрограммный репродуктор —
Оптимист!»

Г и п п а с. Правильно! А что такое репродуктор?

П р о х о ж и й. Это такая штука, которая сама говорит. И очень громко.

Г и п п а с. Вот, оказывается, почему река Кас заговорила вдруг с Пифагором. «Пифагора, хайре!»

П р о х о ж и й. Что значит: «Пифагор, радуйся!» Ваше приветствие лучше нашего «Здравствуй!» Быть здоровым еще мало. Надо быть радостным! Не унылым, как иногда я. Вы все здоровы, если не больны. И живёте долго, если не умираете раньше.

Г и п п а с. Смеёшься? Это хорошо. Сознайся, что это ты привёз Пифагору этот самый репродуктор?

П р о х о ж и й. Я. Я не думал, что Пифагор так его использует. Чтобы пустить всем пыль в глаза.

Г и п п а с. Пифагор выдает себя за бога, Аполлона Гиперборейского. Он якобы происходит из семени лучшего, чем человеческое. Иногда, правда, он сознается, что он не бог, а полубог, герой, сын Аполлона. Но по мере того, как он стареет, он все больше делает вид, что он бог.

П р о х о ж и й. А почему Пифагор называет тебя, Гиппас, «так называемым демократом»?

Г и п п а с. Я подлинный демократ. Я уверен, что власти должны периодически избираться всем народом и столь же периодически отчитываться перед народом и сменяться, а тем самым народ будет причастен к управлению государством как своим общим делом. Пифагор же обзывает меня «так называемым» из зависти. Он завидует моей популярности у народа.

П р о х о ж и й. Разве народ может управлять самим собой? Когда же тогда он будет работать? Всегда были, есть и будут управляющие и управляемые. Да и можно ли народу доверить власть? Смотри! Ты говоришь, что народ тебя любит. Но он любит и Килона, этого явного кандидата в низкопробные тираны.

Г и п п а с. Килон играет на низких инстинктах народа. Я же стремлюсь облагородить народ. Привить народу любовь к добру и к свободе.

П р о х о ж и й. А может ли свобода быть доброй?

Г и п п а с. Свобода бывает, конечно, всякая. Чтобы быть доброй, она должна сопровождаться нравственной ответственностью, совестью и стыдом. Совесть, стыд и свобода — вот та триада, которую я и мои друзья стараемся внедрить в наше общество.

П р о х о ж и й. Желаю тебе удачи! А мне пора возвращаться домой. Завтра у меня спецкурс по Пифагору.

Г и п п а с. А хорошо ли тебя слушают твои студенты?

П р о х о ж и й. Не очень. Лектор я никудышный, да и пыль в глаза пускать не умею.

Г и п п а с. Напрасно! Учись у Пифагора. Он, как прибыл в Кротон со своего острова Самоса, так сразу произнес четыре речи. Всех очаровал. Многие побросали свои дома, своих родителей, своих детей, своих жен, своих мужей и пошли за ним.

П р о х о ж и й. Да и у нас есть такие ораторы!

Г и п п а с. Так или иначе, передавай им всем от меня привет! Я хотел сказать «пифагорейский», но вспомнил, что я теперь не пифагореец. Они меня из своего так называемого товарищества изгнали. До свидания. Мы ждем тебя в субботу. Будет большое

народное собрание. Митинг, по-вашему.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Поздний вечер того же дня. Пифагор. Затем Екклесиаст.

Пифагор (*в глубоком и тягостном раздумье*). Да, вот и настали чёрные времена! А как я старался всех сделать счастливыми! И теперь все против меня. Враг внешний: Килон и килоновцы. Враг внутренний: Гиппас и его банда. Я чувствую, что у него много единомышленников в моем товариществе. А я уже стар. И мне всё труднее бороться с судьбой. Гиппас сказал, что я темню насчет своего происхождения. У меня и в самом деле было три отца. Во всяком случае, каждый из них считал меня своим сыном. На самом деле, как однажды призналась мне под большим секретом моя мать, Пифаида, я сын бога Аполлона. Разве не скажет обо мне некий самосский поэт: «Фебу, Зевесову сыну, рожден Пифагор Пифаидой»?

Все мои мнимые отцы были тезками. Каждого звали Мнесарх. Каждый Мнесарх многое сделал для меня. Один Мнесарх был финикийцем. Он возил меня в Финикию, чтобы я там учился у финикийских жрецов. Другой Мнесарх, тирренец, открыл мне Запад, этот полуостров. Поэтому я знал, куда бежать второй раз со своего родного острова Самоса. На Востоке я уже бывал. Он был завоеван персами. Там мне делать было больше нечего. Оставалась лишь одна дорога — на Дальний Запад нашего греческого мира. Третий Мнесарх — грек, самосец, урожденный самосский гражданин (а не принятый в число граждан, как два других Мнесарха), воспитывал меня в греческой традиции. Я и в самом деле чистый грек. Моя мать гречанка. Отец — Аполлон, лучезарный Феб, греческий бог.

С детства меня обуревала жажда знания. Юношей я поехал в Ионию, это рядом с Самосом. Он отделен от Малой Азии лишь узким проливом. В Милет, к мудрецу Фалесу. Он был уже стар. С ним был его ученик Анаксимандр. Он был намного моложе Фалеса. Умерли они оба, правда, почти в одно и то же время. Фалес посоветовал мне повторить его путь и побывать в Египте. Анаксимандр рассказал о своем апейроне, безмерном. Анаксимандр был слишком восточным человеком по своему мировоззрению. Он не понимал, что безмерное, беспредельное, беспредел не может

быть единственным началом сущего. Тогда все определенное не имеет законного права на существование. Не имеет опоры в самом бытии. Существует на свой страх и риск. И даже виновно перед апейроном в том, что выделилось из него. Я же открыл второе начало: предел, форму, меру. Беспредельное и предел, безмерное и мера, бесформенное и форма, — вот истинные начала мира. В основе же предела, формы, лежит число. Предел и беспредел не очень любят друг друга. Они враждуют. Но над ними есть гармония. Она их примиряет. Связывает. Подчиняет беспредел пределу. Подчиняет... Подчиняет... Подчиняет... Предел — это мы. Беспредел — народ. Стихия. Без формы. Без разума. Без числа... Да, число правит миром! Мир без числа бессмыслен и непознаваем. Именно благодаря числу он становится прекрасным целым, Космосом.

Об этом так хорошо сказал Филолай в своей книге... Видят боги! Я не завидую Филолаю! Нет, не завидую! Хотя пока что он не приписал свою книгу мне! Не приписал! Не захотел... Я все же люблю Филолая... Люблю... Не приписал... «Нет, никогда я зависти не знал», — как скажет потом Пушкин. Мы философы, любомудры. Нет ничего лучше мудрости. Мудрость дает счастье. Быть мудрым и быть счастливым, скажет со временем Цицерон, одно и то же. Мудрец не может быть несчастлив. Почему же я теперь несчастлив? Или я не мудрец?

(Появляется Екклесиаст.)

П и ф а г о р. Кто это?

Е к к л е с и а с т. Это я, Екклесиаст!

П и ф а г о р. Как ты здесь оказался?

Е к к л е с и а с т. Мы плывём из Палестины в Канны на кинофестиваль. А по дороге я решил навестить тебя, Пифагор. Когда ты был на Востоке, нам так и не удалось встретиться. Дарий не отпустил тебя ко мне... Прости, Пифагор! Я нечаянно слышал твои последние слова. Ты разговаривал сам с собой... Нет. Ты мудрец! Ты окончательно стал мудрецом именно теперь, когда понял, что мудрость и счастье несовместимы, что бы ни говорил Цицерон... Слушай, что я скажу тебе, Пифагор, и запоминай! Во многой мудрости много печали!. Во многой мудрости много печали! Во многой мудрости много печали!... Кто умножает познание, умножает скорбь. Кто умножает познание, умножает скорбь... Мудрого не будут помнить вечно, как и глупого...

П и ф а г о р. А как же историческая память? Как же прогресс

наук и искусств?

Екклесиаст. О каком прогрессе ты, Пифагор, говоришь? Никакого прогресса нет! Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под Солнцем... Род приходит и род уходит... восходит Солнце и заходит Солнце... идет ветер к югу и переходит к северу, кружится, кружится, на ходу своем, и все возвращается на круги свои. Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было. Да, все повторяется, повторяется, повторяется. Жизнь и смерть. Плач и смех. Отчаяние и радость. Люди то разбрасывают камни, то собирают камни... То разбрасывают, то собирают камни... Ищут и теряют... И снова ищут, чтобы снова потерять... Всеу своё время: время молчать и время говорить. И снова молчать... Как у них теперь в Скифии. Время любить и время ненавидеть. Время войне и время миру... Время бить посуду и время собирать и склеивать черепки... Время начинать перестройку и время кончать перестройку...

Пифагор. Это ужасно! Что же, так всегда будет, как было? Разве нет ничего нового?

Екклесиаст. Бывает, что скажут о чем-то: смотри, это новость! А оно уже было в веках, что прошли до нас.

Пифагор. Нет, Екклесиаст! Я с тобой не согласен. Ты Восток. Я Запад. Восток уже стар. Он устал от веков. А мы — молодое племя, то самое, о котором скажет Пушкин: «Здравствуй, племя, молодое, незнакомое!». У нас все впереди. Мы Европа! У нас все только начинается... Не ты, Екклесиаст, увидишь наш зрелый возраст...

Екклесиаст. Прощай, Пифагор. И подумай о том, что я сказал тебе! Не сегодня мои слова дойдут до твоей души. Завтра. Прощай!

(Пифагор остается в глубоком раздумье.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Суббота той же недели. Утро. Внутренняя часть небольшой хижины. Двойник. Затем Прохожий. Козленок. Он же Периандр. Затем зрители театра имени Пифагора и наши омовцы. За столом сидит Двойник. Перед ним на большом блюде жареный молочный поросенок. Рядом с блюдом амфора с вином. Бокал. Неподалеку привязан нежный козленок.

Д в о й н и к. Да, тяжело быть Пифагором! Приходится всё время скрываться. Исхитряться так подменять Пифагора, чтобы никто не заметил. И самому воровать и поросят, и козлят. Самому себе готовить. Рабы и рабыни всё разболтают. И Пифагор меня накажет. Колдун он отменный!

(Появляется Прохожий. Он материализовался почему-то именно в этом месте.)

Прохожий *(в изумлении)*. Пифагор! Что я вижу! Ты ли это? Значит, правильно о тебе напишут, что ты употреблял в пищу молочных поросят и нежных козлят! *(Оглядывается.)* А вот и козленок!

Д в о й н и к *(смущённо)*. Понимаешь, как тебя там? Прохожий! Я с сегодняшнего дня в отпуске. По состоянию здоровья. Лечусь... Ты уж никому не говори об этом! Мне врач прописал...

П р о х о ж и й. Хорошо! Не скажу.

Д в о й н и к. Ну, как там у вас дела?

П р о х о ж и й. В Скифии?

Д в о й н и к. Да!

П р о х о ж и й. Голодно! Правда, до людоедства ещё пока не дошло. Во всяком случае, наш Невзоров ничего об этом не рассказывает. *(Смотрит на поросёнка.)*

Д в о й н и к *(делая вид, что не замечает голодного взгляда Прохожего и явно стремясь переменить тему разговора)*. Прохожий! А почему в этой твоей нелепой пьесе, которую ты заставляешь нас разыгрывать, нет ни одной женщины?

П р о х о ж и й. А где я их возьму? О вас напишут, что в ваше товарищество принимали и женщин. А я пока что ни одной не видел.

Д в о й н и к. Да ну!

П р о х о ж и й. Вот тебе крест! *(В сторону.)* О Мие я ему не скажу!

Я всего-то у вас сегодня второй раз. И дальше вашего прибрежного пифагорейского квартала еще не был.

Д в о й н и к. А почему бы тебе не прислать к нам ваших скифских женщин?

П р о х о ж и й. Нашим женщинам некогда гулять по векам. С них хватает и по магазинам бегать.

Д в о й н и к. А фотомодели? Я что-то читал об этом в ваших газетах.

П р о х о ж и й. Чего еще! Вербовать девушек в фотомодели ниже

моего достоинства... И где мне взять свободно конвертируемую валюту? За наши деньги они сюда не пойдут. У вас совершенно нет никаких удобств.

Д в о й н и к. А что такое эта свободная, как ты сказал?

П р о х о ж и й. Свободно конвертируемая валюта.

Д в о й н и к. Что это?

П р о х о ж и й. Не знаю. Сам никогда не видел. Должно быть, это те деньги, которые начальство время от времени вручает своим подчиненным в конвертах.

Д в о й н и к. Всем?

П р о х о ж и й. Нет, не всем. Только тем, кого оно любит.

Д в о й н и к. А как вы добиваетесь этой любви?

П р о х о ж и й. Есть много способов. Можно хорошо и старательно работать. А можно льстить и угождать начальству, «стучать» на своих товарищей. Все от того, каково это начальство.

Д в о й н и к. А что такое «стучать»?

П р о х о ж и й. Доносить. Кто доносит — тот доносчик.

Д в о й н и к. А, понимаю! Сикофант, по-нашему! А что такое «конверт»?

П р о х о ж и й. Как тебе сказать... Это что-то вроде мешочка. Из бумаги. Да ты не знаешь, что такое бумага. Что-то вроде папируса, только тоньше и дешевле. Да теперь уже и не дешевле.

Д в о й н и к. Как же серебро и золото удержатся в таких непрочных мешочках и не порвут их?

П р о х о ж и й. Да деньги у нас тоже бумажные.

Д в о й н и к. Бумажные! Чудно!.. А что, само начальство не получает этой свободной... Как ее?

П р о х о ж и й. Получает. От вышестоящего начальства. Если заслужит.

Д в о й н и к. А самое-самое высшее начальство?

П р о х о ж и й. Да оно само эти деньги делает!

Д в о й н и к. Из чего?

П р о х о ж и й. Да почти что из ничего. Берёт бумагу и раскрашивает.

Д в о й н и к. И много?

П р о х о ж и й. Много. От этого и бумаги у нас в продаже не стало. Вот пишу эту «нелепую», как ты выразился, пьесу на старых обоях.

Д в о й н и к. А все-таки, как быть с фотомоделями? Очень хочется мне на них посмотреть! Неужели они лучше наших

женщин? Гречанок? Хочешь, я дам тебе денег — не бумажных, а настоящих?

Прохожий. Нельзя. С такими деньгами меня обвинят в том, что я нашел клад древнегреческих монет и не сдал его государству. Утаил.

Двойник. Что бы такое придумать? Подсказал бы кто!

Козленок. Меее...

Двойник. Что «меее...»? Съем тебя скоро!

Козленок. Не ешь меня, Пифагор! Я тоже некогда был мудрецом. Одним из мудрецов. Платон назовет их в таком порядке: Фалес, Питтак, Биант, Солон, Клеобул, Мисон, Хилон. Платон меня не назовет. Вместо меня он впишет этого почти никому не известного Мисона. А почему? Он ненавидит тиранию. Я же был и мудрецом, и тираном. Я Периандр!

Двойник (*смеётся*). Тоже мне Периандр! Перед ним все трепетали. А ты лишь жалкий козлёнок.

Прохожий. Да, я читал у Геродота о том, как Периандр отправил специального посла к тирану Милета Фрасибулу с просьбой поделиться с ним, Периандром, своим искусством управления народом. Фрасибул повёл посла в поле и стал на его глазах обрывать все колосья, которые возвышались над общим уровнем. Посол был в недоумении. Периандр же, когда посол, вернувшись, рассказал ему о странном поведении Фрасибула, всё понял. И соответствующим образом прополол свой народ.

Двойник (*козлёнку*). И после этого ты будешь утверждать, что ты Периандр?

Козлёнок. Да! И за мои зверства моя душа должна столько раз побывать в теле козлёнка, а сам козлёнок столько раз быть заколотым, сколько по моей вине было убито и замучено моих сограждан. Я уже почти расплатился за всех, остался только один не отомщённый — мой сын, которого я приказал убить, потому что он был лучше меня...

Убей меня, Пифагор! Но не ешь! А то сам козлёночком станешь.

Двойник. Ну уж нет! Говорящий козлёнок! Да ещё мудрец! Да ещё тиран! Да ещё Периандр!... Прохожий, может быть, ты его заколешь? Ведь ты, как и Платон, ненавидишь тиранию и тиранов. Да и козлятина тебе в твоей голодной Скифии не помешает. Так уж и быть — я дарю тебе этого странного козлёнка!

Прохожий. Нет, никогда! Да я за всю свою жизнь ещё никого не убил. Я умру с голода на птичьей ферме.

Д в о й н и к. Даже муху?

П р о х о ж и й. Даже муху!

Д в о й н и к. Вот и врѣшь! Ты только что прихлопнул муху, которая тебе докучала. Вон она лежит.

П р о х о ж и й *(смотрит на муху)*. В самом деле... Я это машинально... Невольно... А козлёнка хорошо бы оставить живым. Пусть он вырастет в большого козла. И умрёт своей смертью.

Д в о й н и к. Но тогда он не сможет искупить гибель своего сына.

П р о х о ж и й. К сожалению это так! Но я всё же не смогу этого сделать.

Д в о й н и к. Сентиментальный дурак! Смотри, как это просто делается!

(Берёт нож и закалывает козлёнка. Душа Периандра вырывается из козлёнка и со злоеющим хохотом исчезает, захватив с собой амфору с вином. Двойник и Прохожий застывают от изумления. Прохожий первым приходит в себя.)

П р о х о ж и й. Это тебе, Пифагор, наказание за твои легкомысленные предложения. Я покажу тебе фотомодели! Пришлём к тебе из нашей Скифии взвод омовцев. Тогда узнаешь! *(Появляется Гиппас. Двойник убегает.)*

Г и п п а с. Какой же ты демократ после этого? Своё начальство осуждаешь, а как что — угрожаешь омовцами! Нехорошо!

П р о х о ж и й. Прости меня, Гиппас! Я погорячился. Мне стало обидно. Мало того, что наши девушки разбегаются из нашей несчастной Скифии во все стороны в пространстве! Им теперь предлагают разбегаться и во времени. Кому в будущее. Кому в прошлое... А всё-таки я не верю, что это был подлинный Пифагор!... Пифагор! Где он? Он только что был здесь! Вот и поросёнка своего не доел... Ещё тёплый.

Г и п п а с. Что я слышу! Пифагор ел поросёнка! Не может быть!

П р о х о ж и й. Да, ел. И вино пил.

Г и п п а с. Вот те на! Обманщик!

П р о х о ж и й. Да, дураки мы. Поверили...

Давай позавтракаем! Есть хочется. Вина, правда, нет. Его Периандр украл. Ничего. Я из своей Скифии захватил сюда трёхлитровую банку с пивом... Хочешь пива, Гиппас? Жигулёвское! Разливное!

Г и п п а с. Не откажусь. Впереди тяжёлый день. Надо подкрепиться. У нас сегодня общенародное собрание. Надо дать бой Пифагору.

(Прохожий и Гиппас садятся за стол. Прохожий достаёт из большой залатанной сумки банку с пивом, два гранёных стакана. Режет поросёнка. Занавес...Зрители театра имени Пифагора вскакивают со своих мест и рвутся на сцену. Омоновцы, которые занимают первые три ряда в любом театре, загораживают им дорогу. Мелькают резиновые дубинки...Корреспонденты спешат к аппаратам, дабы передать во все точки земного шара о небывалом успехе пьесы начинающего драматурга Арсения Прохожего.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Утро всё той же субботы. П и ф а г о р и его жена Т е а н .

П и ф а г о р *(просыпаясь)*. Я видел сейчас какой-то странный сон. Будто я в большой-большой комнате. Сажу в каком-то странном кресле. Вокруг меня какие-то странно одетые люди. А впереди возвышение. И там я, Пифагор, нелепо одетый, ем жареного молочного поросёнка и пью вино... А потом началась драка. И один странно одетый молодой человек почему-то ударил меня палкой по голове. И я проснулся.

Т е а н о. Да, мой дорогой супруг, во сне ты очень кричал. Ты так кричал, что разбудил и напугал наших милых детей: Телавга и Мнесарха, Аригноту и Мию. С тех пор, как стал появляться у нас этот жалкий скиф Прохожий, — нищий, у которого нет ни одного раба, — ты, я заметила, стал сам не свой.

П и ф а г о р. Да он был-то у нас всего один раз. В прошлый понедельник.

Т е а н о. А сегодня суббота — и он снова обещал быть у нас. Не пускай его в наше время, Пифагор! Ведь ты чудотворец. Задержи его где-нибудь в пятом веке до их эры! Пусть болтает с Сократом. Если ты удержишь его в 404 году до ихней эры, то Сократ и Прохожий будут ровесниками. Обоим будет по 65 лет. Пусть два старика треплются на здоровье! Сократу остается жить всего пять лет. А Прохожему чуть побольше.

П и ф а г о р. Неужели Прохожему 65 лет! Никогда бы не подумал. Он легкомыслен как семнадцатилетний. И наша дочь Мия, как мне показалось, к нему равнодушна.

Т е а н о. Ещё что! Пусть только появится! Я прикажу его высечь... А что у тебя сегодня? Народное собрание? О чем оно?

Пифагор. Гиппас и его так называемые демократы хотят дать мне бой.

Теано. Чего они хотят?

Пифагор. Они хотят свободы. Все хотят свободы. Все прямо помешались на свободе! Но свободу надо заслужить. Нам всем ещё надо дорасти до свободы. Иначе будет анархия. А нет ничего хуже анархии! И мы еще не доросли до свободы. Нам еще рано становиться свободными! Мы не должны пока что ни под каким видом отказываться от старых проверенных добротных отцовских обычаев. Иначе все перережут друг друга. Как у них там в Южной Осетии и в других горячих точках... Восстанут рабы. Они тоже захотят свободы. Свобода и порядок несовместимы!

Теано. А Гиппас говорит, что свободы бояться — рабом оставаться.

Пифагор. Гиппаса надо убрать. Боги меня простят. Он всех сбил с толку. Фантазер! Да, я за порядок. Порядок важнее свободы. Без свободы жить можно, а без порядка нельзя. Младшие должны повиноваться старшим. Ученики — учителям. Рабы — свободным. Жёны — мужьям. Что такое их хвалёная демократия? Это, как скажет со временем Платон, такой строй, при котором родители боятся своих детей, учителя — учеников, старшие — младших, мужчины — женщин, свободные — рабов, люди — животных. А лучшие люди боятся худших людей. А те, кто по своей природе должны властвовать, боятся народа, широких народных масс. Народ — это беспредельное, безмерное, бесформенное. Без народа пока нельзя. Со временем его заменят роботы. И жить станет легче и веселей. Пока же без народа не обойдёшься! С этим приходится считаться. Но если народ нельзя упразднить за ненадобностью, то его надо ограничить, урезать. Положить предел его стихийному беспределу. Предел — это мы. Элита. Мы те, кто знает истину. Ту истину, которую не должен знать всякий. А тем более народ. Ради своего же счастья. Почти никому не дано заглянуть в бездну истины и не потерять рассудок. На это способны лишь немногие сильные духом, Это я, Пифагор. И еще несколько: Филолай, Архит, Бронтин...

Теано. А говорят, что Бронтин переметнулся к Гиппасу.

Пифагор. Что ты говоришь! И он против меня!

Теано. А Гиппас тоже имеет право на истину?

Пифагор. Гиппас имеет. Но он легкомыслен. Он эту истину готов распро-странять вокруг себя как какой-нибудь член общества

«Знание», не думая о последствиях. Да, многие считают себя философами и стремятся к истине. Но достигни они этой истины — они бежали бы от нее без оглядки! Стали бы антифилософами.

Т е а н о. Супруг мой! Это что-то у тебя новое. Ты раньше так не думал.

П и ф а г о р. Да, Теано. Я изменился. Недавно меня посетил — кто бы ты думала?

Т е а н о. Не знаю. Римский царь?

П и ф а г о р. Екклесиаст. Я с ним спорил. Не соглашался. А он сказал, что я его пойму только «завтра». И вот это «завтра» наступает. И я понял.

Т е а н о. Что же ты понял?

П и ф а г о р. Я понял, что во mnogой мудрости много печали, что все суета сует и томление духа, что день смерти лучше дня рождения...

Т е а н о. Остановись! Опомнись!

П и ф а г о р. Екклесиаст прав!

Т е а н о. А разве тот же Екклесиаст не сказал, что «мудрость знающему жизнь продлевает»? И разве он же не сказал, что «мудрость делает мудрого сильнее десяти властителей, которые в городе»? И разве он же не говорил, что «мудрость лучше силы» и что «сердце мудрого знает время и устав»? А время и устав — это и есть тот предел, о котором ты только что говорил. И это ты его олицетворяешь, Пифагор!

П и ф а г о р (*рассеянно*). А ещё он сказал: «мудрого не будут помнить вечно, как и глупого», и «в грядущие дни все будет забыто»...

Т е а н о. Не всё! Тот же Прохожий обещал сегодня показать нам свою машинопись «Пифагор». Правда, издательство «Мысль» её ему завернуло. Они больше не издают серию «Мыслители прошлого». Им это невыгодно.

П и ф а г о р. Выгодно! Невыгодно! Я теперь только это и слышу. А где ЧЕЛОВЕК ДОЛГА? Где «благородный муж», цзюнь-цзы, которого сейчас прославляет в Китае Кун Фу-цзы — Конфуций? Остались одни только эти самые сяо жэни, простолюдины! Цзюнь-цзы следует долгу и закону. Сяо жэнь думает только о себе, о том, как бы получше устроиться, как бы получить ВЫГОДУ. Мы тоже цзюнь-цзы. Но я чувствую, что мы последние из могикан. Вокруг нас одни враги. Внешние — Килон и килоновцы. Внутренние — Гиппас и его единомышленники. Они заигрывают с демосом,

призывают к восстанию, к бунту.

Т е а н о. Да, это так! Мне только что передали листовку, которую сняли со стены храма Зевса. Читай!

П и ф а г о р (*читает*).

«Я прославляю бунт без цели, без программы!
«Бессмыслен, — возразят мне, — этот бунт!»
Неправда! Бунт бессмыслен не бывает.
Во всяком бунте нечто от свободы.
И без него порядок стал бы рабством».

Ужасно! А кто бы мог такое сочинить?

Т е а н о. Наш филер говорит, что это Прохожий успел наклеить прошлый раз.

П и ф а г о р. Я вижу, что он многое успел за один день! И Мию успел очаровать. Одно слово — П р о х о ж и й . И самое ужасное то, что он заставляет нас говорить то, что мы никогда не говорили и не могли говорить, и делать то, что мы никогда не делали и не могли делать. Он совершенно не различает эпохи! Для него всё равно, что — конец второго тысячелетия их эры и что наша эпоха.

Т е а н о. Он утверждает, что все мы современники.

П и ф а г о р. И мы живём и действуем по его сценарию.

Т е а н о. Да, пока что всё идет слово в слово!

П и ф а г о р. Я этого не потерплю!

Т е а н о. Однако терпишь!

П и ф а г о р. А что там дальше?

Т е а н о. Дальше ты должен сказать (*читает*): «Милая Теано! Я тебя очень люблю! Я совсем забыл тебя из-за своих научных и философских занятий и политических дрызг. Давай всё бросим и вернемся на остров Крит на твою истинную родину! Помнишь, как я тебя там первый раз встретил? И полюбил на всю жизнь! Может быть, твой отец Пифонакт ещё жив...».

П и ф а г о р. Неужели это и вправду там написано? Дай сюда!

Т е а н о. Не дам! Ты все равно не понимаешь по-скифски... Пифагор! Бежим отсюда! Тучи сгущаются. Пожалей хотя бы наших детей!

П и ф а г о р (*после некоторого раздумья*). Нет, не могу! Кто тогда обуздает народ? Кто докажет ему, что гармония между пределом и беспределью превыше всего? Кто соединит несоединимое? Кто внесёт форму в материю? Кто подчинит стихию

мере и числу? Нет, то, что расходится, не придёт само с собой к согласию! Гераклит не прав. Сам он сказал, что «многознание уму не научает», — имея в виду меня. Я на него не сержусь. Он так и не захотел со мной встретиться. Он плохо знает мое учение. И он в своём учении неправ. Гармония — это сила, исходящая от предела, которая подчиняет ему беспредел. Об этом хорошо написал Филолай. Он хотя и молод, а умен. И видят боги, что я ему не завидую. Тем более, что его книга так же канет в Лету, как и мои сочинения. От неё останутся двадцать отрывков, которые ученые-гиперкритики объявят подложными, нефилолаевыми.

Т е а н о. Да, верно! Предел должен подчинять себе беспредел, мера — безмерное, единое — многое, правое — левое, мужское — женское...

П и ф а г о р. Да, Теано! Ты женщина, а как хорошо понимаешь это! Со временем женщины докажут, что они могут всё то, что и мужчины: подниматься за облака и спускаться на дно морское. Играть в футбол. Боксировать. Курить и пить водку... Но надо ли им это? Мужчины не всё могут, что могут женщины. Женщина — прежде всего мать и жена. Как ты, Теано. Хотя ты вместе с тем первой из женщин стала философствовать.

Т е а н о. Спасибо, Пифагор! Да, у каждого свой долг. Долг мужчины. Долг женщины. Правда, мне припишут письмо, которое я никогда не писала. Письмо к какой-то Никострате. Я там якобы пишу: «Добродетель супруги не в том состоит, чтобы стеречь своего мужа. но чтобы нравиться ему и угождать его желаниям, а сие исполнит она тогда, когда глупости его с терпением переносить будет». Нравиться — да! Терпеть глупости мужа — нет! Муж должен быть уважаем женой. А разве глупостями можно заслужить уважение?

П и ф а г о р. А я теперь и сам не знаю, где кончается умность и где начинается глупость. Ты только что уговаривала меня бежать. Не значит ли это, что ты считаешь всё мое дело здесь глупостью?

Т е а н о. Прости меня, Пифагор. Я поддалась минутной слабости. *(Гладит его по голове.)* Откуда у тебя эта шишка?

П и ф а г о р *(трогает себя за макушку)*. Это ещё что такое?

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

П р о х о ж и й и М и я . Потом Т е а н о .

Пр о х о ж и й.

«Да, я знаю: между нами пропасть!
Для тебя я безобразен, стар.
Я в цинизм и в грубость прячу робость.
Я нелеп, как толстый пивовар.

Но в душе моей светло и нежно.
Я мечтаю о тебе, скорбя.
Да, я знаю: это безнадежно...
Оттого сильнее люблю тебя»

Мия! Бежим со мной!

М и я. Куда?

Пр о х о ж и й. В мою Скифию.

М и я. А что я там буду делать?

Пр о х о ж и й. Поступишь на философский факультет. А я буду тебе читать лекции о Пифагоре.

М и я. А смогу ли я поступить? Там большой конкурс?

Пр о х о ж и й. Не очень. Мы тебя проведем как дочь Пифагора.

М и я. А где я буду жить?

Пр о х о ж и й. В студенческом общежитии. Знаешь, как там весело! Всю ночь песни поют.

М и я. А когда же спят?

Пр о х о ж и й. А лекции на что?

М и я. А когда же учатся?

Пр о х о ж и й. Во сне и учатся. Новый, очень эффективный, метод. Учебный материал усваивается путем погружения.

М и я. Во что?

Пр о х о ж и й. В сон.

М и я. ЗдОрово!... Нет, маму с папой жалко. Как они без меня останутся?

Пр о х о ж и й. У них есть ещё два сына и дочь.

М и я. Я самая младшая. И папа с мамой меня больше всех любят.

Пр о х о ж и й. Я тебя тоже люблю! Филео се!

М и я. Ах, что ты говоришь! Сердце трепещет! (Целуются. Входит Теано.)

Т е а н о. Что я вижу! Как ты, проходимец, смеешь целовать мою дочь?

П р о х о ж и й. Я люблю её.

Т е а н о (*растерянно*). А она?

П р о х о ж и й. И она тоже!

Т е а н о. Мия, это правда?

М и я. Правда!

Т е а н о. А разве ты не знаешь, что этот самый Прохожий в своей Скифии женат пятый раз?

М и я. Это правда?

П р о х о ж и й. Правда... Я разведусь... Не впервой...

Т е а н о. Вон отсюда! И чтоб ноги твоей больше в нашем веке не было!

(Прохожий убегает. Мия плачет. Теано ругается.)

СЦЕНА ЧЕТВЁРТАЯ

Собрание гиппасовцев. Есть и посторонние. Есть и рабы. Гиппас. Прохожий. Затем, «Как будто бы Пифагор». Омоновцы. Вечер всё той же субботы.

Г и п п а с. Господа! Во всей Греции народ борется за свободу. За демократию. Есть, конечно, и медвежьи углы. Хотя бы Спарта. Вы знаете, что первое время правили аристократы, евпатриды, благородные. Это те, кто вёл свой род от мнимых детей богов и смертных — от героев. Потом пришли тираны. Обычно они происходили из знатных родов, но чрезмерное честолюбие и жажда власти заставляли их становиться против своего класса, становиться демагогами, обещать народу золотые горы, имитировать нападение на себя, получать личную охрану и чрезвычайные полномочия. Достигнув этого, честолюбец уничтожает всех, кто в чем-либо превосходит его. Жертвами были в первую очередь те же евпатриды, в том числе и родственники тирана. А когда уничтожать больше некого, тиран делит народ на «народ» и «врагов народа» и натравливает первую часть на вторую. Одна половина народа сидит в концлагерях, а другая половина ее стережёт. Все заняты. У всех есть дело.

П р о х о ж и й. Ты несколько утрируешь, Гиппас! Стережёт не половина, а четверть. Другая четверть живёт свободно, если только может быть свобода при тирании. При тирании все рабы и всем ярмо подстать!

Г и п п а с. Я вижу, что твоя Скифия и моя Великая Греция

похожи. У нас тоже есть тиран. Пифагор.

Пр о х о ж и й. Так свергнем же его!

(Неожиданно появляется «Как будто бы Пифагор». С ним небольшой отряд омоновцев.)

«К а к б у д т о б ы П и ф а г о р». А, вот ты где, Прохожий! Ты и сюда успел! Кого это ты призываешь свергнуть? Уж не меня ли?

Пр о х о ж и й. Нехорошо подслушивать под дверью!

«К а к б у д т о б ы П и ф а г о р». Я и не подслушивал. Вы орёте во всё горло. Слух у меня отменный. Я даже гармонию небесных сфер слышу! Ну, вот что. Пока мой отряд омоновцев собирает хворост, поговорим... Ба! Я вижу здесь даже рабов! Как вы смеете в свои политические игры вмешивать рабов? Вы чего хотите? Восстания рабов? Чтобы рабы перебили всех свободных? Не бывать этому! Разве не скажет Энгельс, что рабство было исторически прогрессивно? Без него не могла бы расцвести наша уникальная культура! Да, у нас есть рабы! Что поделаешь? Зато свободные подлинно свободны! У нас, свободных рабовладельцев, полно свободного времени. Мы используем его в своё удовольствие. Наше удовольствие не в праздности. Мы заняты. Но не низким трудом, не низменной работой (слово «работа» происходит от слова «раб»), а высшими родами деятельности. Свое, почти что неограниченное, свободное время мы используем для поэзии, философии, науки, политики, религии. И для войны. У нас есть досуг! Ты знаешь, что такое досуг, Прохожий?

Пр о х о ж и й. Знаю! У нас тоже есть свободные. Пенсионеры. У них всё время свободно.

«К а к б у д т о б ы П и ф а г о р». Человек в пенсионном возрасте уже мало на что способен. Вспомни свою «Песенку пенсионеров»!

Пр о х о ж и й *(как будто загипнотизированный)*.

«Соки из нас выжали —
И с работы выжили.
Но сойти с ума
Можно без ярма.

Были мы шурупами —
А теперь мы трупами.
Но сойти с ума
Можно без ярма.

Соки из нас выжали —
И с работы выжили.
Как же без работы
Остальные годы?»

«К а к б у д т о б ы П и ф а г о р». Вот, вот. Правильно! У нас же человек свободен от рождения. Он, конечно, учится, получает воспитание. Учёба у нас не принудительная, не рабская, как у вас в Скифии. Свободный человек живёт свободно. У вас это не так. Ты сам рассказывал Мие (вашу беседу мы записали), как там у вас студенты спят на лекциях. Вы думаете, вы свободны. Вы осуждаете нас, рабовладельцев! Вы все рабы!

П р о х о ж и й. Мы не рабы!

«К а к б у д т о б ы П и ф а г о р». Рассказывай! А что писал Кюстин? Англичане, которые первый раз при вашем Иване Грозном побывали в России, сказали, вернувшись в Англию: «Русские — рабы!».

П р о х о ж и й. Мало ли что было при Иване Грозном! Теперь у нас «перестройка»! Если бы ты читал наши газеты, ты бы так не говорил. У нас гласность.

«К а к б у д т о б ы П и ф а г о р». Гласность была у вас уже при Александре Втором. Писали в газетах, что рабочие мрут от болезней. Негодовали. А они всё равно — мёрли. (*Прохожий задумывается.*)

Г и п п а с. Ты нам, Пифагор, зубы не заговаривай! Мы не в Скифии. У нас не конец второго тысячелетия их эры. Обсудим наши дела. Ты и твои пифагорейцы стоят во главе Кротона и многих других городов. Ваше правление авторитарно, антинародно, антидемократично. Вас никто не выбирал. Вы говорите: «Мы ученые, мы мудрецы. Мы лучше знаем, что для народа лучше. Управлять должно знающее меньшинство. Мудрые всегда в меньшинстве. Большинство же всегда безумно». Вы говорите, что только вы знаете волю богов. (Потом, Прохожий, это у вас назовут общественно-историческими законами.) Первое время вы были полезны. Вы немного просветили народ. Завели школы. Теперь народ вырос. Он благодарит вас. И хочет сам собой управлять, самоуправляться. Взять власть в свои руки.

«К а к б у д т о б ы П и ф а г о р». Ты верно сказал, Гиппас, что управлять должны знающие и что они всегда будут в меньшинстве. А потому управление знающих будет всегда если и демократично,

то только по видимости. Народ не может сам собой управлять! Когда же он будет работать? В лучшем случае он будет управлять собой через им же избранных депутатов. Депутаты! Выборы! Депутатов выберут лет этак на пять. За это время они станут совершенно независимыми от народа! Они быстро сообразят, что к чему. Их подкупят... Прохожий! Ты куда? Вернуть его!

(Омоновцы пинками загоняют Прохожего на место.)

На чём мы остановились? Да, их подкупят. Пайки, талоны, прописка, квартиры, машины, заграничные командировки... Нет, представительная демократия — вовсе не демократия. Руссо будет прав! А сколько надо средств на это многоголовое чудище? На эту псевдодемократическую гидру? Мы же вам почти ничего не стоим. Нас так мало! И у нас минимальные потребности. Разве мы дарим гетерам бриллианты? Мы все связаны жесткой дисциплиной и ответственностью. Наш девиз: «Долг и верность!» Да, для демагогов и честолюбцев у нас мало простора! Нет и многопартийности. От нее только смута... Вы же образовали свою партию. Ты, Гиппас, не болеешь за народ. Ты хочешь власти. Твой путь извилист. Когда ты дорвёшься до власти, ты себя покажешь не с лучшей стороны. Знаю я этих так называемых демократов!

Г и п п а с. Неправда. Я искренний друг народа. Я думаю, что народ должен сам собой управлять. И сам нести ответственность. Пусть народ не всегда правильно решит тот или иной вопрос! Ну и что! Ему не на кого будет сваливать свою вину. Пускай то правительство, которое он, народ, свободно изберет, не будет таким умным, как ваше. Ничего! Я думаю, что правительство не должно быть намного умнее народа. Иначе оно оторвется от народа. Будет его тащить за собой насильственно. Создастся ситуация, которая так хорошо выражена Прохожим в его стихотворении «Тоталитаризм». Прохожий, читай!

П р о х о ж и й.

«Начинается день перламутровый —
Распинается чья-то душа.
За вождями, немислимо мудрыми,
Мы вприпрыжку бежим, чуть дыша.

Крепко спаянные одобрением
(Не одобришь — дадут плетей),
Мы готовы служить удобрением
Ради вымышленных идей!»

«Как будто бы Пифагор». И вовсе наши идеи не вымышленные! Мы говорим о гармонии беспредельного и предела.

Гиппас. У вас предел подавляет беспредельное. Он стоит в одном ряду с благом и светом, а беспредельное — с тьмой и злом. Это учение, эта вымышленная идея, и есть философская основа вашего тоталитарно-аристократического правления. Мы же говорим, что беспредельное само из себя порождает предел, меру, форму. Так учил Анаксимандр. Зря ты называешь его человеком Востока! Он демократ.

«Как будто бы Пифагор» (*теряя терпение*). Я вижу, что мы никогда не поймём друг друга! Пора приступать к делу! У вас там всё готово?

Омоновец. Хворост собрали. Горючего нет!

«Как будто бы Пифагор». Слить из БТР! Что там за шум?

Омоновец. Килон вывел народ на улицу. Народ вооружён. Восстание!

«Как будто бы Пифагор». Связист! Связь с центром!

Связист. Связи нет. Молчат.

«Как будто бы Пифагор». Молчат... Отдыхают... Опять на меня всё свалить хотят... Ну уж дудки! Оставить сожжение этой псевдодемократической сволочи! Прощай, Гиппас. Нет, лучше — до свидания! Мы еще с вами встретимся!

(*«Как будто бы Пифагор» и омоновцы уходят.*)

Прохожий (*в восторге, что не сгорел*). Слушайте! Слушайте!

«Я родился рабом — но теперь не пора ли
На душителей Духа нам идти с топорами?!..»

Гиппас. Стоп! Остановись! Какие топоры? Что ты? У нас ненасильственное сопротивление. Пусть они нас насилуют. Мы победим их кротостью.

Прохожий. Хорошо!

«Я родился рабом — но теперь не пора ли
На душителей Духа нам идти за правами?!»

Гиппас. Вот так-то лучше! Продолжай!

Прохожий.

«Да, я знаю, как трудно нам идти на лишения!
Да, я знаю, как страшно себя делать мишенями!
Да, мне ведом взлелеянный Сталиным страх!
Но другие сжигают себя на кострах...
Нашей хилой Земле угрожает крушение...
Принимай же решение! Принимай же решение...»

Г и п п а с. Правильно! Свобода или смерть!
В с е. Свобода или смерть!

Действие третье

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Прошла неделя, снова суббота. Пифагорейская тюрьма. Г и п п а с ,
Б р о н т и н и д р у г и е г и п п а с о в ц ы . П р о х о ж и й . Затем б о г
Г е р м е с .

П р о х о ж и й (*поёт*). «Я мечтаю о Родине, о родной стороне
своей...»

Г и п п а с. Перестань! У тебя совсем нет слуха.

П р о х о ж и й. Что поделаешь!

Г и п п а с. А я всё думаю, как могло такое случиться? Было
восстание. Вместо мирного народного собрания, митинга по-
вашему, Килон устроил переворот. Пифагора убили, сожгли... А
через три дня он снова появился. Воскрес, как Феникс из огня.
Неужто он и в самом деле бог?

П р о х о ж и й. Где у тебя, Гиппас, критическое мышление? На
что я прост, да и то догадался.

Г и п п а с. О чём?

П р о х о ж и й. Дело было так. Они нарочно дали убить
Пифагора. Только это был не Пифагор, а его Двойник. Ты забыл,
что и сам ты неоднократно подозревал Пифагора в двойничестве?
Японский ресторан «Хиросима» разгромили. Нагасаки сделал себе
харакири. Японцы и японки разбежались. Пифагорейцы
попрятались. Сам Пифагор также ушёл в подполье. Килоновцы
торжествовали победу. Но недолго. Живой Пифагор вышел к
народу. Не один, конечно. С ним был и Милон, и омоновцы, и
уцелевшие пифагорейцы. И народ пал перед Пифагором на колени.
Килон бежал. А схватили нас.

Г и п п а с. А почему ты думаешь, что убили лже-Пифагора?
Может быть, убили настоящего? А из подполья вышел лже-

Пифагор!

Пр о х о ж и й. Какое это имеет значение? Так или иначе, мы проиграли.

Г и п п а с. Да, теперь демос поклоняется Пифагору как богу.

Пр о х о ж и й. Тем более что выбросили кое-какой дефицит.

Г и п п а с. И народ отвернулся от нас. Завтра нас всех казнят.

Пр о х о ж и й. Меня не могут казнить. Я советский подданный. Меня могут только выслать.

Г и п п а с. Почему же тогда того Руста, кто прилетел прямо на Красную площадь, не выслали?

Пр о х о ж и й. Но не казнили же!

Г и п п а с. Вышлют не тебя, а твой труп. Завернут в холстину и вышлют.

Пр о х о ж и й. А как же меня будут у нас, в Скифии, хоронить? Гробов-то нет! Я в нашем профкоме на гроб еще в прошлом году записался. Но очередь идёт так медленно!

Г и п п а с. Проси Пифагора, чтобы тебя здесь похоронили. Да у нас не хоронят. Сжигают. А тебя и сжигать не будут! Выбросят на съедение голодным собакам.

(Прохожий плачет.)

Ты что ревешь?

Пр о х о ж и й. Не хочу, чтобы меня собаки съели!

Г и п п а с. Раньше надо было думать! Ты тоже хорош! Подбивал народ на восстание.

Пр о х о ж и й. Как это?

Г и п п а с. А кто расклеивал листовки: «Я прославляю бунт ...» Кто провозгласил: «Я родился рабом, а теперь не пора ли на душителей Духа нам идти с топорами?»

Пр о х о ж и й. Я ведь исправил: «...идти за правами»!

Г и п п а с. Слово не воробей. Вылетит — не поймаешь!

Пр о х о ж и й. Да, неудачно вышло. Я вовсе не за бунт. Я это так. Для красного словца.

Г и п п а с. И вот завтра нас всех казнят.

Пр о х о ж и й. Надо бежать!

Г и п п а с. Как?

Пр о х о ж и й. Сделаем подкоп. Наш сруб стоит у моря на песке.

Г и п п а с. Увидят. Весь берег оцеплен омовцами.

Пр о х о ж и й. Дождёмся ночи!

Г и п п а с. Знаешь, Прохожий, я хочу тебя спасти. Мне тебя жаль. У тебя в Скифии маленькие дети. Что они без тебя будут

делать? С одной матерью при ваших-то ценах?

Пр о х о ж и й. А как ты хочешь меня спасти?

Г и п п а с. Здесь без богов не обойтись. Без теургии.

Пр о х о ж и й. А что это такое?

Г и п п а с. Искусство управлять самими богами. Здесь у нас есть один человек, сведущий в этом деле. Я о нём совсем забыл.

Пр о х о ж и й. А если так, то почему только меня одного?

Г и п п а с. Там видно будет. Начнём с тебя. Бронтин! Проснись!

Б р о н т и н. Что? Зачем ты меня разбудил? Я видел такой хороший сон! Будто нас всех уже казнили — и мы на свободе.

Г и п п а с. Бронтин! Вызови Гермеса!

Б р о н т и н. Зачем?

Г и п п а с. Так надо. Действуй!

Б р о н т и н. Гермес! Сюда!

(Появляется Гермес с крылышками на ногах.)

Г и п п а с. Гермес! Снимай свои крылышки! Они нам нужнее.

Г е р м е с. Ты что очумел? Не сниму!

Г и п п а с. Ребята! Хватай его скорее!

(Следует небольшая потасовка.)

Г е р м е с *(сильно помятый)*. Ладно. Ваша взяла. Бери!

(Снимает крылышки и подает их Гиппасу.)

Г и п п а с. Прохожий, надевай!

Пр о х о ж и й. Зачем мне это?

Г и п п а с. Видишь в крыше дыру? Я тебя подсажу. Ты вылезешь. Спустишься на землю. И так с этими крылышками на ногах помчишься, что никакой омовец тебя не догонит!

Пр о х о ж и й. Из Калашникова достанут. Слишком светло. Нас может спасти только чудо. *(Начинает быстро темнеть. На небе сквозь дыру в крыше видны звёзды.)*

Г и п п а с *(испуганно)*. Что это?

Пр о х о ж и й. Всего лишь солнечное затмение.

Г и п п а с *(быстро приходя в себя)*. То, что надо. Надевай крылышки! Так, хорошо. Лезь мне на плечи! Вылезешь на крышу, спустишься — и беги!

Пр о х о ж и й. Там темно!

Г и п п а с. Слышишь прибой? Беги к морю. Потом налево на север вдоль моря. Там через пятьсот метров оцепление кончается.

Пр о х о ж и й. Нет, не побегу. В моём ли возрасте? Сократ тоже не захочет бежать, когда его друг Критон подкупит тюремную стражу. Я остаюсь с вами! Будь, что будет! Гермес, возьми свои

крылышки! Извини!

(Гермес надевает крылышки и исчезает.)

Г и п п а с. Ну как знаешь.

(Прохожий подходит к стене. Уже светло. Он смотрит через щель в стене на море.)

П р о х о ж и й.

«Синяя даль неоглядная.
Был я когда-то блондин.
Где ты, моя ненаглядная?
Жизнь доживаю один».

СЦЕНА ВТОРАЯ

Утро следующего дня. Воскресенье. Площадь в Кротоне. Г и п п а с , Б р о н т и н и д р у г и е г и п п а с о в ц ы . П р о х о ж и й . Их вывели на казнь. Потом то ли Пифагор, то ли Двойник. Мы будем называть его «Толитоли». С ним те же омовцы.

«Толитоли». Привет, мятежники! Экстремисты! Что? Съели?

Г и п п а с. Ты не Пифагор. Ты слишком вульгарен для этого. И мы не экстремисты! Мы против насилия. Это килоновцы — экстремисты, а не мы.

«Толитоли». Все вы одинаковые — так называемые демократы. А Пифагор я или нет — не вам судить. Я сейчас докажу, что я Пифагор. Пифагор великодушен. Так вот: я решил оставить вас живыми. Вместо казни вы будете отправлены в Японию на каторжные работы. Мы восстанавливаем наше совместное с японцами дело по добыче морской капусты. Несколько японцев уцелели. Сейчас, не теряя ни часа, вы поедете с ними в Японию. Если задумаете бежать, то знайте: ваши семьи будут уничтожены. У тебя, Прохожий, здесь нет родственников. Знай, если ты сбежишь, то будет казнена Мия. Я не посмотрю на то, что она моя дочь. Ты ведь любишь Мию? Нет более сильного добровольного рабства, чем любовь!

П р о х о ж и й. Вовсе я не люблю Мию. Откуда ты это взял? Я так, со скуки, немного поволочился за ней.

«Толитоли». Ты еще кочевряжишься! Казнить его!

П р о х о ж и й. Ты не можешь меня казнить. Я советский подданный. Ты можешь меня только выслать.

«Толитоли». Мы тебя и вышлем. В Аид!

(Хохочет. Ему вторят омовцы.)

Так ты любишь Мию?

Пр о х о ж и й *(испуганно)*. Слушаюсь!

«Т о л и т о л и». То-то же! Я вам не Сталин, которого ты, Прохожий, до сих пор боишься: «Да, мне ведом взлелеянный Сталиным страх!»... Сталин был вездесущ только в пространстве, там он любого мог достать. Но перед временем он был бессилен. Он не мог убить того, кто ещё не родился или уже умер. ОЯ же вездесущ и в пространстве и во времени! От меня никуда и никогда не укроешься! Прохожий, понял?

Пр о х о ж и й. Слушаюсь!

«Т о л и т о л и». Тебе больше ничего и не остаётся, как слушаться. Ты и сам сказал: «Интеллигента попугай — и перед вами попугай!» Верно?

Пр о х о ж и й. Слушаюсь!

«Т о л и т о л и». Ну, ладно! Я тебя помилую. Катись в свою Скифию. Мию возьмёшь с собой. Устроишь её в МГУ. Выдашь её замуж за москвича. Чтобы у неё была московская прописка. Через год я у вас, в вашей Скифии, сам побываю. Посмотрю, как ты устроил Мию.

Пр о х о ж и й. Слушаюсь!.. Но у меня есть одно условие.

«Т о л и т о л и». Какое?

Пр о х о ж и й. Помилуй Гиппаса и его товарищей!

«Т о л и т о л и». А как же японцы?

Пр о х о ж и й. Мы сами в Скифии обеспечим их рабочей силой. У нас многие добровольно поедут. Лучше умереть сытым, чем жить голодным. Да и условия труда там не такие уж и тяжелые. Это вам, рабовладельцам, они тяжелы. А мы все рабы. Ты правильно о нас это недавно сказал, Пифагор. Нам не привыкать.

«Т о л и т о л и». Ладно! Я сегодня добрый.

Г и п п а с. Теперь я вижу, что ты не только настоящий Пифагор, но и лучше, чем настоящий Пифагор. Помиримся!

Пр о х о ж и й *(в сторону)*. Как бы не так! Настоящий Пифагор не стал бы так великодушничать. Да и Мию он бы со мной так бы легко не отпустил. Казнить её хотел! Комедиант!

«Т о л и т о л и». Помиримся! Что нам с тобой делить, Гиппас? Оба мы идеалисты. И разница между нами не больше, чем, как скажет Владимир Ленин, между чёртом синим и чёртом зелёным.

(«Толитоли» и Гиппас целуются. Всеобщее ликование.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

(Перед закрытым занавесом на сцену выходит автор пьесы Арсений Прохожий.)

Прохожий. Господа! У нас должна быть ещё одна сцена — народное ликование, вакханалия с её обычными пьянством и обжорством. Но после беспорядков в нашем театре Президент издал УКАЗ, запрещающий показ на сцене акты приёма пищи и питья. Поэтому эта сцена отменяется. Извините! Спасибо за внимание!

КОНЕЦ

Трактат о Небытии

Пумпури, 1962 год

«Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед ней, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения».

Ф. Энгельс. Диалектика природы
«Смерть есть конец всего. После нее, повторяю, пропасть, вечное небытие; все сказано, все сделано».

Ламетри. Система Эпикура
«Только она (смерть — автор), т. е. мысль о ней выносит в такую область мысли, где полная свобода и радость».

Л. Толстой. Письмо В. Стасову
«...не буду и никогда не могу быть счастливым при условии грозящего завтра нуля».

Ф. Достоевский. Дневник писателя
«Будь осторожен в своих желаниях, чтоб вновь никогда не придти тебе к существованию».

«Сутта-нипата»
«Ведь никогда не докажут, что то, чего нет, существует».

Парменид. О природе

1. Небытие окружает меня со всех сторон. Оно во мне. Оно преследует и настигает меня, оно хватает меня за горло, оно на миг отпускает меня, оно ждет, оно знает, что я его добыча, что мне никуда от него не уйти. Небытие невидимо, оно не дано непосредственно, оно всегда прячется за спину бытия. Небытие убивает, но убивает руками бытия. Неслышными шагами крадется оно за бытием и пожирает каждый миг, отставший от настоящего, каждое мгновение, становящееся прошлым. Небытие гонится за бытием по пятам. Последнее стремится вперед, не разбирая дороги, теша себя мечтой о прогрессе, но впереди находит только небытие. Все большие скорости, все более высокие темпы жизни, все более дальние перемещения в пространстве, — разве это не стремление бытия хотя бы на мгновение оторваться от небытия? Но всякий раз небытие одним прыжком настигает нас. Оно встречает нас у нашей цели: мы бежим от него, а оно, улыбаясь, идет нам навстречу. Бытие только тень небытия, его изнанка. Оно как сверкающая всеми цветами радуги пленка нефти на поверхности океана, океана небытия..., оно как волна, бегущая перед кораблем, кораблем небытия..., оно покоится в небытии как ребенок в лоне матери... Небытие повсюду и всегда: в дыхании, в пении соловья, в лепете ребенка... Оно — сама жизнь!

2. Моя философия есть упразднение всякой философии, то есть мировоззрения, которое всегда так или иначе подсовывает под небытие бытие, подчиняет первое последнему (конечно, лишь в воображении философа).

3. Историческая ошибка сознания состояла в выведении небытия из бытия. Собственно говоря, философия начинается с абсолютизации бытия, с измышления некоего вневременного, пребывающего начала, субстанциональной подкладки, если и изменяющейся, то лишь в своих внешних свойствах: вода Фалеса, апейрон Анаксимандра, воздух Анаксимена, огонь-логос Гераклита... Наконец, элеаты поставили точку над "и", целиком и полностью отвергнув небытие, абсолютизовав и обожествив бытие. Пантеизм Ксенофана не случаен, он вполне в духе самой философии, ищущей абсолютное и вечное бытие. Атомисты, правда, восстановили небытие, но они поставили его в один ряд с бытием и свели к физической пустоте, т. е. как бы подменили субстанцию модусом. Платон придавил небытие могильной плитой вымышленного им вневременного мира. Аристотель надел на небытие маску потенциального. Христианская философия стала трактовать бытие как силу, творящую из небытия весь мир. Но не скрыто ли в идее творения из ничего признание первичности и абсолютности небытия? Редко-редко мы находим признание значения небытия. Согласно позднему буддизму, дхармы не имеют действительного существования, а в действительности существует только пустота, тождественная с нирваной, которая (пустота) только иллюзорно выступает как мир в его многообразии. Попытку анализа категории небытия мы находим в философии вайшешика. Там различали относительное небытие (сансарга-абхава) — отсутствие чего-либо в другом (S не есть в P) и абсолютное небытие — отличие одной вещи от другой (S не есть P). Относительное небытие выступает как несуществование до возникновения (праг-абхава), несуществование после уничтожения (дхванса-абхава) и отсутствие связи между двумя вещами (атьянта-абхава).

Философия нового времени не смогла воздать должного категории небытия. Даже Бергсон в противоречии с основами своей философии понимал небытие как несостоявшееся бытие чего-либо, как некую абсолютизацию обманутого ожидания. Даже Ницше не смог вынести образа небытия (вспомните змею, заползшую в глотку спящему) и искал успокоения в идее вечного возвращения. Даже Сартр не смог понять небытие как онтологический принцип, приписав его только сознанию, бытию для себя. В течение двадцати пяти веков философы, взявшись за руки, водили хоровод вокруг небытия, стараясь заклясть его.

4. Не только философия, но и религия, искусство, наука — различные, до сих пор неосознанные, способы заклятия небытия. Человечество все еще прячет голову под крылышко своей культуры, культуры бытия, неустанно восстанавливая мост над бурным потоком. На этот мост люди взгромоздили

свои идолы, свои догмы и скрижали, на нем сидят, поджав ноги, Парменид и Спиноза, Гегель и Гуссерль.

5. Не только страх перед небытием, но и трудности, связанные с его пониманием, заставляют человека творить “культуру бытия”. Но теперь, когда человечество повернулось лицом к космосу, когда люди стали всего лишь землянами, им открылись пространственно-временные интервалы, где почти ничего нет... Но не только перед собой, но и в повседневном, будничном мире открыли земляне силы, способные все превратить в небытие. Последнее уже не безобидная пустота Демокрита, а нечто, способное растворить в себе любое бытие... Вот почему теперь легче представить и понять небытие, вот почему возможна моя философия, “философия небытия”.

6. Небытие существует. Несуществующее существует. “Что за вздор?! — воскликнет философствующий педант. — Где вы видели несуществующее существующим?”

О, жалкий филистер! А где ты видел существующее существующим?! Где ты видел вечное бытие? Только в своем метафизическом воображении. И то потому, что ты недостаточно резв и не можешь обернуться столь быстро, чтобы заметить за своей спиной небытие.

7. Что небытие существует, можно доказать многими способами:

- **доказательство от времени:** существование настоящего предполагает существование прошлого и будущего, т. е. того, чего уже или еще нет. Это временной модус небытия;
- **доказательство от пространства:** существование чего-либо в том или ином месте предполагает несуществование его в другом месте. Это пространственный модус небытия;
- **доказательство от движения:** движущееся тело есть там, где его нет, и его нет там, где оно есть. Это мобильный модус небытия;
- **доказательство от возникновения нового:** новое — это то, чего не было в причинах и условиях, это новое породивших. Но где оно было, когда его не было? В небытии. Это эмерджентный модус небытия;
- **доказательство от противоположностей:** миры и антимир, частицы и античастицы, положительные и отрицательные числа, вообще все противоположное погашает друг друга в небытии и возникает из него как из нуля (система координат);
- **доказательство от различия:** все сущее, всякое конкретное есть не столько то, что оно есть, сколько то, что оно не есть, А потому А, что оно не В, не С, не Д и т.д.;
- **доказательство от случайности:** случайно то, что может быть, а может и не быть, следовательно, существование случайности предполагает существование небытия;

- **доказательство от субстанции:** коль скоро существуют свойства, акциденции, то должен быть и их носитель — субстанция. Но она неуловима и в вещи нет ничего, кроме совокупности свойств. Как только субстанция получает определенность, она превращается в свойство (ведь нет ни материи, ни духа, а есть материальное и духовное). Следовательно, субстанцией может быть только небытие и т.д.

8. Впрочем, многие философы понимали, что небытие существует. Но и они думали, что небытие существует постольку, поскольку существует бытие. Я же утверждаю, что небытие не только существует, но что оно первично и абсолютно. Бытие же относительно и вторично по отношению к небытию.

9. Докажем, что небытие абсолютно, а бытие относительно. Для этого достаточно более внимательно взглянуть на вышеприведенные аргументы в пользу существования небытия. Начну с конца:

- небытие абсолютнее бытия в той же мере, в какой субстанция абсолютнее своих состояний;
- случайное абсолютно, а закономерное относительно, ибо ни один закон не может предусмотреть всех случаев. Вообще говоря, для случая нет закона. Закон есть только для случаев;
- всякая данность в качестве для-себя-бытия конечна, а в качестве бытия-для-другого бесконечна, т. е. то, чем что-либо не является, бесконечно больше, чем то, чем что-либо является. Иначе А относительно, тогда как не В, не С, не Д... абсолютно и бесконечно;
- небытие, в котором как в среднем погашаются все противоположности, абсолютнее этих противоположностей. Вспомним хотя бы нулевую плотность во вселенной;
- то, что есть, лишь малая часть того, что есть, что было и что будет;
- движущееся тело находится в одной, конечной части пространства и не находится в другой, бесконечной части пространства;
- любое тело существует в конечной части пространства и не существует в его бесконечной части;
- **все возникает на время, а погибает навечно.** Возникновение и гибель неравномощны. Коль скоро время не феномен, а существенное свойство бытия, коль скоро все преходящее, то небытие абсолютно, а бытие относительно.

10. Учение об абсолютности небытия и относительности бытия не отрицает их единства. Я согласен с тем, что все сущее есть единство бытия и небытия. Но если у Гегеля небытие — только оборотная сторона бытия (что позволило ему вынести время за скобки), то у меня бытие — обратная сторона небытия, точнее, форма существования небытия.

11. Не существует абсолютного, вечного, тождественного бытия, бытие существует в качестве многообразия конкретных и преходящих ситуаций. Они неповторимы, ибо время необратимо.

12. Но, возразят мне, во всех превращениях что-то сохраняется. Муха усваивается стрекозой, а человек чертополохом. Но человек — не чертополох. Философия бытия делает упор на общности человека и чертополоха, философия небытия на их различии, а тем самым, именно последняя является подлинно гуманистической философией.

13. В вопросе о существовании бытия и небытия наше сознание исторически проходит следующие ступени:

- Наиболее очевидным кажется, что существовать может только существующее, т. е. “только бытие существует”.
- Но факт движения заставляет признать, что “существуют и бытие, и небытие”.
- Но если существует единство бытия и небытия, то, тем самым, существует и небытие, то есть существует несуществующее.
- Наконец, сознание понимает, что “только небытие существует”, чему и учит моя философия небытия.

14. Докажем теперь, что небытие первично. Понятие первичности и вторичности предполагает причинно-следственное отношение. Первичное — это первопричинное. Если мы под первопричиной будем понимать бытие вообще или же какое-либо его состояние, то возникает вопрос о причине первопричины. В ответ на этот вопрос одни тупо молчали, другие же, хитрые философы, говорили, что первопричина — это самопричина, т. е. что она является причиной не только всего другого, но и самой себя. Но и эти философы смутно понимали, что бытие не может быть ни первопричиной, ни самопричиной. Отсюда хотя бы неуловимая, исчезающая, но тем не менее реальная субстанция Локка. Только небытие, говорю я, может быть и первопричиной, и самопричиной: ведь то, что не существует, не нуждается в причине для своего существования.

15. До сих пор мыслили по схемам:

1. *A есть (нет), потому что B есть (нет) — причинность.*
2. *A есть, потому что A есть — самопричинность.*

Но просмотрели другой вариант:

3. *A есть, потому что A нет.*

То есть, небытие существует, потому что небытие не существует. Это положение единственное в своем роде. Мы не спрашиваем здесь, почему существуют слоны и не существуют мамонты. Мы спрашиваем о причине бытия как такового.

16. Небытие как самопричина отрицает само себя. Небытие небытия есть бытие. Для этого порождения не нужно ничего, кроме небытия.

17. Поскольку небытие существует, не существуя, и не существует, существуя, оно есть время.

18. Временность — атрибут бытия. Но так как все возникает на время, а погибает навечно, то время есть гибель.

19. Будучи небытием небытия, бытие неустойчиво. Выражением этой неустойчивости является становление, изменение, развитие, борьба противоположностей.

20. В основе всех противоречий лежит противоречие между бытием и небытием.

21. Развитие состоит в наращивании бытия, его интенсификации. Но, чем интенсивнее бытие, тем оно хрупче, тем оно подверженной гибели. Мы ходим по тонкому льду над океаном небытия. Жизнь не может долго удержаться на вершине бытия. Отсюда сон и смерть.

22. Время порождает пространство. Последнее — это остановившееся время, последовательность, ставшая рядоположенностью. Если бы существовало мировое сознание, то пространство можно было бы назвать его памятью. В пространстве больше бытия, чем во времени: все части пространства сосуществуют. Поэтому в пространстве часто видят символ бытия. Но в пространстве достаточно небытия, чтобы служить и символом небытия (хаос Гесиода, пространство как небытие у Платона и Демокрита).

23. Единство времени и пространства, за которым скрывается единство бытия и небытия, неустойчиво. Выражением этой неустойчивости является движение.

24. В движении есть сторона, соответствующая небытию, и сторона, соответствующая бытию. Первое — это энергия, а второе — материя. В материи содержится столько энергии, сколько нужно, чтобы вернуть ее в небытие.

25. Бытие первично, сознание вторично, ибо в сознании больше бытия, чем в бессознательном бытии. Сознание — высший тип бытия. В нем бытие торжествует и терпит свое наибольшее поражение.

26. Основа сознания — память. Благодаря памяти возможны мышление, чувства, воля. Память ставит плотину перед потоком ощущений. Они начинают наслаиваться друг на друга. Так возникают представления и понятия. Воля — это память, опрокинутая в будущее. Благодаря памяти создается и мир сущностей, мир безликих архетипов, спокойное царство законов, мир идей, где индивидуальное становится несущественным.

27. Благодаря памяти возникает само представление об абсолютном бытии, возникает идеал вечного бытия.

28. Но благодаря памяти же гибель оборачивается гибельностью. Там, где нет памяти, гибель чего-либо есть и гибель его гибели. Благодаря же памяти, факт гибели А не погибает вместе с гибелью А. Гибель превращается в гибельность.

29. Так возникает противоречие между идеалом и действительностью.

30. Выражением этого противоречия выступает страдание. Оно есть атрибут сознания.

31. Именно страдание заставляет сознание измысливать идеал бытия, останавливать время. Человек в мыслях убегает от небытия. Вся психика человека пронизана страхом перед небытием, а вся культура может быть расшифрована как порождение этого страха.

32. Экзистенция или человекобытие — бытие, осознающее свою неустойчивость, осознание конечным своей конечности, а, тем самым, и противостоящей ему бесконечности, кричащее противоречие между конечностью (в реальности) и бесконечностью (в сознании).

33. Из этого противоречия возникает религиозное сознание.

34. Любовь — это попытка зацепиться за чужое бытие, а тем самым, сделать свое бытие более устойчивым. Любовь к Богу должна поэтому казаться самой нужной и самой сильной.

35. Из этого противоречия возникает и философское, метафизическое сознание, которое есть религиозное сознание минус любовь. Оно абсолютизирует бытие и упраздняет (на словах) небытие. Метафизическая память останавливает время, превращая последовательность в

рядоположенность. Метафизическое мышление творит законы. Метафизическая воля порождает идею детерминизма и фатализма.

36. Понимание несоответствия метафизики сути вещей брезжит в диалектике, особенно в гегелевской диалектике. Но Гегель превратил небытие в изнанку бытия. Противоречие между системой и методом Гегеля — это слабое выражение противоречия между бытием и небытием. Главным недостатком диалектики Гегеля является игнорирование времени. Даже Бергсон понял время как непрерывность тождественных состояний.

37. Сознание бытия — это религиозно-философское сознание. Столкнувшись с тем, что все преходяще, что оно само, мыслящее бесконечное, конечно, что нет ни Бога, ни бессмертия, что любовь и дружба преходящи, как и все остальное, оно впадает в ужас. В силу обманутого ожидания торжествует нигилизм, переходящий в цинизм. Охваченное ужасом сознание бытия готово убить и себя, и бытие.

38. Спасает трезвое, реальное сознание, сознание небытия. Оно понимает первичность и абсолютность небытия, а потому видит в разлуке, измене, смерти, торжестве бессмысленного времени, в иллюзорности прогресса — этой хитрой попытке сознания бытия приручить себе время — естественные и закономерные явления. Сознание небытия не трагично. Оно является подлинно диалектическим: диалектическое воображение соотносит всякое будущее событие с будущим состоянием конкретного субъекта, диалектическая память запоминает события в их последовательности, диалектическое сознание вообще понимает смерть, разлуку, измену, ложь, заблуждение как естественное и первичное. Оно же является и подлинно атеистическим сознанием.

39. Диалектическая воля — воля, действующая свободно при всей своей детерминированности, ибо она детерминирована небытием. Вероятно, что нет ничего недетерминированного, но тем не менее есть свобода. Свобода — это детерминированность небытием. Несмотря на очевидность своей несвободы, человек чувствует себя все же свободным. Эта иллюзия объясняется тем, что человек способен “не быть”.

40. Человек небытия мужественен. Его мужество — это мужество **быть несмотря на ничто, а не только несмотря ни на что**. Он понимает, что всякая ситуация преходяща, он видит ничтожество всякой ситуации на фоне просвечивающего сквозь нее небытия, он смело смотрит вперед без надежды и отчаяния. Он не раскаивается и не мстит, ибо настоящее бессильно перед прошлым. Нищий, ставший богачем, остается нищим в прошлом.

41. Человек небытия понимает, что действовать — значит изменять своей свободе, ибо из многих “моглобностей” может реализоваться только одна, да

и та лишь в качестве “нетойности”. Только философия небытия может обосновать философское отношение к жизни — атаксию и апатию, пребывание в ничтожестве, точнее говоря, возвращение в ничтожество и смирение.

42. Человек небытия понимает себя как небытие своего небытия, жизнь как небытие смерти, любовь как небытие ненависти, верность как небытие измены, истину как небытие лжи и заблуждения, свидание как небытие разлуки.

43. Человек небытия не консервативен. Понимая, что все преходяще, что всякое соответствие (всякое А есть Б) неустойчиво, он не будет стараться сохранить то, что нельзя сохранить. Ведь только ужас перед небытием заставляет людей сохранять семьи, где уже нет любви, и т.п.

44. Сознание бытия — рабское сознание. Ведь еще Гегель показал, что господин тот, кто обладает сознанием небытия, кто не боится смерти, кто свою жизнь покупает ценою смерти.

45. Человек приходит из небытия и уходит в небытие, так ничего и не поняв.

Резюме (предварительные тезисы к философии небытия)

1. Небытие первично и абсолютно.
2. Небытие беспредельно во всех отношениях.
3. В своей беспредельности оно есть свое собственное небытие.
4. Небытие небытия есть бытие.
5. Бытие вторично и относительно. Абсолютного бытия нет.
6. Бытие как небытие небытия неустойчиво.
7. Выражением неустойчивости бытия является время.
8. Все существующее существует во времени.
9. Следовательно, все возникает и погибает.
10. Возникновение и гибель неравноможны. **Все возникает на время и погибает навечно.**
11. Атрибутом бытия является абсолютная гибельность.
12. Бытие первично, сознание вторично.
13. Основа сознания — память.
14. Благодаря памяти сознание приобретает видимость субстанциональности.
15. Осознанная гибельность есть страдание. Страдание — атрибут сознания.
16. Страдание заставляет сознание измысливать мир абсолютного бытия, то есть Бога.
17. Так возникает “сознание бытия” — религиозное в своей сущности сознание.
18. Вся предшествующая философия — варианты “сознания бытия”.
19. Но Бога нет.

20. Поэтому возникает “сознание небытия”: “сознание небытия” делает бытие прозрачным и видит за ним небытие.
21. Стрaдание перерастает в ужас.
22. Ужас заставляет сознание отрицать не только иллюзорное “сознание бытия”, но и себя, и бытие.
23. Мир погибает,
24. Если ужасу не будет противопоставлено мужество, “мужество небытия”.
25. Это высший вид мужества. **“Мужество бытия” — мужество быть, несмотря ни на что. “Мужество небытия” — мужество быть несмотря на ничто.**
26. Знать, что все проходит, и в то же время не впадать в ужас — вот чему учит подлинная философия, “философия небытия”.

Отчет о Бостоне

*США, Бостон
10-16 августа 1998 года
«Трактат о Небытии».*

Двадцатый Всемирный Философский Конгресс организуется (с 1948 г.) Международной Федерацией Философских Обществ, в состав которой входит и Российское Философское общество. Начиная с 1948 г. Всемирные Философские Конгрессы собираются регулярно каждые пять лет. Предыдущий Конгресс был в Москве (1993 г.), следующий будет в Стамбуле (в 2003 г.). Бостонский Конгресс был наиболее представительным — более двух тысяч активных участников. Деятельность Конгресса состояла как в Пленарных, так и в Секционных заседаниях (кроме того, собирались «круглые столы», собрания «обществ» и т. п.). Что касается секций, то их было более двадцати: секция метафизики, секция философской антропологии, секция философии экономики, секция философии права, секция философии языка.

Я участвовал как в Пленарных заседаниях, так и в работе секций. При этом главным образом в своей секции — в секции онтологии, заслушивая доклады других участников секции и неоднократно принимая участие в их обсуждении. Например, по докладу «Философия как способ рационального охвата реальности» мною были сделаны критические замечания: 1). Неточно утверждать, что человек выделялся из природы, преобразуя ее, ведь преобразуют природу и бобры, строя плотины, главное состоит в том, что человек достраивает самого себя, а уже через это преобразует окружающую его природную среду, и это достраивание оборачивается ныне роботизацией человека, которая может кончиться тем, что человек передает все свои функции машинам и исчезнет; 2). Неточно сводить интеллигента к

интеллектуалу, интеллигент = интеллектуал + совесть (в России часто больная).

В своем докладе «Трактат о Небытии» я, предварительно заметив, что проблема соотношения Бытия и Небытия проходит через всю объективную историю философии и сформулировав пять и еще другие пять вариантов ее решения различными мыслителями, изложил свое решение: Бытие не имеет основания в самом себе, его основание во вневременном Небытии, которое, отрицая само себя, порождает (но не превращается в него ни целиком, ни частично) Бытие, которое существует, не существую, и не существует, существую, а потому есть Время, порождающее Пространство. В таком Бытии все, что существует, существует в качестве процессов (а не предметов), все возникает и погибает, но всё, что возникает, возникает на время, а всё, что погибает, погибает навечно. Всё существовавшие и существующие культуры порождены страхом перед Небытием, они созданы Человеком Бытия, который если и видит небытие, то лишь в его модусах (частных проявлениях: разлука, смерть, страдание), в основе этих культур лежит надуманное представление о вневременном Бытии, в субстанции или Боге. Но Бог отсутствует, поэтому Человек Бытия с его мужеством — быть, несмотря ни на что, впадает в состояние ужаса, которому может быть противопоставлено лишь мужество Человека Небытия, способного быть, несмотря на ничто, несмотря на то самое Абсолютное Ничто, Небытие, которое является источником вторичного и относительного Бытия.

Применительно к основной теме Конгресса: Пайдейя (воспитание, образование), которая была раскрыта как философия в воспитании человечества, мое учение о бытии и небытии советует иметь исходным не белый, а черный «квадрат», такая установка избавит от печали от жизненных пятен на «белом квадрате» и принесет радость от светлых пятен на «черном квадрате».

Возможным переходом от культуры бытия к культуре небытия является реформа языка. В основе культуры бытия лежит суждение «Я есть», в основе культуры небытия — суждение «Я не не-есть», то есть первично мое несуществование, существование же вторично и преходяще.

Мой доклад был выслушан с большим вниманием и награжден аплодисментами. Было задано много вопросов, на которые я ответил. Председательствующий — профессор Бостонского университета Джон Берри лично поблагодарил меня.

По словам некоторых корреспондентов, которые брали у меня интервью после закрытия конгресса, одни из ведущих руководителей Международной Федерации Философских Обществ профессор Агаи (Генуя) заявил, что не следует опасаться за русскую философию, так как у неё есть А.Н. Чанышев.

Примечание¹

В истории философии известны и «антипарменидовские» варианты решения проблемы соотношения бытия и небытия. Известно, например, что китайский даосизм и индийский буддизм учили о первичности небытия и вторичности бытия. Одним из вариантов «Анти-Парменида» может быть следующий: небытие первично и абсолютно, небытие беспредельно во всех отношениях, в своей беспредельности оно есть свое собственное небытие. Небытие небытия есть бытие, бытие вторично и относительно (абсолютного бытия нет). Бытие как небытие небытия неустойчиво; выражением неустойчивости бытия является время. Все существующее существует во времени, следовательно, все возникает и погибает. Возникновение и гибель не равноможны: все возникает на время и погибает навечно. Атрибутом бытия является абсолютная гибельность. Бытие первично, сознание вторично. Сущность сознания — память; благодаря памяти сознание приобретает видимость субстанциональности. Осознанная гибельность есть страдание, страдание заставляет сознание измысливать мир абсолютного бытия, то есть бога. Так возникает сознание бытия» — религиозное в своей сущности сознание. Но бога нет, поэтому возникает «сознание небытия»: сознание делает бытие прозрачным и видит за ним небытие. Страдание переходит в ужас, заставляющий отрицать не только «сознание бытия», но и бытие как таковое — мир погибает, если ужасу не будет противопоставлено «мужество небытия»: мужество быть, не только несмотря ни на что (это низший вид мужества — «мужество бытия»), но несмотря на ничто.

¹ Чанышев А.Н. Итальянская философия. М., 1975. С. 178–179. (Глава «Парменид элейский»).

ФИЛОСОФИЯ НЕБЫТИЯ: НОВЫЙ ПОДЪЕМ МЕТАФИЗИКИ ИЛИ СТАРЫЙ ТУПИК МЫШЛЕНИЯ?

Н.С.Розов

Посвящается памяти Арсения Николаевича Чанышева

Предисловие. Статья была написана в предположении, что автор «Трактата о небытии» А.Н.Чанышев живет и здравствует. Статья получилась полемической, критика — резкой, причем даже иногда с личными выпадами. Чтобы как-то развеять тяжелое дыхание небытия и развлечь читателя, я сделал текст ироничным и насмешливым. Разумеется, зная, что дискутирую с уже ушедшим коллегой, я выбрал бы иной тон.

Дальше — больше. Оказалось, что первоначальный вариант «Трактата» (без Резюме и нескольких позже добавленных эпиграфов) был давно опубликован в «Вопросах философии» (1990, №10), известен с подзаголовком «Бостонские тезисы» и уже «вошел в антологию русской философии» (как сообщено в некрологе). Не знаю, по каким причинам при публикации нового варианта через 15 лет в другом журнале не было сделано соответствующей ссылки. Так или иначе, текст моей статьи уже был готов, и я решил опубликовать в неизменном виде, добавив лишь предисловие и послесловие.

Для настоящего философа, каким, безусловно, был Арсений Николаевич, критические баталии, текстологические казусы и живые страсти вокруг оставленного наследия — лучшая посмертная награда.

Этот мир был проклят мною с детства
За несоответствие мечте

А.Н.Чанышев

— Вам воду без сиропа?

— А скажите: без какого сиропа?

Одесская шутка

Обилие современных философских текстов подобно ассортименту круглосуточного магазина или списку кандидатов в депутаты: выбор вроде бы большой, но товар либо лежалый, либо поддельный, либо второсортный, в общем, взгляд остановить не на чем. Поэтому появление действительно значительного текста со свежими и смелыми идеями — настоящий праздник для интеллектуала.

Небольшой «Трактат о небытии» А.Н.Чанышева^{i[1]} привлекает внимание предельностью заявленных тезисов, видимой солидностью логической аргументации, основанной на обширном историко-философском идейном арсенале, и экзистенциальной отвагой. Наконец-то читатель встречается не с пережевыванием общеизвестной классики или модных зарубежных авторитетов, а с попыткой сказать свое, новое, по-настоящему философское слово, более того — продолжающее славную традицию полного отрицания всей предшествующей философии как ошибочной. Кроме того, краткий «Трактат» А.Н.Чанышева, подобно знаменитому предшественнику — «Логико-философскому трактату» Л.Витгенштейна, вполне органично сочетает, казалось бы, несоединимое: строгую и сухую логическую аргументацию с эмоционально наполненными экзистенциальными пассажами.

Коротко о содержании «Трактата». А.Н.Чанышев выставляет на суд «философию небытия»: утверждает первичность небытия, доказывает всесторонний приоритет небытия над бытием (тогда как последнему и была посвящена вся предшествующая — «ошибочная» философия), заявляет этическое превосходство «мужества небытия» над «рабской философией бытия».

Значительный философский текст — это всегда перелом большего или меньшего масштаба в траекториях мировой мысли^{ii[2]}. Будучи достаточно далек по своим интересам от высот метафизики с ее предельными категориями, в частности «бытия» и «небытия», я в то же время озабочен проблемами нынешнего состояния и перспектив философии в России и мире. После Сартра и Поппера, по моему глубокому убеждению, мировая философия вступила в кризисный (точнее сказать: «провальный») период своей истории, чему есть и причины, и объяснения.^{iii[3]} Появление «Трактата о небытии» любопытно именно в этом контексте: либо это очередной перепев прежних отживших мотивов — рецидив недоубиенной «классики», или «модерна», либо периферийная тупиковая ветвь нигилизма, либо хитрая постмодернистская провокация. А может быть — первая ласточка бурной философской весны, нового могучего подъема метафизики?

Честное слово, у меня нет заранее готового ответа на этот вопрос. Чтобы приблизиться к нему, можно идти двумя основными путями.

Первый — интертекстуальный — предполагает представление широкого интеллектуального контекста, как историко-философского, так и современного, для появления «Трактата о небытии». В этом контекстуальном пространстве узловыми доменами стали бы идеи буддийской философии Нагарджуны, Асанги и др. о пустоте как всеобщем начале и высшей цели, индуистский чисто негативно определяемый Брахман, негативная абсолютизация Единого в «Пармениде» Платона, апофатическое богословие Псевдо-Дионисия, каббалистский «Эн-Соф» (Бог как абсолютно бескачественная беспредельность), богатая традиция европейской спекулятивной мистики (Экхарт, Беме, Силезиус и др.), парадоксальные синтезы Николая Кузанского, панскептицизм как начало философии Декарта

и Беркли, взаимопревращение Я и не-Я у Фихте, диалектика бытия и небытия у Гегеля, отвержение бытия в нигилизме Ницше, меонизм Николая Минского, «фундаментальная метафизика» Бытия и Ничто Хайдеггера, учение о Сартра о свободе как сознании Ничто, негативная диалектика Адорно и т.д. Кроме явных узлов контекст составляют также десятки второстепенных концепций. Оставляем разработку этого пути историко-философским эрудитам.

В данной статье предпримем второй путь — интратекстуальный, который состоит в детальном анализе самих тезисов и аргументов «Трактата». (Разумеется, эти пути всегда имеют хотя бы неявные пересечения: контекст нельзя определить без анализа содержания самого текста, а любой анализ предполагает наличие мыслительных орудий, как правило, заимствованных или выкованных на основе изучения текстов из того же или более широкого контекстуального поля.)

Разберем логику аргументации и внутреннюю смысловую структуру основных тезисов «Трактата о небытии», обобщим результаты и, сопоставив их с намеченными ранее перспективами выхода из философского кризиса,^{iv[4]} постараемся ответить на поставленный выше вопрос о роли «философии небытия» в перспективе дальнейшего развития философского процесса.

«Трактат о небытии» имеет следующую формальную структуру: 45 пронумерованных пунктов основного текста и 26 пунктов резюме («предварительных тезисов к философии небытия»). Далее последовательно рассмотрим основные содержательные пункты основного текста (в той же нумерации), обращаясь по необходимости к релевантным положениям резюме.

Первый пассаж «Трактата» имеет ударный импрессивный характер, богат живыми образами, в которых уже отражены далее обсуждаемые характеристики небытия.

«1. Небытие окружает меня со всех сторон. Оно во мне. Оно преследует и настигает меня, оно хватает меня за горло, оно на миг отпускает меня, оно ждет, оно знает, что я его добыча, что мне никуда от него не уйти. Небытие невидимо, оно не дано непосредственно, оно всегда прячется за спину бытия. Небытие убивает, но убивает руками бытия. Неслышными шагами крадется оно за бытием и пожирает каждый миг, отставший от настоящего, каждое мгновение, становящееся прошлым [...] Всякий раз небытие одним прыжком настигает нас. Оно встречает нас у нашей цели: мы бежим от него, а оно, улыбаясь, идет нам навстречу [...] Небытие повсюду и всегда: в дыхании, в пении соловья, в лепете ребенка... Оно — сама жизнь!».

Рациональный аспект этих образов будет рассмотрен автором «Трактата» и мной далее. Здесь же, отмечая впечатляющий художественный успех ударного вводного пассажа, выделим его главную тему: *ужас и страх перед «небытием» (неминуемой смертью?) перерабатываются в преклонение и восторг*. Дальнейшее содержание «Трактата» вполне может быть понято как интеллектуализация — концептуальное, логическое развертывание и обоснование темы, образно заданной в первом импрессивном пассаже.

«2. Моя философия есть упразднение всякой философии, то есть мировоззрения, которое всегда, так или иначе, подсовывает под небытие бытие, подчиняет первое последнему (конечно, лишь в воображении философа).»

А.Н.Чанышев как видный специалист в истории философии, конечно же, хорошо знаком с давней и не умирающей традицией «отмены всей предшествующей философии» (Пиррон, Августин, Нагарджуна, Ал-Газали, Декарт, Бэкон, Спиноза, Гегель, Маркс, Ницше, Витгенштейн — это лишь видимая вершина айсберга). Известно также, что самые сильные аргументы в пользу «конца философии» нередко становились поворотными пунктами и ростками дальнейшего бурного развития философии. Сомнительно, чтобы здравомыслящий автор «Трактата» всерьез надеялся на то, что после публикации последнего философы прекратят свои штудии или в массовом порядке перейдут на позиции «философии небытия». Значит, лозунг «упразднения всей философии» носит сугубо полемический характер — это призыв к дискуссии. Призыв услышан. Отклик — перед Вами. Философия продолжается и, как подобает, лишь укрепляется от очередных заклинаний ее смерти.

«3. Историческая ошибка сознания состояла в выведении небытия из бытия».

Далее следует пунктирный обзор философских заблуждений относительно небытия, включающий сочувственное указание на буддийскую вайшешику, изучавшую типы небытия, разочарование концепциями Ницше и Сартра, не сумевшими воздать должное небытию. Итог:

«в течение двадцати пяти веков философы, взявшись за руки, водили хоровод вокруг небытия, стараясь заклясть его».

Аргументации в данном пункте нет. Используется хитроумный риторический прием смены центра внимания. Формула приема примерно такова: «Почти все философы занимались А (бытием), и почти никого не интересовало В (= не-А, небытие, интересующее автора «Трактата»).

Построим-ка всех философов прошедших двадцати пяти веков в хоровод

вокруг В, а их игнорирование В объявим заклинанием (попыткой избавиться, поставив в центр общего внимания)». Воздав должное эффективной риторике, пойдем далее.

«4. Не только философия, но и религия, искусство, наука — различные, до сих пор неосознанные, способы заклятия небытия. Человечество все еще прячет голову под крылышко своей культуры, культуры бытия, неустанно восстанавливая мост над бурным потоком. На этот мост люди взгромоздили свои идолы, свои догмы и скрижали, на нем сидят, поджав ноги, Парменид и Спиноза, Гегель и Гуссерль».

Здесь хоровод расширяется, включая все человечество с его культурой. Центр хоровода (небытие) превращается в бурный поток, а культура предстает как мост над этим потоком и как крылышко, укрывающее вечно инфантильное человечество от реальной стихии небытия. Четверка главных глашатаев всеобъемлющего, абсолютного и вечного бытия (недвижимое совершенное единое у Парменида, Бог Спинозы как единственная мировая субстанция, саморазвивающаяся Идея у Гегеля и универсум сознания у Гуссерля) весело осмеяна: все они, усевшись на свои жалкие догмы, поджимают ноги, страшась даже прикосновения небытия. Образы доходчивые и впечатляющие. Аргументации пока нет.

Указано на современный исторический сдвиг, облегчающий появление «философии небытия: знакомство с космосом («где почти ничего нет») и обнаружение «сил, способных все превратить в небытие» (вероятно, имеется в виду ядерное оружие и «ядерная зима»). Похоже, здесь реалист А.Н.Чанышев делает неявную уступку только что осмеянному идеалисту Гуссерлю. Исчезновение человечества будет означать исчезновение человеческого сознания, но вовсе не «всего», не бытия. Сама планета Земля, ее спутник Луна, Солнце, звезды и галактики останутся. В страхе автора перед исчезновением «всего» при исчезновении человека и познания видится как раз вполне инфантильный солипсизм (зажмурюсь — и отменю мир вокруг себя, меня не будет — и всего не будет).

«6. Небытие существует. Несуществующее существует».

Далее следует звонкая пощечина несогласному с этим тезисом «философствующему педанту» — «жалкому филистеру»:

«А где ты видел существующее существующим? Где ты видел вечное бытие? Только в своем метафизическом воображении. И то потому, что ты недостаточно резв и не можешь обернуться столь быстро, чтобы заметить за своей спиной небытие».

Славная атака, в которой явно звучат ноты громогласного ругателя Заратустры. Вспоминается пометка Черчилля на полях текста своей речи, которую он готовил для парламентского выступления: «здесь аргументация слабовата — усилить нажим голосом».

Вместе с тем, принципиальный тезис заявлен, и он заслуживает серьезного обсуждения. Действительно, существует ли небытие? Согласно С.С.Хоружему,^{v[5]} имеется две главных линии в истории представлений о ничто (небытии). Первую назовем субстанциалистской (Платон, неоплатонизм, пантеистическая мистика, системы Шеллинга, Гегеля, Хайдеггер и Сартр): здесь ничто, или небытие, имеет собственное онтологическое содержание. Вторая традиция, названная С.С.Хоружим формально-логической (Декарт, Бергсон, Ницше, добавим сюда также Рассела и Карнапа) трактует ничто (небытие) лишь как формальный результат логического отрицания сущего (бытия) и тем самым лишает его какой-либо онтологической субстанциональности.

Как видим, тезис А.Н.Чанышева «небытие существует» четко смыкает его концепцию с первой субстанциалистской традицией и приводит восемь доказательств существования небытия. Рассмотрим их последовательно.

«Доказательство от времени: существование настоящего предполагает существование прошлого и будущего, т.е. того, чего уже или еще нет. Это временной модус небытия».

Рассмотрим вначале прошлое. Предлагается такое рассуждение: прошлое существует, но прошлого уже нет, следовательно, существует то, чего нет, иными словами, существует небытие. Аргументация хитрая, но скрывает изъян. Существование прошлого означает вовсе не то, оно существует сейчас, а то, что оно *существовало ранее*. Причем, это существование широко и разнообразно представлено в настоящем в форме всевозможных следов и следствий, которые изучаются многими естественными и историческими науками (от астрономии, геологии, гляциологии и эволюционной биологии до археологии, исторической демографии, исторической социологии, истории литературы и истории философии). Что же изучают все эти науки: бытие или небытие? Смело можно утверждать, что внимание фиксируется на том, *что было*, т.е. на бытии, но в модусе прошлого. Таким образом, временной модус имеет именно бытие, а вовсе не небытие. А.Н.Чанышев вводит свое небытие в метафизику примерно так же, как Гоголь вводит Нос, Достоевский — Двойника, а Евгений Шварц — Тень в свои художественные произведения. Тень-Двойник ловко встает на место оригинала, присваивает его облик, имущество, положение, женщин и саму жизнь.

Сложнее обстоит дело с будущим. Обычно нельзя с полной уверенностью утверждать, что именно такое будущее произойдет (будет существовать), поскольку реальное будущее может оказаться иным. Зато

даже минимально реалистический взгляд не может не признать, что *какое-то будущее* известных в настоящем и прошлом частей бытия (а это, прежде всего, небесные тела, горы, моря и океаны на планете Земля) будет иметь место, даже в случае трагической гибели человечества и даже жизни на планете. Иными словами, бытие также безусловно будет продолжаться в будущем. Субстанциональность небытия аргументом «от времени» доказать не удалось.

«Доказательство от пространства: существование чего-либо в том или ином месте предполагает несуществование его в другом месте. Это пространственный модус небытия».

Здесь даже попытки аргументации нет, поскольку тезис весьма слаб. Почему собственно «предполагает»? Есть многообразные способы определения местоположения и границ распространения разного рода объектов (в том числе, популяций и сложных систем) в пространстве. Если такого рода утверждение о локализации объекта эмпирически обосновано (допустим, ареал распространения такого-то биологического вида — такой-то), то оно никак не предполагает необходимости перечислять все те места, где данный вид не имеет распространения (что просто-напросто невозможно, даже в рамках поверхности планеты). Более того, в самом «доказательстве от пространства» явственно видно, что небытие наделяется «пространственным модусом» *только* на основании того, что где-то что-то существует, иными словами, имеет определенную пространственную характеристику. Еще раз подтверждается догадка о том, что чанышевское небытие — это всего лишь метафизическая аватара шварцевской Тени, незаконно присваивающей все атрибуты оригинала — бытия.

«Доказательство от движения: движущееся тело есть там, где его нет, и его нет там, где оно есть. Это мобильный модус небытия».

Во времена Парменида и Зенона такая аргументация была свежей и впечатляющей. Уже Аристотель внес достаточную ясность в вопрос, а после Галилея и Ньютона (не будем даже касаться Эйнштейна) как-то и обсуждать всерьез такие вещи неудобно. «Быть где-то» не означает «покоиться в одной точке». Покой вообще редок и относителен. Для элементов бытия характерно движение и изменение, но от этого они не перестают существовать. Вновь небытию незаконно приписывается модус, украденный у бытия.

«Доказательство от возникновения нового: новое — это то, чего не было в причинах и условиях, это новое породивших. Но где оно было, когда его не было? В небытии. Это эмерджентный модус бытия».

Вместо доказательства нам опять преподносится софизм, причем не первой свежести. Верно, что самого нового объекта или качества в целостности новых характеристик не содержалось в причинах и условиях (иначе, оно не было бы новым — возникшим). Но любое новое существовало своими частями, аспектами, предпосылками в породивших его условиях и причинах. Чтобы опровергнуть этот тезис, нужно либо предъявить случай возникновения чего-либо из ничего (ссылки на «священные тексты» не принимаются), либо доказать, что в условиях и причинах не было *ничего* от возникшего нового (что следовало бы квалифицировать как чудо, однако, реалистский пафос «Трактата о небытии» ни Бога, ни чуда не признает).

Где же было новое во всей его целостности до его возникновения? Простой ответ — его как такового вообще не было. Метафизически затуманивающий ответ: если не было в бытии, значит, было в небытии. Небытие оказывается подобным буддийской «сокровищнице сознания», полной семян всех возможных идей и вещей, либо же платоновскому миру вечных эйдосов, среди которых, разумеется, всегда существовали эйдосы всего того, что в видимом мире возникает впервые.

Спор о том, наполнено ли небытие всем тем, что когда-либо возникнет, бесперспективен: у нас просто нет доступа, даже умозрительного, не говоря уже об опытном, к этой сфере. Против таких метафизических и теологических фантазмов есть только одно старое, но надежное и проверенное оружие — бритва Оккама: не умножай сущности сверх необходимости. Худо-бедно справляемся с пониманием и объяснением возникновения нового в естественных и даже в социальных науках, никак не привлекая идею о наполненном всем ждущим возникновения новым в небытии. Значит и не следует об этом говорить. «Доказательство от возникновения нового» остается столь же неубедительным, сколько и предыдущие.

«Доказательство от противоположностей: миры и антимир, частицы и античастицы, положительные и отрицательные числа, вообще все противоположное погашает друг друга в небытии и возникает из него, как из нуля (система координат)».

Перед нами — чисто поэтическое, в рациональном отношении совершенно безответственное и лишенное даже попытки аргументировать, обобщение. Обсуждать нечего.

«Доказательство от различия: все сущее, всякое конкретное есть не столько то, что оно есть, сколько то, что оно не есть. *A* потому *A*, что оно не *B*, не *C*, не *D* и т.д.».

Здесь воспроизводится старинный ход мысли, который в свое время ярко выразил буддийский философ Дигнага. Слово «корова» только

обозначает те объекты, которые не являются не-некоровой^{vi[6]}. Поскольку, указывая на «белое», человек не может показать, что знаком со всеми примерами белого, то все, что ему доступно — отграничить данное белое от небелого. Все понятия и суждения построены только на отрицании. Отсюда Дигнага делает вывод об иллюзорности, изначальной ложности всего вербального мышления.

Ход рассуждения остроумный, но ошибочный. В реальности (за пределами языковых игр в метафизике) почти никогда нет надобности определять какое-либо *A* («корову» или «белое» или что-либо еще) через то, чем оно не является. Это бессмысленно или же попросту невозможно, как невозможно определить локализацию вещи в пространстве, перечислив все места, где она не находится. Понятия определяются либо остенсивно указанием на пример, либо через сходство с образцом, либо через квалификацию характеристик объектов и их значений, либо иными *позитивными* способами, указывающими на существующие признаки.

Действительно, при проведении границ между объектами или группами объектов бывает значимо отрицание (по эту сторону тот же вид или тип, а по другую — уже другой), но оно играет сугубо техническую роль для различения объектов, имеющих всегда позитивные характеристики существования. Корову иногда требуется отличать от быка, от теленка, от буйвола, от коровы другой породы, но это вовсе не означает, что она сама является всего лишь отрицанием «не-коров».

Само различие, *любое* различие может быть установлено только в сущем как части мира, как проявлении бытия. Пресловутое «доказательство от различия» очередной раз демонстрирует контрабандное использование свойств бытия для утверждения мнимого существования небытия.

«Доказательство от случайности: случайно то, что может быть, а может и не быть, следовательно, существование случайности предполагает существование небытия».

Спустимся с высот метафизики и рассмотрим вполне прозрачный житейский пример случайности. Встречу я сегодня на улице своего знакомого, или не встречу, — дело случая. Действительно, встреча как некое позитивное явление бытия может произойти, а может и не произойти. В последнем случае ей можно приписать небытие (встречи не было). Действительно ли отсюда можно сделать вывод о существовании небытия? Во все нет, речь по-прежнему идет только о характеристиках и значениях признаков, присущих явлениям бытия. Иногда я на улице встречаю пять знакомых, иногда — трех, иногда — одного, иногда же никого не встречаю. Все это значения некоторой переменной как характеристики некоей простой системы, элементами которой являются знакомые по отношению к одному человеку люди. Окажутся ли эти люди с данным человеком примерно в одном месте (что определяется порогом зрительного различения) в течение

дня или нет — случайность. Что дало бы нам указание на возможное «небытие встречи» или «существование небытия»? Ничего.

А можем ли мы работать со случайностью, считая ее позитивной характеристикой позитивного явления бытия? Очень даже можем. Например, каждый знает, когда и где больше, а когда и где меньше вероятности встретиться с определенным знакомым, или вообще со знакомыми. Случайность — такой же атрибут бытия, как и движение, и возникновение, и различие. О «существовании небытия» случайность никак не свидетельствует.

«Доказательство от субстанции: коль скоро существуют свойства, акциденции, то должен быть и их носитель — субстанция. Но она неуловима и в вещи нет ничего, кроме совокупности свойств. Как только субстанция получает определенность, она превращается в свойство (ведь нет ни материи, ни духа, а есть материальное и духовное). Следовательно, субстанцией может быть только небытие».

Скептическая борьба с субстанцией, опустошение вещей и дискредитация их самостоятельного существования — давняя философская традиция, представленная наиболее ярко в Европе Пирроном, Беркли и Брэдли, а в Индии — Нагарджуной, Дигнагой и Шанкарой. Пожалуй, здесь мы столкнулись с наиболее серьезной аргументацией и поэтому рассмотрим вопрос детально и тщательно.

Рассуждение по выхолащиванию субстанции из вещей строится весьма хитроумно. Действительно, все акциденции (свойства, качества, признаки, черты, характеристики) вещи могут быть каким-то образом восприняты, распознаны, иначе нельзя было бы о них вообще говорить. Верно также, что изменения акциденций в некоторых пределах оставляют вещь самой собой (каждый человек очень сильно меняется от рождения до старости, но считается тем же индивидом). В онтологии принято считать, что постоянство вещи задается ее субстанцией — носителем всех акциденций. Интуитивно легко согласиться существованием некоей самости, сохранение которой сохраняет и вещь. Тут же мы попадаем в ловушку, поскольку при вычитании всех воспринимаемых акциденций остается пустота — неуловимое и недоказуемое. Так и появляется возможность полного отрицания субстанциональности вещей (европейский скептицизм и буддийско-индуистская дискредитация окружающего мира как покрова майи), либо же отождествление субстанции с небытием — радикальный вариант А.Н.Чанышева.

Почему данное рассуждение — ловушка и ошибка, а не прорыв к новому знанию? Тут придется выйти на метауровень оценки философских концепций. Следующий критерий оценки просто зафиксируем, поскольку обоснование его требовало бы отдельной работы примерно того же объема.

Философская концепция оценивается положительно как возможность прорыва к новому знанию, когда она позволяет осмыслить и использовать прежнее накопление научных знаний и представляет видимые пути и ориентиры для дальнейших теоретических и эмпирических исследований. Проще говоря, хорошая современная философия — та, что дружит с прошлой наукой, помогает настоящей науке и высвечивает пути для будущей науки.

В другие эпохи были другие критерии. Так, скептицизм Пиррона оправдывался этикой жизни мудреца, тотальное отрицание буддийской и индуистской традиций — соответствующими религиозно-философскими традициями, отрицание самостоятельного существования материи у Беркли и самих по себе вещей у Брэдли утверждало всемогущество и универсальность христианского Бога.

В XX и XXI вв. строить философию, отвергающую или игнорирующую науку с ее уже достигнутыми результатами и мощью современных продолжающихся исследований — занятие, возможно, отважное и благородное, но несколько глуповатое, примерно, такое же, как если бы кто-то понадеялся, выстругав деревянный самокат, состязаться с современными автомобилями и самолетами.

Поскольку признание субстанции каждой вещи небытием ничего не дает и не может дать ни для переосмысления прежних научных результатов, ни для дальнейшего развития науки (вся она построена на вполне реалистической онтологии положительного *бытия* вещей, их субстанций и акциденций), то мы фиксируем ловушку в рассуждении, выхолащивающем субстанциональность вещей, и должны предпринять поиск скрытой ошибки.

Главная ошибка видится в абсолютизации границы между бескачественной субстанцией и воспринимаемыми акциденциями. Здесь оказывается вполне релевантной школьная истина диалектики: *сущность является, а явление существенно. Операция по вычитыванию, «вырезанию» всех акциденций из вещи была незаконной.* Субстанцию составляет не бескачественный остаток, а структура и целостность основных частей и свойств вещи. Субстанция — это эмерджентная, системная целостность акциденций, а вовсе не результат, оставшийся после их вычитания. Именно так работают с субстанциями (сущностями — здесь различие не существенно) все естественные, технические и социальные науки, причем неплохо работают. Разумеется, эта системная целостность принадлежит бытию, она вполне даже уловима через свои акциденции (проявления, признаки, следствия, аспекты и прочее).

«8. Впрочем, многие философы понимали, что небытие существует. Но и они думали, что небытие существует постольку, поскольку существует бытие. Я же утверждаю, что небытие не только существует, но оно первично и абсолютно. Бытие же относительно и вторично по отношению к небытию».

В следующем пункте А.Н.Чанышев претендует на доказательство последнего тезиса, но основывается при этом на уже рассмотренных выше аргументах, слабость и ошибочность которых мы только что показали.

Выдвигается еще один любопытный тезис:

«Все возникает на время, а погибает навечно».

С этим можно было бы согласиться, но дальнейшее рассуждение о времени оказывается внутренне противоречивым, что дискредитирует и сам тезис.

«Коль скоро время не феномен, а существенное свойство бытия, коль скоро все преходяще, то небытие абсолютно, а бытие относительно».

Если время — свойство бытия, которое считается относительным и конечным, то время также должно трактоваться как относительное и конечное. Если оно относительно, тогда что же является абсолютным временем, с которым соотносится известное нам время? Если даже такое абсолютное время обнаружится, то почему его не считать истинным временем?

Далее, если время конечно, то как можно говорить о том, что было до времени и что будет после времени? Если об этом невозможно говорить, то бессмысленны суждения о конечности бытия и его аспекта — времени. Если об этом можно говорить, то опять появляется охватывающее бесконечное время, которое вполне резонно объявить истинным временем.

При обращении к онтологическому аспекту тезиса «все возникает на время, а погибает навечно» мы опять сталкиваемся с неувязкой. Возможность появления чего-либо из ничего нам пока не продемонстрировали (правда, об этом речь пойдет далее, в п.15). Поэтому речь идет не обо «всем», а только о сложных агрегатах (например, живых существах, популяциях или социальных системах), которые действительно имеют временное, конечное существование. Однако их гибель не означает исчезновение бытия: элементы этих агрегатов продолжают существовать и зачастую впоследствии входят в новые сложные агрегаты. Иными словами, здесь говорится просто о бесконечных трансформациях форм бытия. Видимый трагизм тезиса имеет сугубо суггестивное, но никак не онтологическое содержание.

«10. [...] Если у Гегеля небытие — только обратная сторона бытия (что позволило ему вынести время за скобки), то у меня бытие — обратная сторона небытия, точнее, форма существования небытия».

Обоснование не приводится и, по-видимому, не случайно. Действительно, что же это за такое подозрительное «небытие», которое уже

не является абсолютным ничто, отсутствием чего бы то ни было, тотальной онтологической пустотой, а включает в качестве своей формы бытие? Похоже, данное «бытие как форма» следует трактовать просто как существование, присутствие, проявление некоторого более глубокого Бытия, которое включает уже и присутствие, и отсутствие, и полноту, и пустоту. Пытаясь возвеличить свою центральную категорию небытия, А.Н.Чанышев подчиняет ему бытие, но сам попадает при этом в ловушку. Оплодотворенное бытием, чанышевское небытие теряет свою былую онтологическую чистоту и невинность, оно тяжелеет и оказывается своей же противоположностью — Бытием, но более фундаментальным и богатым, чем дискредитируемое ранее бытие.

На этом основная «доказательная» часть трактата завершается, и далее следуют достаточно вольные рассуждения, развивающие исходные тезисы в разных направлениях. От сплошного анализа каждого пункта переходим к пунктирному рассмотрению наиболее интересных концептуальных тезисов и рассуждений.

«12. Но, возразят мне, во всех превращениях что-то сохраняется. Муха усваивается стрекозой, а человек — чертополохом. Но человек — не чертополох. Философия бытия делает упор на общности человека и чертополоха, философия небытия на их различии, а тем самым, именно последняя является подлинно гуманистической философией».

Такая трактовка представляется слишком вольной и, по большому счету, безответственной. А.Н.Чанышеву как историку философии прекрасно известно, что за время существования философии, почти полностью посвященной бытию (см. п. 3 «Трактата») разные авторы и концепции делали упор на очень и очень разном; никак негоже все это богатство мышления подверстывать под указанную формулу общности. Все дело в том, что формы бытия крайне разнообразны и богаты, поэтому и философий бытия много («хороших и разных»). А вот последовательная философия небытия может быть только одна, и уж конечно же, для нее, что чертополох, что муха, что человек, что Солнечная система, что галактика — все несущественно, все тлен, все подвержено гибели.

«Гуманистичность», т.е. признание значимости человека и человеческого — это попросту неявная уступка со стороны «философии небытия» ее противнице — философии бытия, в частности философской антропологии и социальной философии, которые ставят в центр («делают упор на») человека и человеческие сообщества.

«14. Докажем теперь, что небытие первично. Понятие первичности и вторичности предполагает причинно-следственное отношение. Первичное — это

первопричинное. Если мы под первопричиной будем понимать бытие вообще или же какое-либо его состояние, то возникает вопрос о причине первопричины. В ответ на этот вопрос одни тупо молчали, другие же, хитрые философы, говорили, что первопричина — это самопричина, т.е. она является причиной не только всего другого, но и самой себя. Но эти философы смутно понимали, что бытие не может быть ни первопричиной, ни самопричиной. Отсюда хотя бы неуловимая, исчезающая, но, тем не менее, реальная субстанция Локка. Только небытие, говорю я, может быть и первопричиной, и самопричиной, ведь то, что не существует, не нуждается в причине для своего существования».

В данном «доказательстве» есть и ложные ходы, и ошибки, и софизмы, и противоречия. Первичность вовсе не обязательно предполагает причинно-следственные отношения. Кроме причинной первичности есть просто временная (что было раньше), а есть и онтологическая (молекулы и атомы первичнее вещей макромира, но не потому, что являются их причиной, а потому что все вторые состоят из первых). Таким же образом, бытие как первичное по отношению ко всему, что существует, — это вовсе не первопричина всех вещей. Поэтому пресловутый вопрос «о причине первопричины» следует просто не задавать как бессмысленный.

Те, кто молчал в ответ на него, вовсе не обязательно были тупыми, как утверждает А.Н.Чанышев, среди них были весьма проникательные, а молчание их было мудрым. Нет никакого противоречия и никаких трудностей в том, чтобы считать бытие уходящим в бесконечное прошлое. «Большой взрыв» — это лишь одна из космологических гипотез. Не исключено, что начальному свехуплотнению предшествовали многие циклы разряжений и уплотнений космической субстанции. Но даже если такой взрыв был один, то бытие свехплотного вещества в нем все равно уходит в бесконечное прошлое именно как бытие.

А.Н.Чанышев играет в игру строгих схоластических доказательств, но тут же нарушает правила этой игры. Утверждая А (небытие существует), использует в своем «доказательстве не-А (небытие не существует). При такой «логике» легко вывести любое суждение и его же отрицание. Рассуждения просто теряют свой смысл и назначение. Все-таки у схоластов было чему поучиться: таких вольностей с логикой они себе не позволяли.

В следующем пункте автор даже педалирует указанное выше противоречие: «небытие существует, потому что небытие не существует». Оказывается, этот логический кульбит нужен для выведения бытия из небытия.

«16. Небытие как самопричина отрицает само себя. Небытие небытия есть бытие. Для этого порождения не нужно ничего, кроме небытия».

Здесь опять видим «легкость мысли необыкновенную»: не-не-А дает А, логическое отрицание гасит прежнее отрицание. С помощью этой школьной формулы решается вопрос о первопричине бытия. Действительно, такие фокусы проделывали ранее и Фихте, и Гегель, но у них было серьезное оправдание: понимание всего бытия как саморазвивающейся идеи, а метафизики — как логики. А.Н.Чанышев, утверждающий (в п.25), что сознание (с идеями и логикой) вторично по отношению к бытию, лишен широких возможностей прежних метафизиков. Поэтому выведение бытия из небытия через отрицание отрицания оказывается всего лишь словесным фокусом — очередным софизмом.

В следующих пунктах без какой-либо мотивировки утверждается, что сочетание существования и несуществования уже самого бытия (как содержащего в себе первопричину — небытие) дает временность как атрибут бытия.

«Так как все возникает на время, а погибает навечно, то время есть гибель (временность есть гибельность)» – п.18.

Все противоречия бытия, его неустойчивость, а также становление, изменение, развитие и борьба противоположностей трактуются как основанные на противоречии между бытием и небытием, но увы, опять голословно, без аргументов и минимальных пояснений. Обиднее всего, что нет никакой попытки опровергнуть привычное (и, по-моему, вполне разумное) представление о том, что все указанные свойства принадлежат самому бытию и ни в каком мифическом «противоречии с небытием» не нуждаются.

Похоже, А.Н.Чанышев, ранее жестко высмеявший Парменида, все же не может выйти из под его влияния. Именно парменидовскому вечному, абсолютному и неподвижному бытию нужно столкновение и противоречие с каким-то равноценным Иным (например, небытием) для того, чтобы прийти в движение. Современное как натурфилософское, так и научное понимание бытия гораздо ближе к гераклитовскому «мерами возгорающему и мерами угасающему огню», который сам полон борьбы и противоположностей, а посему ни в каком внешнем противоречии не нуждается.

«21. Развитие состоит в наращивании бытия, его интенсификации. Но, чем интенсивнее бытие, тем оно хрупче, тем оно подверженной гибели. Мы ходим по тонкому льду над океаном небытия. Жизнь не может долго удержаться на вершине бытия. Отсюда сон и смерть.»

В этой интуиции есть своя правда, но есть и неправда. Верно, что более высокие формы развития (многоклеточные существа по отношению к одноклеточным, теплокровные — к холоднокровным, хищные — к растительноядным, разумные — к неразумным, государственные сообщества — к догосударственным, индустриальные — к доиндустриальным и т.д.) требуют более специфических условий для своего существования, а без них — разрушаются, т.е. проявляют себя как более «хрупкие». Однако, высшие формы сами оказываются способны поддерживать и даже искусственно создавать для себя требуемые условия, чего автор «Трактата» не учел. Человек более «хрупок», чем многие животные, но люди заселили практически всю планету, а менее «хрупкие» животные либо сгинули, либо ютятся в труднодоступных местах, либо выращиваются в клетках.

Другая ошибка связана с неявным, но жестким отождествлением бытия с жизнью единичной особи, индивида. В мире живого правильнее говорить о роде: сменяющих друг друга поколениях. Действительно, многие биологические виды вымерли, оказавшись слишком хрупкими при сменившихся условиях, но многие остались и процветают. Сон и смерть — юдоль отдельного индивида.

Значит ли это, что биологические виды, в том числе род человеческий, вечны? Вовсе нет, здесь автор «Трактата» может быть прав: все, что возникло на время, гибнет навсегда. Даже если человечество избежит ядерной или иной антропогенной катастрофы, оно с большой вероятностью с течением времени (через сотни миллионов лет) погибнет вследствие непреодолимых геологических процессов^{vii[7]}. Фатальным вполне может оказаться существование человечества на планете Земля. Сумеет ли часть людей выжить, обустроив космические станции или переселившись на иные планеты, — неизвестно (и крайне сомнительно).

Зато кое-что можно утверждать с уверенностью: установка на неминуемую гибель, проповедуемая А.Н.Чанышевым, только ускорит ее. Вместо изобретения способов выжить, люди будут надевать саваны и покорно ждать смерти. Зато воля продолжить жизнь, *продолжить свое бытие*, если и не гарантирует, то, по крайней мере, дает возможность отсрочить или даже избежать общей гибели (ср. с притчей о двух лягушках, попавших в кувшин со сметаной).

Далее следуют вольные рассуждения о пространстве, сознании, памяти, воле (= «память, опрокинутая в будущее»), идеях и идеалах, гибели и страдании, экзистенции и религиозном сознании, о любви (= «попытке зацепиться за чужое бытие») и любви к Богу.

Автор явно критически относится к религиозному сознанию, смело и четко выражает позицию атеизма — и в этом я с ним солидарен. Но проповедь философии небытия, вероятно, не ослабит, а лишь подстегнет нынешнюю агрессивную волну религиозной идеологии, вдохновленную альянсом с авторитарной государственной властью. Так и слышатся гневные речи «духовных наставников»: «Что может предложить человеку современный атеизм? Только философию небытия, воспевание ничто, смерти

и гибели! Разве это не поклонение дьяволу? Разве это не знак упадка духовности как следствия безбожия?...» и т.д. и т.п. Так что свободомыслию и атеизму, ныне попавшим в ситуацию обороны от агрессивной государственнической «духовности», философия небытия А.Н.Чанышева никак не поможет, скорее навредит.

«37. Сознание бытия — это религиозно-философское сознание».

Неверно! Причем дважды. Во-первых, сознание бытия бывает не религиозным, пример тому — вся предшествующая и весьма богатая традиция свободомыслия, которая (по Чанышеву же!) вся принадлежит философии бытия. Во-вторых, сам того не ведая, автор «Трактата» сам начинает проповедовать новую религию небытия и я сейчас это покажу, пользуясь его же словами.

Итак, *сознание небытия* — это религиозно-философское сознание. Действительно:

«столкнувшись с тем, что все преходяще, что оно само, мыслящее бесконечное, конечно, что нет ни Бога, ни бессмертия, что любовь и дружба преходящи, как и все остальное, оно впадает в ужас (см. п.1 «Трактата»! — Н.Р.). В силу обманутого ожидания торжествует нигилизм, переходящий в цинизм».

Нигилизм же (от лат. nihil — ничто) — это и есть идеология всеотрицания, превознесения ничто, небытия. Так что все правильно, ужас, нигилизм и цинизм — нормальные и естественные атрибуты сознания небытия. Однако, в «Трактате» все перевернуто с ног на голову. Почему?

По простейшему психологическому закону проекции (опасно все-таки отрицать законы — ненароком сам попадешься под их действие) А.Н.Чанышев приписывает противнику — «сознанию и философии бытия» собственные страхи и грехи. Далее он совершенно верно указывает, что охваченное нигилизмом, цинизмом и ужасом сознание «готово убить и себя, и бытие». Однако, это уже явное преступление, хоть и мысленное. Боясь таких мыслей в себе, человек, согласно тому же принципу проекции, приписывает преступление своему противнику. Ровно так и получилось. Оказывается, по А.Н.Чанышеву во всех грехах повинно сознание бытия, а не сознание небытия. А может быть это не бессознательная проекция, а старая, как мир, уловка «Держи вора!»? Впрочем, дела это не меняет. Ужас, нигилизм, цинизм и опасная тяга к всеотрицанию и всеразрушению со всей ясностью обнаружены в самой философии небытия, пусть и против воли ее автора.

Дальнейшее рассуждение в «Трактате» лишь подтверждает нашу догадку.

«Сознание небытия не трагично».

Верно, нигилизм и цинизм не могут быть трагичными — терять-то нечего. Зато реалистичное и трезвое сознание бытия вполне может быть трагичным: хоть само бытие вечно и бесконечно, но его частные проявления и формы, например, жизнь близких людей, собственная жизнь, прекрасные мгновения и периоды жизни уходят безвозвратно. А что собственно дурного в трагичности сознания?

«39. [...] Свобода — это детерминированность небытием».

Сказано столь же хлестко, сколь и невнятно. Тут уже видится влияние не Гегеля, а Хайдеггера: смешать слова в такую крошку, чтобы было очень темно и глубокомысленно, но ни оставить при этом никакого шанса на критику, проверку, на то, чтобы поймать за руку. Действительно, про небытие, про то, как оно что-либо детерминирует, про то, как именно оно может детерминировать, оставаясь небытием (= ничем), и сказать, и помыслить ничего нельзя.

«Несмотря на очевидность своей несвободы, человек чувствует себя все же свободным. Эта иллюзия объясняется тем, что человек способен «не быть».

Прозрачный намек на возможность самоубийства не прибавляет веса доводам, но лишь еще раз обнаруживает потенциальную опасность философии небытия.

«40. Человек небытия мужественен. Его мужество — это мужество быть несмотря на ничто, а не только несмотря ни на что.»

Здесь либо автор хитрит, либо «человек небытия» оказывается коварным предателем. Действительно, поверив в первичность, абсолютность, верховенство небытия и в высшую гуманистичность философии небытия, последовательный адепт последней должен и проводить принцип небытия во всем: или уничтожить все вокруг, или уничтожить себя, или сначала то, а потом другое. Вместо этого, он вдруг тайно и трусливо перебегает на позиции противника — философии *бытия* — и хвастает своим мужеством *быть*. В точности, как если бы футболист вдруг стал забивать мячи в собственные ворота и хвастать при этом своим мужеством!

Далее следуют перепевы античных и восточных воззрений о недеянии, возвращении в ничтожество и смирение, атараксии и апатии и проч. Человек небытия, только что бравировавший своим мужеством перебежчика, вдруг превращается в депрессивного невротика:

«понимает себя как небытие своего бытия, жизнь как небытие смерти, любовь как небытие ненависти, верность

как небытие измены, истину как небытие лжи и заблуждения, свидание как небытие разлуки».

В общем, нас призывают при радости думать о горе, смеясь, думать о слезах, встречаясь с другом, думать о предательстве, любя женщину, думать о ненависти и измене, а кушая, думать о рвоте — невеселенькая перспектива!

Вряд ли сам профессор А.Н.Чанышев — успешный специалист, поэт, философ, настоящая творческая личность — в какой-то мере так поступает. Так зачем же он тогда проповедует такой образ мысли и такой образ жизни? Негуманистично как-то получается.

Наконец, настало время последних залпов по врагам.

«44. Сознание бытия — рабское сознание. Ведь еще Гегель показал, что господин тот, кто обладает сознанием небытия, кто не боится смерти, кто свою жизнь покупает ценою смерти».

Гегель — вовсе не абсолютный авторитет, в прямом подчинении его логике обнаруживается недостаточная критичность. Но можно поиграть и в эту игру.

Кто сказал, что признание философии бытия несовместимо с сознанием небытия — того, что вещи в мире неустойчивы, преходящи, смертны, того, что сам смертен и можешь даже отдать жизнь за что-то более важное, например, жизнь близких или свободу своего народа? Итак, даже по Гегелю сознание бытия вполне может быть сознанием достойного, свободного и ответственного человека — «господина».

Далее, рабское сознание А.Н.Чанышев связывает с боязнью смерти, по сути дела — с всепоглощающим страхом и ужасом перед небытием. Прочитируем еще раз блестящий, явно личностно прочувствованный зачин «Трактата»:

«1. Небытие окружает меня со всех сторон. Оно во мне. Оно преследует и настигает меня, оно хватает меня за горло, оно на миг отпускает меня, оно ждет, оно знает, что я его добыча, что мне никуда от него не уйти [...] Небытие убивает, но убивает руками бытия» и т.д.

Что это как не ужас перед вездесущим и неминуемым небытием? Вновь по закону проекции автор, стыдясь своего страха, приписывает его противникам, еще и припечатывая их гегелевским жупелом «рабского сознания». Нечестно и уж совсем немужественно.

Начальные тезисы резюме повторяют уже цитированные выше. Последующие же развивают тему ужаса в связи с противопоставлением сознания бытия и сознания небытия.

«16. Стрaдание заставляет сознание измысливать мир абсолютного бытия, то есть Бога.

17. Так возникает «сознание бытия» — религиозное в своей сущности сознание.

18. Вся предшествующая философия — варианты «сознания бытия».

19. Но Бога нет.

20. Поэтому возникает «сознание небытия», «сознание небытия» делает бытие прозрачным и видит в нем небытие.

21. Стрaдание перерастает в ужас».

Заметим, А.Н.Чанышев здесь проговаривается, что *ужас сопутствует именно сознанию небытия*.

«22. Ужас заставляет сознание отрицать не только иллюзорное «сознание бытия», но и себя, и бытие».

Вновь видим невольное признание того, что ужас небытия имеет нигилистический и разрушительный характер.

«23. Мир погибает,

24. Если ужасу не будет противопоставлено мужество, «мужество небытия»,

25. Это высший вид мужества (далее идет повтор определений «мужества бытия» и «мужества небытия», см. выше — Н.Р.)».

Вдруг исконный источник болезни — всеразрушающего ужаса и нигилизма — выскакивает подобно черту из табакерки и уже в роли панацеи.

«26. Знать, что все проходит, и в то же время не впадать в ужас — вот чему учит подлинная философия, «философия небытия».

Раскрывается внутренний смысл созданной «философии небытия»: вовсе не познавательный, не интеллектуальный, а сугубо этический, чтобы не сказать, психотерапевтический — спасти от ужаса, избавить от страха смерти.

Как за прозрачным бытием А.Н.Чанышев увидел небытие, так и мы теперь за прозрачным текстом «Трактата» явственно видим внутренний

психологический механизм, обуславливающий вышеуказанные противоречия и трансформации.

Человеческая душа не может долго уживаться с ужасом. Она либо загораживается от него с помощью фрейдовских вытеснений, либо отвлекается, сосредоточившись на других центрах внимания, либо борется с ужасом творчеством, насмешкой или иронией, либо предпринимает иные ухищрения.

Одним из древнейших и весьма эффективных способов преодоления ужаса является превращение реального или мнимого источника ужаса в предмет поклонения — в идола, демона, божество или же во всемогущего и карающего единого Бога. Отсюда и ужасные хищники в роли родовых тотемов, и мечущий грома и молнии Зевс, и Иегова, то насылающий ядовитых змей с небес то являющийся со страшной огнедышащей горы.

Сознание философа, преисполнившегося ужаса, как видим, вовсе не освобождается от древних архетипов и стандартных психологических механизмов. Если философская эрудиция и сила абстрактного мышления позволили увидеть такой источник ужаса как небытие, то дальше психика движется по проторенной тропе и производится превращение источника ужаса в новый предмет поклонения — новое божество. Так и появился смысловой и эмоционально-энергетический стержень «сознания небытия» и «философии небытия». Дальнейшее наращивание на этот стержень логического, схоластического, историко-философского, этического, глобально-эволюционного и прочего словесного «мяса» — это уже дело профессионального мастерства. Итак, вместо окончательного, заявленного А.Н.Чанышевым преодоления «религиозно-философского сознания», мы получили в «Трактате о небытии» лишь его очередную ипостась.

Наконец, мы добрались до завершающего аккорда — последнего тезиса основного текста «Трактата о небытии».

«45. Человек приходит из небытия и уходит в небытие, так ничего и не поняв».

Иными словами, я знаю лишь то, что ничего не знаю, вы и этого не знаете. Явственная сократовская нота завершающего тезиса, вообще говоря, диссонирует с основным содержанием «Трактата» — просветлением прежнего мрака и возвещением нового революционного знания о небытии. Поэтому критика представляется излишней (да и устал я уже критиковать).

Смысл последнего тезиса «Трактата» имеет не столько концептуальный, сколько медитативный характер. Если трактовать его не в упадническом духе полного отказа от попыток познания, не в духе призывов «пребывания в ничтожестве», а как противоядие от часто поражающей ученых и философов болезни самолюбования и бахвальства (особенно прогрессирующей при обретении академических степеней), то лучшей мантры, чем п. 45 «Трактата» и не найти.

Итак, детальный анализ основных положений и рассуждений «Трактата о небытии» обнаружил не новые проблемные области для философствования, а достаточно известные риторические ходы, софистические приемы и психологические механизмы. Все это свидетельствует о том, что ждать нового расцвета метафизики не приходится.

Результат не утешителен: мы по-прежнему остаемся в затянувшемся на десятилетия провальном периоде развития мировой и отечественной философии. Смелый культ отрицания бытия и всей философии как философии бытия дал некую надежду, но она не оправдалась.

Критиковать все горазды, а сам-то критик может ли что-то предложить? В свое время я размышлял над путями выхода из философского кризиса. Разумеется, все они развивают философию бытия. Могучие достижения мировой (прежде всего, европейской) философии XVII – начала XX вв. можно трактовать целостное явление — *первую философскую трансформацию*, связанную с переносом центра тяжести на теорию познания, идеалистическую метафизику и философию сознания. Выход из нынешнего кризисного периода предполагает *новую трансформацию*. Мелкотемье сегодняшней философии познания, вымороченность философской антропологии и философии сознания, ставшие привычными лабиринты и тупики идеалистической метафизики (свежий пример — «философия небытия») свидетельствуют о необходимости радикальной смены направления мышления.

Почему бы не вернуться к прежней философской тематике — натурфилософии, реалистической онтологии, этике, но уже с учетом достижений философии и науки за последние столетия? В книге «Философия и теория истории» эта идея была развернута таким образом.

«На место натурфилософии встает целостное осмысление истории Вселенной, социоестественной истории, настоящего и будущего планеты в аспекте взаимодействия природы и столь опасно выделяющегося из нее человеческого рода.

На место метафизики встает новая изощренная онтология, позволяющая исследовать взаимоотношения между «обитателями» таких разных «миров» или «сфер бытия», как материальный мир (биотехносфера), мир психики, сознания и общения (психосфера), мир социальных отношений и взаимодействий (социосфера), мир передающихся из поколения в поколение идей, образцов и символов (культуросфера).

Этику дополняет аксиология, призванная интеллектуально освоить неизбежность конфликтов между ценностями,^{viii[8]} указать пути их максимально безболезненного, ненасильственного разрешения»^{ix[9]}.

Теперь зададимся таким вопросом: неужели все проведенные рассуждения pro et contra философии небытия оказались зряшным делом? Пусть даже верен сделанный мною вывод о тупиковом характере метафизики небытия, но неужели нельзя ничего почерпнуть из этого интеллектуального приключения?

В конце анализа «Трактата о небытии» корень представленной метафизики был усмотрен в авторской психологии, а стержень психологического механизма — в трансформации страха смерти в ужас перед всеобщей гибельностью, который сублимируется в восторг и преклонение перед небытием. Безусловной и вовсе не узко индивидуальной реальностью является здесь страх и ужас. При переводе из личной психологической проблемы в общекультурный план эта реальность ужаса воплощается в трагическом осознании конечности и гибельности всего сущего, которое противоречит бесконечным и абсолютным претензиям человеческого сознания и культуры. Сам А.Н.Чанышев достаточно четко выразил этот момент в «Трактате», но лишь для того, чтобы его преодолеть и отменить.

Памятуя о том, что противоречие, конфликт являются источником движения и развития, попробуем не избавляться от них, а напротив — пустить в дело. Для этого используем результаты анализа факторов долговременного изменения значимости философских проблем^{x[10]}. Здесь было выделено четыре слоя причинных факторов, соединенных усиливающими угнетающими связями в единую тренд-структуру^{xi[11]}. Четвертый, самый глубинный слой занимает один фактор «Острота режимного противоречия и / или архетипного диссонанса». Здесь имеются в виду объективные противоречия в самой реальности человеческого существования (не в мышлении), причем устранение этих противоречий невозможно без отказа базовых культурных архетипов или от их радикального изменения, а также от соответствующей смены связанных с этими архетипами социальных функций и фундаментальных свойств экологических, социальных и культурных режимов, или даже свойств самой человеческой природы. Возникающие под действием таких глубинных противоречий философские проблемы имеют не только и не столько интеллектуальную, сколько жизненную, бытийную основу. Поэтому быстрое решение и закрытие таких проблем невозможно. Каждое решение оказывается несовершенным, но рождает новые надежды, новые решения, что и обеспечивает новый подъем философии.

Ужас перед неминуемой гибелью и небытием, питаемое им противоречие между бесконечными претензиями сознания и конечностью человеческого существования — далеко не новые темы в философии. Противоречие решалось абсолютизацией духа и познания (Фихте, Шеллинг, Гегель, Брэдли, неокантианство), надеждами на Сверхчеловека и Сверхчеловечество (Ницше и Соловьев) возрождением религиозного сознания (русская религиозная философия, религиозный экзистенциализм), абсолютизацией сознания и свободы (Гуссерль, Сартр), утверждением абсурдности бытия (Шестов и Камю), признанием конечности и смертности как сущности человеческого (Хайдеггер) и т.д.

Теперь нужна новая постановка философской проблемы, которая «подпитывалась» бы тем же нерешенным бытийным противоречием. Даже известны требования к такого рода проблемам, которые надежно обеспечили

бы их высокую и устойчивую значимость. Дело в том, что эти требования прямо соответствуют остальным слоям выявленных причинных факторов^{xii[12]}.

1. Проблема должна иметь простую формулировку. 2. Ей должны уделить серьезное внимание в своих работах современные крупные мыслители. 3. Представленные решения проблемы должны быть обещающими, но недостаточно убедительными (что гарантируется сохранением бытийного и архетипного противоречия и высотой стандартов для решения, см. 7). 4. Проблема получает место в межпоколенной трансляции (прежде всего, в преподавании философии). 5. Проблема по своей формулировке должна быть близкой к центру внимания противостоящих узлов интеллектуальной сети. 6. Чем больше может быть противостоящих философских позиций по проблеме, тем скорее ее поставят в центр внимания в противостоящих узлах сети. 7. Большое число позиций также увеличивает высоту стандартов для решений, которая препятствует их убедительности (см. 3). 8. Высокий публичный интерес к проблеме выдвигает ее в центр внимания в противостоящих сетевых узлах (см. 5). 9. Близость проблемы к локальным культурным стереотипам обуславливает публичный интерес к ней. 10. Высокий уровень когнитивного диссонанса (противоречия между глубинными культурными схемами) определяется исходным бытийным противоречием и увеличивает количество противостоящих позиций (см. 6).

Так что же это за проблема? — вправе спросить читатель. Здесь моя задача состоит лишь в том, чтобы наметить ориентиры перспективного философского мышления, к которым сподвигает подмеченное в «Трактате» реальное бытийное противоречие. Есть что искать, есть куда двигаться. Пути открыты, направление намечено, разве этого мало?

Завершить статью хочу, отступив от академического тона. Далее следует искренняя личная самокритика и небольшое заклинание (чтобы не выпасть из славного хора философов).

Говорю себе снова и снова: отличный же трактат! В кои-то веки мой современник сумел измыслить такой удалой текст, грамотно порубить в капусту всю предшествующую философию, сказать новое и живое слово в метафизике.

А я, вместо того, чтобы поддержать почтенного коллегу, более того, живого классика, книги которого читал еще в студенчестве, опять бросился в критиканство. Пусть бы еще получилась уважительная, размеренная критика, но зачем же столько насмешек и ехидства? Зачем этот издевательский психологический анализ? Почему нельзя было помягче, повежливее, попримечнее, в конце концов? Откуда такая жажда отрицания и разрушения?

Не иначе как вездесущее небытие попутало, будь оно трижды неладно.

Послесловие. Арсения Николаевича Чанышева уже нет. Небытие настигло его, как настигнет в свое время и каждого из нас. А.Н.Чанышев был готов к этой встрече духовно и интеллектуально как никто другой. Воздадим

должное его таланту, трудолюбию, мужеству, смелости и бескомпромиссности философского мышления.

Сократ надеялся, что в ином, лучшем мире будет наслаждаться беседами с богами и мудрейшими из людей. У нас такой надежды нет. Давайте же успевать беседовать друг с другом, пока нас не настигло небытие, успевать беседовать с текстами, оставленными нам мудрейшими.

К списку публикаций

- ^{1[1]} [Чанышев А.Н. Трактат о небытии.](#) — Философия и общество, 2005, №1. С.5-15.
- 1[2] Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. (пер. с англ. Н.С.Розова и Ю.Б.Вертгейм). Новосибирск, Сибирский Хронограф. 2002, 1280 с.
- ^{1[3]} [Розов Н.С. Кризис и трансформация философии](#) ^{В кн.:} [Розов Н.С. Философия и теория истории. Книга 1. Прологомены. Монография, М. Логос. 2002](#)
- 1[4] Там же, с.562-580.
- 1[5] Хоружий С.С. Ничто. — Новая философская энциклопедия. Т.III. — С.95-97.
- 1[6] Коллинз ... С.325.
- 1[7] Анатомия кризисов. М., Наука. — С.27.
- ^{1[8]} [Розов Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии](#) Новосибирск, Новосиб. гос. унив., 1998.
- 1[9] Розов Н.С. Кризис и трансформация философии... с.579
- ^{1[10]} [Розов Н.С. Что делает философскую проблему великой?](#) ^{В кн.:} [Розов Н.С. Философия и теория истории. Книга 1. Прологомены. Монография, М. Логос. 2002](#)
- 1[11] Там же, с.612.
- 1[12] Там же, с.601-612.

С кем вы, господа философы?

Науку всегда сопровождала, как ее тень, лженаука. И в отличие от реального предмета и его тени, порой трудно разобраться, где наука, а где лженаука. В России теперь процветает лженаука. Нынешняя антинаучная вакханалия лишает человека полноценной ориентации в мире. И он делает не только много лишнего, но и много для себя вредного.

Лженаука не безлика. За ней стоят дипломированные мошенники, составляющие себе на этом состояния. Дураки и мошенники, доверчивость и хитрость — вот главные лица на мировой арене. «Можно ли разогнать тучи над Индонезией из Москвы. Очистить столичные водоемы с помощью торсионных полей? Вылечить сотни болезней, используя энергию вакуума? Россию захлестывают антинаучные тенденции. Это было бы вполне невинно, если бы вся эта антинаучная вакханалия не влияла на мировоззрение людей, заменяя собой истинно научное понимание окружающего мира» («Мир новостей». 2004. №24).

Академик Евгений Александров: «Меня многие спрашивают, почему общество с радостью «кушает» подобный псевдонаучный бред?»

По этому поводу можно сказать следующее: в начале 90-х в нашей стране сложились идеальные условия для развития лженауки. Техногенные катастрофы, сопровождающие разрушение экономики (наиболее яркая — черныбыльская авария 1986 года), дискредитировали науку в глазах общества. Престиж науки был подорван, люди перестали прислушиваться к мнению ученых. С другой стороны, в условиях массовой утраты общественных ориентиров, растерянности и паники, порожденных крушением государства, усилились религиозные и мистические настроения. Люди верили в потусторонние или космические силы, которые придут и спасут несчастных россиян. Нечто подобное наблюдалось и во времена первой русской революции, однако в конце XX века массовый психоз был усугублен апокалипсическими ожиданиями, а также специфической ментальностью, бытовавшей в России. Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований неоднократно обращалась к премьеру, правительству, президенту РФ, указывая на недопустимость подобной ситуации. Однако воз и ныне там — деньги на науку продолжают распределяться под ковром, бредовые проекты финансируются, лжеученые выступают в национальных СМИ. Такое впечатление, что российские власти просто заинтересованы в массовом оболванивании населения» (там же). Выделим слова: «... усилились религиозные и мистические настроения». В настоящее время высшая власть в Российской Федерации практически похерила статью 14 Конституции РФ об отделении церкви от государства и школы от церкви. Особенно страшно последнее.

Вместо того, чтобы ориентировать наши образовательные и воспитательные органы на выработку у наших сыновей и дочерей, внуков и внучек ясного, отчетливого, самостоятельного, критического мышления, их толкают

во тьму средневековья. «Тьма наступила. Не видно ни зги. Поп засоряет ребенку мозги». А это нужно, чтобы дать сверхъестественную санкцию чудовищному имущественному неравенству, установившемуся в России после контрреволюционного переворота 1991 года. Кому? Необуржуям. Как сказал Наполеон: «Общество не может существовать без неравенства, а неравенство имуществ — без религии» (Леей А. Личная жизнь Наполеона. М., 1912. С. 308).

Несостоятельный антинародный режим, взрастивший десятки миллиардеров и десятки миллионов нищих, судорожно хватается, за неимением лучшего, за «чудотворные иконы» и «святые мощи». Однако многие необуржуи не очень верят в эффективность этой реанимации средневекового мракобесия и переходят к прямому террору против тех, кто, как им кажется, угрожает их скотскому существованию хотя бы сбором информации. Убийство Павла Хлебникова — первый шаг к российскому Пиночету. Теперешнее промежуточное правительство, стремящееся угодить и нашим, и вашим, правда, одним на словах, а другим на деле, смущено таким грубым поворотом событий. Но оно само вскормило своих могильщиков.

Имущественное неравенство отразилось и на студенчестве. Высшее лицо в России в конце своего первого срока изрекло, что наша молодежь должна иметь равные права на образование, независимо от имущественного достатка и местожительства. Однако в начале второго срока сие лицо предпочло не заметить, что «... Госдума приняла в первом чтении законопроект, отменяющий ограничение в 50% на прием «платных» студентов по перспективным специальностям: экономика, юриспруденция, государственное управление». Как рассказал «АиФ» 1-й зампред Комитета Думы по образованию и науке О. Смолин, вузы хотят заработать денег: «Но абитуриенты из семей с низким и средним достатком потеряют шанс получить образование по этим специальностям». Это не вузы хотят заработать, это необуржуи хотят нами управлять, нас судить, строить экономику в своих антинародных интересах. Под шумок о «привилегиях» Госдума втихую отменила мораторий на приватизацию вузов.

Что касается философии, то давно уже возникла тенденция столкнуть философию с уровня абстрактного мировоззренческого сознания на уровень художественно-мифико-религиозного мировоззренческого комплекса (ХМРМК) и растворить ее в мифическом мировоззрении. Это извне. А изнутри работает «пятая колонна». Иначе не был бы запрограммирован мифического содержания доклад Б. Н. Горбуновой «Лосев о философии как форме мифического сознания» на Лосевских чтениях в Уфе в 1993 году, который, к счастью, не состоялся. Однако недавно обнаружилось, что ситуация гораздо серьезнее, чем думалось. По нашему радиовещанию прозвучали слова «философия — от лукавого». Это была одна из религиозных передач, которых так много у нас теперь в эфире. И ни одной просветительской, научной! Мы отброшены в XVI век. Надо начинать все с начала.

Далее. Неким большим авторитетом утверждается, что превосходство русской философии над западной состоит в ее алогичности. Между тем уже древнегреческие стоики предостерегали человечество от такой нелепости. Они сравнивали философию с яйцом и садом, где желток или плоды — этика, белок или плодовые деревья — физика, а скорлупа или ограда — логика. Треснет скорлупа, рухнет ограда — и философии не станет. Этим же авторитетом утверждалось, что история античной философии есть история истолкования античного мифа. Не мифа, а мира, почтеннейший! Аристотель был другого мнения о философии. Он противопоставлял мистику и философию и относился к первой пренебрежительно. Фиксируя противоречия в представлениях своего народа о богах, он замечает: «Впрочем, те, кто облачает свои мудрствования в форму мифов, не достойны серьезного внимания». Этим мракобесам Аристотель противопоставляет тех, «кто рассуждает, прибегая к доказательствам», то есть настоящих ученых и философов. Но Аристотеля никто не слушает. А что касается авторитета, то его давно уже нет в живых, но дело его живет.

Философский факультет... Факультет должен сделать выбор, с кем он, — с наукой или с религией. Философия и фидеизм несовместимы. Вера не может заменить мышление так же, как аршины не могут заменить пуды. Вера — акт воли. Мышление — акт интеллекта. При организации Московского университета было решено не устраивать теологический факультет. Однако в настоящее время такой факультет есть. Незримый теологический факультет на философском факультете МГУ, простирающий свои метастазы на другие факультеты. Из года в год шлепаются апологетические теологические фидеистские (первенство слепой веры перед разумом и знанием) диссертации — и за них получают философские степени. Между тем религия может присутствовать в философии лишь как предмет научной критики и научного анализа, для чего существует специальный раздел в философии — философия религии. Религиоведение подавило философию религии. Не случайно соответствующее учебное отделение на философском факультете названо — «отделение религиоведения». А религиоведение без философии религии — всего лишь пропаганда антинаучного мировоззрения.

Почему-то все факультеты МГУ научные. И вот завелась в стаде одна паршивая овца — антинаучный факультет. Одно из двух: или с этим надо кончать на философском факультете, или ампутировать сам факультет. Факультет не имеет цели для своей деятельности. Такой целью должна быть борьба с мракобесием. Но вместо того, чтобы возглавить борьбу прогрессивных сил против наступления мракобесия, сам факультет поражен этим мракобесием. Надо прямо сказать, что философский факультет МГУ поражен фидеизмом и антисциентизмом.

Стал возможным на лекции для первокурсников грубый, почти что нецензурный, выпад заслуженного профессора против науки (конкретно, физики). Для семнадцатилетних! Эти юноши и девушки выросли в смутное время, когда все старые ценности похерили, а новых не дали. Разве только «конкурентоспособность». Но это не наша идея, тем более «национальная».

Наша идея — помощь слабым. Человек начинается с заботы о другом. И если эти юные люди пошли в высшее учебное заведение, нередко обрекая себя тем самым на полуголодное существование, то ясно, что для них наука — ценность, может быть, последняя. И всякие выпады против науки в научном учебном заведении уже согласно самому понятию недопустимы, даже во имя Абсолюта, как это получается у нашего юродствующего профессора. Ключевые слова в последней монографии этого «воспитателя» молодежи — «тщета науки». Но это никого у нас не трогает. И так думают многие.

Семнадцатилетние приходят к нам из школы с искусственно там создаваемым сумбуром в голове. И этот сумбур возрастает. Некоторые абитуриенты безнадежны. Их место не на философском факультете, а в духовной семинарии. Но почему-то их принимают на философский факультет. Почему? Потому что критерий оценки состояния мировоззренческого сознания абитуриента отсутствует. А между тем этим закоренелым фидеистам надо прямо сказать, что они идут не туда. Почему-то при поступлении на философский факультет абитуриентам не разъясняют, что значит быть философом. Какие обязательства налагает на них это высокое и тяжелое звание. Тех, кто не безнадежны, надо после школы выпрямлять, формировать у них ясное, отчетливое, самостоятельное, критическое, логическое мышление.

Самое великое завоевание человечества — не полеты на Марс, а критическое мышление. Но этим никто не занимается. Просто набивают их головы мертвой, неработающей информацией. И наши юноши и девушки с чем пришли, с тем и уходят. А то с еще большим сумбуром в голове. Учить других.

Логика. В этой ситуации возрастает роль кафедр логики. Они должны не забывать о своей охранительной по отношению к философии роли — роли своего рода «пограничных застав» в сфере духа, — логика и мракобесие несовместимы. Это хорошо понимают сами мракобесы. Не случайно в индийских «Законах Ману» сказано, что «тот дважды рожденный, который, опираясь на логику, презирает их (то есть Веды. — Авт.), должен быть изгнан как безбожник». Но этого мало. В Академии наук создана Комиссия по борьбе с лженаукой. Необходимо и нам создать аналогичную комиссию — Комиссию по борьбе с лжефилософией, или Комитет мировоззренческой безопасности (КМБ). Мы не собираемся бороться со жрецами. Они так же вечны и неистребимы, как вечна и неистребима человеческая глупость. Мы будем заниматься исключительно своим сословием философов. Мы будем выявлять явных и тайных фидеистов и очищать от них наши ряды. Философия обязывает своих служителей видеть высшую ценность в разуме, а не в вере. Фидеизм и философия несовместимы.

Обращение антитоталитариев

Что такое антитоталитаризм и кто такие антитоталитарии? Антитоталитарии — это те, кто активно борется против тоталитаризма. А что такое тоталитаризм? Тоталитаризм — такая организация общества, при которой человек подавлен государством и государственными учреждениями. Государство диктует человеку, кого ему любить и кого ненавидеть, какой поэт хороший, а какой плохой, какой ширины должны быть брюки и какой длины юбка.

Конечно, жить без государства нельзя. В понимании этого антитоталитарии отличаются от наивных анархистов, кто думает, что можно взять и упразднить государство. Государство будет всегда, по крайней мере в обозримом будущем. И всякое государство как стоящая над обществом структура, даже демократическое, роковым образом стремится стать тоталитарным, полностью подчинить себе человека. Да что государство! Любая общественная организация, какая бы она ни была, даже садово-огородное товарищество.

Поэтому тоталитаризм вечен. Тогда могут спросить, а стоит ли бороться против тоталитаризма, если он вечен? Но ведь и преступность была, есть и будет всегда. Она тоже вечна. Тем не менее ни у кого не возникает сомнения в необходимости правоохранительных органов и их деятельности. Также и антитоталитаризм. И он должен быть как-то организован.

И снова вопрос: а не станет ли такая организация антитоталитариев сама тоталитарной? Да, это возможно! Тем более, что некоторые думают, что против жесткой структуры (а тоталитаризм — наиболее жесткая структура из всех возможных общественных структур) можно бороться только при помощи столь же жесткой структуры.

Это неправильно. В таком случае мы будем иметь всего лишь два тоталитаризма, два социальных чудовища, источающих вокруг себя страшное зловоние, сцепившихся в смертельной схватке первобытных ящеров.

Антитоталитарии — не политическая партия. Они не борются за власть, не стремятся к ней. Они стоят на страже. Они охраняют человека как личность от посягательств на нее всевозможных государственных организаций, созданных, конечно, людьми, но стремящихся вырваться из-под контроля со стороны своих же создателей и подмять их под себя. Это безличные анонимные бесчеловечные структуры, каждая из которых возглавляется своим председателем или своими сопредседателями. Но эти лица — халифы на час. Они приходят и уходят, а структуры остаются. У них громадная степень инерции и выживания. Без них, конечно, нельзя. Не может быть государства без армии, без министерств и комитетов, без парламентов или советов с их председателями, без политических партий и т. д. и т. п. И каждое из этих социальных чудовищ стремится низвести человека до роли

простого исполнителя, винтика, превратить всех людей в чиновников с их бюрократической иерархией и чиновпочитанием.

Выше мы сказали: антитоталитарии охраняют личность... А что это такое — личность? Мы различаем индивида и личность. Не всякий человеческий индивид личность, хотя, конечно, всякая личность — индивид. Часто говорят: «одаренная личность». Но можно быть виртуозным скрипачом — и не быть личностью. Сама по себе одаренность — лишь черта индивида, его индивидуальная особенность. Чтобы быть личностью — надо нечто большее.

Нам представляется, что для того, чтобы быть личностью, человеческий индивид должен иметь по крайней мере два качества: быть свободным в своем выборе и быть нравственно ответственным за свой выбор. Но для того, чтобы быть свободным в своем выборе, надо иметь право на выбор. Право на свободу. В тоталитарном обществе такой свободы и такого права нет. В таком обществе за нас выбирают другие. Нам остается только участвовать в спектакле выборов. Вы все хорошо знаете, что это такое. Мы все должны были участвовать в таких позорных для нас спектаклях, потому что наш тоталитаризм прикрывался фиговым листком демократии. Такой подлый и лицемерный тоталитаризм намного хуже прямого и откровенного тоталитаризма. И мы утверждаем, что такие выборы без выбора нанесли, возможно, наибольший вред нашим душам, нравственно развратили нас в наибольшей степени. Ведь нас насильственно загоняли на избирательные участки, нас периодически насиловали — и мы «отдавали свой голос», а вместе с ним и свое человеческое достоинство, свою совесть, свою гордость, свое право называться личностью...

У человека должна быть подлинная свобода выбора. И более того — свобода самовыражения.

Однако одна лишь свобода тут же оборачивается произволом. Часто говорят, что тоталитаризм тем и хорош, что там пускай и нет свободы, зато нет и массового произвола. Там порядок. Без свободы, мол, жить можно, а без порядка нельзя. Воспоминание о таком порядке, ностальгия по нему, — та реальная и мощная сила, которая тянет нас в прошлое. И мы забываем, что за этот порядок внизу мы платили полным произволом сверху. Например, решение о вводе войск в Афганистан принимали три-четыре человека, выжившие из ума по возрасту. Что нам это стоило — теперь более или менее известно. Хотя и не все. В тоталитарном обществе все засекречено. Все становится государственной тайной. Так легче творить произвол. При тоталитаризме свободны лишь вожди. Но их свобода — произвол. У них нет никакой ответственности: ни правовой, ни нравственной. Они индивиды, а не личности.

Мы, антитоталитарии, говорим: свободы не должно быть без нравственной ответственности, а нравственной ответственности не может быть без свободы. При тоталитаризме вся свобода у вождей, но у них нет никакой ответственности перед народом. Но коль скоро у народа, у людей, составляющих народ, нет свободы, то нельзя говорить и о нравственной

ответственности народа. Он только безгласный исполнитель воли вождей. Так и складывается этот ужасный монстр — тоталитарное общество.

А что же такое — эта нравственная ответственность? Это то, чего лишены люди, живущие при тоталитаризме, когда все решают за них, а им остается только повиноваться и исполнять. Это совесть и стыд. Совесть как нравственная ответственность перед самим собой. Стыд как нравственная ответственность перед другими. Бессовестность и бесстыдство — самые страшные язвы на душе нашего общества, на наших с вами душах.

Антитоталитарии — те, кто одновременно стремятся оградить по возможности личную свободу индивида от подавляющих его государственных структур и вместе с тем пробудить в наших с вами душах совесть и стыд, утраченные нами при чудовищном строе с его иезуитской формулой: «нравственно все то, что служит построению коммунистического общества» (перефразировка старого иезуитского правила: «цель оправдывает средства»).

Для нас, антитоталитариев, безразличны расовая принадлежность, национальность, семейное и социальное положение, религиозная принадлежность, пол, возраст, образование, индивидуальная одаренность и даже партийность человека. Все это внешнее. Для нас важно, чтобы человек был личностью, то есть свободным и нравственно ответственным за свою свободу индивидом. Но чтобы «быть», надо «стать».

В одиночку это сделать трудно. Поэтому мы и создаем свободную ассоциацию антитоталитариев. Мы будем помогать друг другу обрести в себе личность. Мы будем активно воздействовать на общество, пробуждая у все большего количества людей то, о чем многие из нас забыли: совесть и стыд.

Любители старины опять-таки скажут: раньше был порядок, раньше не было такой ужасной преступности. И это верно! Но почему? Мы говорим: то, что возникло из насилия, может продолжать существовать только благодаря насилию. Ослабили давление — и все пошло друг на друга! Но это только потому, что основной сдерживающей силой был страх, страх перед внешней карающей силой, но не перед своей совестью. Человек боялся — и оставался в душе своей тем, чем он только и может быть при тоталитаризме, — человеком без стыда и без совести. Плоды этого мы теперь и пожинаем.

Люди, вступайте в наши ряды! Поможем друг другу обрести себя! Станем личностями! Вернем себе человеческое достоинство и естественные права человека! Свободу мысли, слова и деятельности! Право если и не на человеческую жизнь — до этого нам еще далеко, — то хотя бы на человеческое погребение!

Нет большего, пожалуй, проявления чудовищной и циничной безнравственности нашего общества, изуродованного тоталитарным режимом, как то, что государство-победитель не захоронило по-человечески тысячи и тысячи своих павших воинов, воинов-победителей. Это, пожалуй, страшнее массовых расстрелов невинных. Тогда хоть можно было все списать на свое заблуждение, на свой политический фанатизм. Здесь же

списать не на что. Тысячи и тысячи незахороненных победителей — самых выразительный символ нашего тоталитарного государства. Тоталитарное государство безразлично к своему народу. К людям. К человеку. Просто к человеку... Где уж тут говорить еще о личности! О личных свободах и неотъемлемых правах человека!

Люди! Вступайте в наши ряды. В одиночку мы погибнем. Тоталитаризм снова поднимает голову, вылезает из окопов, на нас снова катится все под себя подминающий чугунный каток тоталитаризма. Остановим его! Будем бдительны!

Декларация антитоталитариев

1. Термин «тоталитаризм» происходит от позднелатинского слова «totalitas» что означает «цельность», «полнота», «целое».
2. Тоталитаризм — учение о том, что целое есть все, а составные части перед ним, целым, есть ничто, и соответствующая этому практика.
3. Государственный тоталитаризм означает, что государство (целое) есть все, а составляющие его граждане (части) перед государством ничто.
4. Партийный тоталитаризм означает, что партия как целое есть все, а члены партии перед партией как целым — ничто.
5. Но такой тоталитаризм реально невозможен, т. к. целое не может состоять из ничего.
6. Поэтому при реальном тоталитаризме целое подменяется его частью: государство — партией, партия — ее вождем.
7. Так образуется тоталитарная троика: государство — партия — вождь, а точнее вождь — партия — государство.
8. Поэтому реальный тоталитаризм есть деспотизм и тирания одного над всеми.
9. Антитоталитаризм учит, что ТЫ не ничтожный винтик в огромной государственно-партийной машине, но что ТЫ и не целое. ТЫ — часть целого, но каждый из нас, а не один только вождь, такая часть целого, которая равна целому, а то и превосходит его.
10. Ведь ТЫ — ЛИЧНОСТЬ, т. е. свободное и нравственно-ответственное существо.
11. Учитывая вышесказанное, мы в своем добровольном и ненасильственном сопротивлении тоталитаризму во всех его явных и неявных формах образуем Ассоциацию свободных и нравственно ответственных за свою свободу личностей — антитоталитариев.
12. И мы провозглашаем: «АНТИТОТАЛИТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!»

Библиография А.Н.Чанышева

I. Философия

1. «Ирония» истории // Вопросы философии. 1954. № 2. С. 151–166. [Соавтор Ю.К. Мельвиль].
2. «Разносчик «прикладного христианства» // Коммунист. 1955. № 14. С. 122–126. [Соавтор В.В. Мшвениерадзе].
3. Теология кризиса // Наука и жизнь. 1956. № 1. С. 47.
4. Некоторые вопросы идеологии современного протестантизма в США // Сб. Наука и религия. М.: Знание, 1957. С. 288–302.
5. Протестантизм // Спутник атеиста. М.: Политиздат, 1959. С. 128–145.
- 5а. Протестантизм // Спутник атеиста. М.: Политиздат, 1961. С. ???.
6. Философия Анри Бергсона. М.: МГУ, 1960. 56 с.
7. Протестантизм // Основы научного атеизма. М.: Политиздат, 1962. С. 228–245.
- 7а. Протестантизм // Основы научного атеизма. М.: Политиздат, 1964. С. 232–248.
8. Конференция по критике современного позитивизма // Философские науки. 1961. № 4. С. 203–207. [Соавтор В.Н. Садовский].
9. Идеологические течения в современном протестантизме // История и теория атеизма. М.: Высшая школа, 1962. С. 412–421.
10. Баптисты // Историческая энциклопедия. Т. 2. М., 1962. Столбцы 118–119.
- 11–12. Протестантизм. Реформация // Философский словарь. М.: Политиздат, 1963. С. 369–370, 389.
- 11а–12а. Протестантизм. Реформация // Философский словарь. М.: Политиздат, 1968. С. 294, 308.
- 11б–12б. Протестантизм. Реформация // Философский словарь. М.: Политиздат, 1972. С. 335–336, 351–352.
- 11в–12в. Протестантизм. Реформация // Философский словарь. М.: Политиздат, 1975. С. 335–336, 351–352.
- 13–58. Адвентисты. Анабаптисты. Англиканская церковь. Армия спасения. Аугсбургское вероисповедание. Баптисты. Всемирный совет церквей. Диалектическая теология. Иеговисты. Кальвин. Кальвинизм. Квакеры. Конгрегационалисты. Лолларды. Лютер. Лютеранство. Меннониты. Модернизм. Нибур. Пиетизм. Пресвитерианство. Протестантизм. Пуритане. Ремонстранты. Реформация. Социниане. Социн. Социальное евангелие. Уиклиф. Унитарии. Фундаментализм. Цвинглианство. Экуменическое движение. (Без подписи): Архиепископ Кентерберийский. Евангелическая церковь. Диссентеры. Диссиденты. Епикопальная церковь. Ламбетские конференции. Меланхтон. Национальный совет христианских церквей в США. Пастор. Пресвитер. Реформаты. Ревивализм. Цвингли // Краткий научно-атеистический словарь. М.: Наука, 1964. С. ???.
59. Конгрегационализм // Философская энциклопедия. Т. 3. М., 1964. С. 40.

60. Манихейство // Философская энциклопедия. Т. 3. М., 1964. С. 290–291.
61. Модернизм // Философская энциклопедия. Т. 3. М., 1964. С. 483–484. [Соавтор И. Кривелев].
62. Протестантизм // Современная философия и социология в странах Западной Европы и Америки. М.: Наука, 1964. С. 353–362.
63. Что такое протестантизм? // Календарь атеиста. М.: Политиздат, 1964. С. 239–241.
- 63а. Что такое протестантизм? // Календарь атеиста. М., Политиздат, 1967. С. 233–235.
64. Проблема происхождения философии // Философские науки. 1965. № 4. С. 68–76.
65. Protestantlikud usundid // Protestantism tanapaeval. Tallin: Eesti raamat, 1966. С. 5–33.
66. Ионийская философия. М.: МГУ, 1966. 184 с.
67. Протестантизм // Советская историческая энциклопедия. Т. 11. М., 1968. Столбцы 638–642.
68. Подборка, частичный перевод и комментарий текстов досократиков // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1. Философия древности и средневековья. Ч. 1. М.: Мысль, 1969. С. 267–321.
69. Протестантизм. М.: Наука, 1969. 216 с.
70. Эгейская предфилософия. М.: МГУ, 1970. 240 с.
71. Баптисты. // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 2. М., 1970. Столбцы 1833–1834.
72. Возникновение философии // История общественной мысли. Современные проблемы. М.: Наука, 1972. С. 270–278.
73. Унитарии // Советская историческая энциклопедия. Т. 14. М., 1973. Столбец 825.
74. Конгрегационалисты // Большая советская энциклопедия. Т. 12. М., 1973. Столбцы 1855–1856.
75. Гегель о возникновении философии // Вестник МГУ. Серия VIII. Философия. 1974. № 1. С. 25–34.
76. Фундаментализм // Советская историческая энциклопедия. Т. 15. М., 1974. Столбец 462.
77. Итальянская философия. М.: МГУ, 1975. 216 с.
78. Орфизм как элемент античной предфилософии // Вестник МГУ. Серия VIII. Философия. 1975. № 3. С. 49–57.
79. Пифагор и пифагореизм // Философские науки. 1975. № 4. С. 88–96.
80. Материализм Эмпедокла // Вестник МГУ. Серия VIII. Философия. 1976. № 1. С. 81–90.
81. Виды мировоззрения и генезис философии // Вестник МГУ. Серия VII. Философия. 1978. № 4. С. 48–59.
82. Курс лекций по древней философии. Учебное пособие для студентов и аспирантов философских факультетов и отделений университетов. М.: Высшая школа, 1981. 374 с.
83. Аристотель. М.: Мысль, 1981. 200 с.

84. Начало философии. М.: МГУ, 1982. 184 с.
85. Генезис философии и ее ранние формы. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук в форме научного доклада. На правах рукописи. М.: МГУ, 1983. 52 с.
86. Рецензия на книгу Н.Е. Шлайфера. Свобода личности и исторический детерминизм // Философские науки. 1985. № 1. С. 187–188.
87. Методологические проблемы исследования истоков философии // Методологические и мировоззренческие проблемы истории античной и средневековой философии. Академия наук СССР. Институт философии. Ч. 1. М., 1986. С. 32–36.
88. Аристотель. 2-ое доп. изд. М.: Мысль, 1987. 224 с.
89. Программа по истории зарубежной философии. Раздел II. Философия рабовладельческого общества. М., 1987. С. 5–23.
90. У истоков философии // Вестник МГУ. Серия VII. Философия. 1988. № 5. С. 66–68.
91. Учение Аристотеля о сущности // Вестник МГУ. Серия VII. Философия. 1989. № 2. С. 67–69.
92. Отклик на статью С.А. Эфирова. Стереотипы критики и критика стереотипов // Социологические исследования. 1989. № 4. С. ???.
93. Планы семинарских занятий по курсу «История зарубежной философии (отделение философии)». 2–3 семестры. М., 1990. 30 с.
94. Любовь в античной Греции // Философия любви. Т. 1. М.: Политиздат, 1990. С. 36–67.
95. Беседа Платона с Аристотелем при участии и под руководством... // Человек. 1990. № 4. С. 39–48.
96. Трактат о небытии // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 158–65.
- 96 а. Трактат о небытии // Gnosis. 1990. № 9. Нью-Йорк. С. 54–67.
97. Предварительные тезисы к «Трактату о небытии». Трактат о небытии // АУМ. Синтез мистических учений Запада и Востока. 1990. № 4. Нью-Йорк. С. 317–333.
98. Некоторые соображения по поводу статьи двух философов // Вестник МГУ. Серия VII. Философия. 1991. № 2. С. 86–88.
99. Курс лекций по древней и средневековой философии. М.: Высшая школа, 1991. 512 с.
100. Мысли о религии // Вестник христианской демократии. 1992. № 7(34). С. 6.
101. Планы семинарских занятий по курсу «Античная и Средневековая философия». М., 1992. 29 с.
102. Мировоззрение и философия // Мысль и жизнь. К столетию со дня рождения А.Ф. Лосева. Уфа, 1993. С. 226–240.
103. Среды. Среда вторая. Опыт редакционного обсуждения проблемы мировоззрения (фрагмент) // Религия вчера, сегодня, завтра. Выпуск 3. Архангельск, 1994. С. 63–75.
104. Слово о Философии // Вопросы классической филологии. 1996. Выпуск XI. Лосевские чтения. Философия, филология, культура. К столетию со дня рождения А.Ф. Лосева (1893–1993). М.: МГУ. С. 296–300.

105. Трактат о небытии. 4-ое испр. и доп. изд. // Категории. Философский журнал. 1997. № 2 . С. 4–14.
106. Παιδεία. Twentieth World Congress of Philosophy. Abstracts of Invited and Contributed Papers. Boston, Massachusetts USA. 10–16 August, 1998. P. 198.
107. Философия как «филология», как мудрость и как мировоззрение // Вестник МГУ. Серия VII. Философия. 1995. № 5. С. 37–62. № 6. С. 25–47. 1996. № 6. С. 30–48. 1998. № 1. С. 31–53. 1999. № 1. С.3–19.
108. Философия Древнего Мира. М.: Наука, 1999. 703 с.
107. Трактат о небытии. Бостонские тезисы. М., 1999. 16 с. [Издание автора].
109. Мировоззрение неимущего. Трактат о небытии. М., 2000. 16 с. [Издание автора].
110. Мировоззрение неимущего. Трактат о небытии. Бостонские тезисы // Вестник МГУ. Серия VII. Философия. 2000. № 2. С.3–13.

II. Публицистика

1. О различии между диктатурой и тиранией // В кн.: А.М. Самсонов. Знать и помнить. Диалог историка с читателем. М.: Политиздат, 1988. С. 231–232.
2. Темное звено (фрагмент) // Советская культура. № 31. 14.03.89. С. ???.
3. Очищение через возмездие // Декоративное искусство СССР. 1989. № 4. С. 2, 4.
4. Нам уже доверяют? // Век XX и мир. 1989. № 9. С. 12.
5. Бойся (не) обыкновенного фашизма // Правда. 23 февраля 1990. № 54. С. 6.
6. Отвечает ли Маркс за Чаушеску // Новое время. 1990. № 23. С. 3.
7. (Дума о России) в рубрике «Письма о России» // Правда. 12 июня 1990. № 163. С. 3.
8. Обращение антитоталитариев. Декларация антитоталитариев // Ностальгия. 1991. № 3. С. 1–2.
9. Декларация свободной творческой ассоциации // Ностальгия. 1991. № 5. С. 1.
10. Несостоявшееся выступление на Всенародном Вече 17 марта 1992 года // Воля. 1992. № 6. С. 2.
11. Обращение разочарованного демократа // Независимая газета. 13 ноября 1992. С. 8.
12. Перечитывая Гоголя // Панорама. Лос-Анжелес. 1992. № 5. С. ???.
13. Долой диктатуру остапов бендеров! (О публицистике Александра Иванова в «Литературных новостях» и в «Курантах») // Литературные новости. 1992. № 2. С. 9. [Ответ А. Иванова см. Литературные новости. 1992. № 3. С. 9].
14. Страх и творчество // Литературные новости. 1992. № 9. С. 12.
15. Этика выше экономики // Литературные новости. 1992. № 13. С. 13.
16. Не стяжай, Иванов [!] // Литературные новости. 1993. № 29. С. 10–11.
17. Зомби. Русской партии национального возрождения // Литературные новости. 1993. № 40–41. С. 6.
18. Арсений Прохожий. Диалог // Литературные новости. 1993. № 45–46. С. 3.

19. Речь при получении премии «Литературных новостей» // Литературные новости. 1994. № 6–7 (62–63). С. 19.
20. Демократия как средство // Возрождение. 1997. № 1. С. 15. № 2. С. 15. № 3. С. 16.
22. Обращение антитоталитариев // Здравый смысл. Журнал скептиков, оптимистов и гуманистов. 1997. № 4. С. 29–32.
23. Арсений Чанышев. Трудный опыт демократии // Возрождение. 1997. № 11. С. 5–6.
24. Декларация антитоталитариев // Возрождение. 1998. № 1 (45). С. ???.
25. Арсений Прохожий — на чёрта похожий // Настоящее время. Декабрь 1998. С.13–15.

ИСКУССТВО

III. Драматургия

1. Арсений Чанышев (Прохожий). Пифагор (комедия идей) // Человек. 1991. № 6. С. 172–184. 1992. № 1. С. 167–178.
- 1а. Арсений Прохожий. Пифагор (комедия идей). М., 1999. 35 с. [Издание автора].
- 1в. Арсений Прохожий. Пифагор (комедия идей). 2-ое исп. изд. 1999. 35 с. [Издание автора].

IV. Проза

1. Арсений Прохожий. Экзамен // Литературные новости. 1992. № 4. С. 14.
2. Арсений Никитин. Рассказы. М., 1999. 29 с. [Издание автора].

V. Поэзия

1. Артемий Михайлов. Человек XX века (Если ты не был в концлагере...), Халтурщики (Хорошо быть халтурщиком...) // Грани. Журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли. Frankfurt a. Main. 1965. № 59. Изд. Посев. С. 47–48.
2. Анонимно. If you have not been in a concentration camp... // Brown, Deming. The Man from S.M.O.G. // The New York Times Magazine. March 20. 1966. PP. 29, 72.
3. Чанышев А.Н. Где нет числа и меры... // Чанышев А.Н. Итальянская философия. М.: МГУ, 1975. С. 15.
4. Чанышев А.Н. Ворона серотелая..., Где нет числа и меры... // Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии. М., 1981. С. 147, 163.
5. Арсений Чанышев. Космос (Есть ли где-нибудь на небе...), Число и мера (Где нет числа и меры...) // Социалистическая индустрия. 22 февраля 1967. № 44. С. 4.

6. Арсений Чанышев. Как всё смердит! Как всё полно обмана... // Декоративное искусство СССР. 1989. № 4. С. 2.
7. Чанышев А.Н. Да, нет любви из жалости!.. Я счастлив и досрочно, и сверхсрочно... // Философия любви. Т. 1. М.: Политиздат. 1990. С. 46, 352.
8. Арсений Прохожий. Переселение душ (Ворона серотелая...) // Российская музыкальная газета. 1990. № 6 (17). С. 5.
9. Арсений Прохожий. Ворона серотелая... Где нет числа и меры..., Поэзия времен террора и застоя: Начинается день перламутровый..., Мы живем, как в падающем лифте..., Если дарят цветы..., Баллада о костях (Стояли люди за костями...), По городу ходят желудки..., Когда не знают, что дают... // Панорама. США. Калифорния. Лос-Анжелес. 1991. № 514. С. 25.
10. Арсений Прохожий. Ироническая поэзия (На Дальнем Севере, задавленная льдами...), Август 1991 (Обвинитель. Прослушав «Обращенье восьмерых»...), Четверостишия (В Еатерининском саду..., В поэте хитрости ни грана..., В эпоху умного бездумья..., Да, при всех своих талантах..., Живёшь с одним, мечтая о другом..., Жизнь прекрасна...) // Панорама. США. Калифорния. Лос-Анжелес. 1991. № 550. С. 19.
11. Арсений Прохожий (А.Н. Чанышев). Я перешёл свой мелкий Рубикон..., Стоит ромашка в поле..., Всё хорошо. Я счастлив, что в стране..., Быт сбил с копыт, Этот мир был проклят мною с детства..., Среди трущоб, среди глухих бульваров..., Если ты не был в концлагере..., Согласно Богом созданному ГОСТу..., Я на Луну хочу! Не ради славы..., Я счастлив и досрочно, и сверхсрочно..., В этом мире, где столько насилий..., Я не приемлю этот мир..., Кучки маленьких дождей..., Где нет числа и меры..., Вертикаль (Вверху обрубок колокольни...), Баллада о костях (Стояли люди за костями...), Обезбольте меня! Обезбольте!.., Мы живём, как в падающем лифте..., Последнее (Как хорошо прийти и всё проверить!..) // Сенкевич А. «Показания свидетелей защиты» (русский поэтический авангард 60-х годов), Арсений Прохожий // Альманах Поэзия. 1991. № 59. С. 90, 92, 95, 99–102.
12. Арсений Прохожий. Две арифметики (Три дня! Три ночи! Героизм! Не скучно...). Поэтические иллюстрации к «Мыслям о смерти и бессмертии». Из цикла «Устьинская осень»: Хандра (Проходит жизнь. Мне умереть придётся...), Смерть (Проходят дни. Проходят ночи...), Полуфабрикаты (Как часто люди хуже, чем зверьё!...), Безверие (Конец мой близок... Оттого не спится...), Война (За пять минут до ядерного взрыва...). Господин (Какая-то доверчивая сука...) // Сельская новь. Крым, Белогорск. 24 октября 1991. С. 2.
13. Арсений Прохожий. Начинается день перламутровый... // Ностальгия. 1991. № 3. С. 1.
14. Арсений Прохожий. Если дарят цветы без земли, без корней... Как хорошо прийти — и все проверить... // Ностальгия. 1991. № 4. С. 2.
15. Арсений Прохожий. Из цикла «Поэзия времён террора и застоя»: Я русский. В этом боль моя... Тишина, тишина над Россией... // Ностальгия. 1991. № 5. С. 3.

16. Victoria Andreyeva. 1000 Russian Verbs. N.Y. 1991. P. 124, 160, 186, 201, 210, 214, 362.
17. Чанышев А.Н. Да, церковь любит, но она ревнива... // Чанышев А.Н. Курс лекций по древней и средневековой философии. М., 1991. С. 435.
18. Арсений Прохожий (Арсений Чанышев). Где нет числа и меры..., Все люди в душе ненавидят друг друга..., Поэты любят, чтобы их хвалили..., Я преступник, в мир ужасный..., Мы все уверены : зайдём за горизонт..., Мы на Бога похожие..., Все мы временно прописаны..., Хочу бежать, уехать из Москвы..., Жизнь прекрасна..., Я прославлю бунт..., Да. Я знаю: между нами пропасть..., Соки из нас выжали..., Начинается день перламутровый..., Я родился рабом..., Синяя даль неоглядная... // Человек. 1991. № 6. С. 176, 177, 179, 180, 181; 1992. № 1. С. 169, 171, 173, 174, 177.
19. Аноним. Наши души невидимы... // Юрий Крохин. Профили на серебре (Повесть о Леониде Губанове). М., 1992. С. 43.
20. Арсений Прохожий (Арсений Чанышев). Ворона серотелая..., Где нет числа и меры..., Я перешёл свой мелкий Рубикон... Стоит ромашка в поле недвижима..., Всё хорошо. Я счастлив. Что в стране..., Этот мир был проклят мною с детства..., Кучки маленьких дождей..., Я не приемлю этот мир... // Сенкевич А.Н. Показания свидетелей защиты. М.: Знание, 1992. С. 45, 46, 48, 49, 51, 58, 64.
21. Арсений Чанышев. Вся Россия заросла кустами... Напугали целый мир... // Воля. 1992. № 6. С. 2.
22. Арсений Прохожий. Национальный вопрос (Напугали целый мир...) // Трудовой Тирасполь. 1992. № 22 (131). С. 4.
23. Арсений Прохожий. Этот мир был проклят мною с детства..., Как мне уверовать в добро... // Вестник христианской демократии. 1992. № 7 (34). С. 7.
24. Арсений Прохожий. Арсений Прохожий — на чёрта похожий..., В этом мире, где столько растлений..., Наши души невидимы..., Жизнь прекрасна..., Ты, философ, истину скрываешь..., Нам не выпадет почестей..., Запутались у парашюта стропы..., Не избежать паралича..., Мир погряз в обмане..., Как мы пред ним пресмыкались..., В Переделкино писаки..., Ворона серотелая..., Как же много еще в нас низости..., Вижу ослепшее Солнце и обгоревшее Море... О, нет любви из жалости..., Мы затыкаем женским телом..., Любовь, возникшая из блуда... // Литературные новости. 1992. № 1. С. 15.
25. Арсений Чанышев. Я вновь воскрес, поднялся я из праха..., И грядёт безжалостный диктатор..., У нас прославиться легко..., Лишить народ последнего рассудка... // Арсений Чанышев. Страх и творчество // Литературные новости. 1992. № 9. С. 12.
26. Арсений Прохожий. Двустися: Жил был зайчик, ел морковку..., Вверху — обрубок колокольни..., Где нет числа и меры..., Взором мужчина следит за звездой..., Спешу домой обнять жену и сына..., Я стал отцом, когда другие — деды... // Литературные новости. 1992. № 15. С. 14.
27. Арсений Прохожий. Двустися: Когда б высокое унижить низкий мог...,

- Всё, что от Бога, прекрасно..., Стою перед могилой сверстника..., Нет, жизнь не кончена — еще осталась треть... // Литературные новости. 1992. № 17. С. 14.
28. Арсений Прохожий. Согласно Богом созданному ГОСТу... // Козловский Е. Мы встретились в раю... М., 1992. С. 264.
29. Чанышев А.Н. Этот мир был проклят мною с детства... // Философы России XIX–XX столетий. Биографии. Идеи. Труды. М., 1995. С. 645.
30. Арсений Чанышев. Вся Россия заросла кустами..., Прекрасен город Псков... // Литературные новости. 1993. № 40–41. С. 6.
31. Арсений Прохожий. Придёт ли час, когда природа сбросит... // Литературные новости. 1993. № 45–46. С. 3.
32. Арсений Прохожий (А.Н. Чанышев). В этом мире, где столько насилий... // Литературные новости. 1994. № 2–3 (58–59). С. 1.
33. Арсений Чанышев. Не равняй, никогда не равняй... // Литературные новости. 1994. № 6–7 (62–63). С. 6.
34. Арсений Чанышев. «Человек — это совокупность его воспоминаний». (Эпиграф к лирической повести Эдмунда Иодковского «Останкинское лето».) // Литературные новости. 1994. № 12 (68). С. 6.
35. (Арсений Чанышев.) Любил я женщин. Не считал... // Литературные новости. 1994. № 12 (68). С. 16. (Приписано Э. Иодковскому).
36. Чанышев А.Н. Стоит ромашка в поле недвижима..., Ворона серотелая... // Независимая газета. 14 апреля 1995. С. 8.
37. Арсений Чанышев. Корова гордая пасётся..., Когда не знают, что дают... // Сергеев Н.В. Мимолётность. М., 1995. С. 29–30.
38. Арсений Прохожий (Арсений Чанышев). Украинскому националисту (Напрасно ты стараешься, Мазепа...), Напугали целый мир..., Псевдочастушки: Нувориш ты! Нувориш!..., Зря стараетесь, жульё!..., У одних стриптиз, попойки... // Российское Возрождение. 1995. № 29. С. 1, 2.
39. Арсений Чанышев. Напугали целый мир — дурью маются..., Вместо частушек: Нувориш ты! Нувориш..., Напрасно ты стараешься. Мазепа..., У одних — стриптиз, попойки..., Зря стараетесь, жульё!.. // Клуб. 1995. № 10. С. 24.
40. Чанышев А.Н. С каждым днем пустей желудки..., Солженицын в государственной думе (Явив себя из-за кулис...) // Оппозиция. 1994. № 13. С. 8.
41. Чанышев А.Н. Этот мир был проклят мною с детства... // Философы России XIX–XX столетий. Биографии. Идеи. Труды. М., 1995. С. 645.
42. Арсений Прохожий. Напугали целый мир..., Украинскому националисту (Напрасно ты стараешься, Мазепа...), Да, жили мы при всём параде..., В «парламенте» (Идёт делёж, идёт борьба за власть...), А жизнь прекрасна! Хороши ромашки..., Солженицын в Государственной думе (Явив себя из-за кулис...) // Советский Союз. 1995. № 4. С. 8.
43. Арсений Чанышев. Я казённый [в тексте ошибочно — «казнённый»] философ... // Волшебная гора. 1995. № 3. С. 320.
44. Арсений Прохожий. Стихи: Я — сын монаха, плод греха..., Эпитафия (Арсений Прохожий...), Меня никто не ждёт..., Я хочу, чтоб ходили

- легенды... // Волшебная гора. 1995. № 3. С. 413.
45. Чанышев А.Н. Стихи: В этом мире, где столько растлений..., Начинается день перламутровый..., Этот мир был проклят мною с детства..., Мы в магазины ходим, как в музеи..., Как хорошо прийти — и всё проверить..., Наши души невидимы..., Один переворот. Он левый, а не правый..., Ворона серотелая..., О, нет любви из жалости..., Мы затыкаем женским телом..., Любовь, возникшая из блуда... // Край Смоленский. 1995. № 11–12. С. 92–94.
46. Чанышев А.Н. Я, в царство истины стучась..., Дым — тень огня..., Я весь погряз в словах..., В условном мире слов..., Явив себя из-за кулис..., Вторая половина марта... // Вестник Московского университета. Серия VII. Философия. 1995. № 5. С.37, 50–51, 56, 61.
47. Чанышев А.Н. У чисел нет числа..., Как горе — так бегу в леса я..., Я знаю себя. Уповаю на Бога..., Я хочу умереть за машинкой..., Фальшивомонетчики — самые невинные из халтурщиков..., Самоубийство (Да, без него нам было бы, поверьте...), А сегодня спозаранку..., Нувориш ты! Нувориш..., Я соскучился по себе..., Зачем я жил, часы сверяя... // Вестник Московского университета. Серия VII. Философия. 1995. № 6. С. 28, 41, 42, 45, 46.
48. Чанышев А.Н. Любимая, мне не дано любить..., Похвала халтурщикам (Хорошо быть халтурщиком!, Весёлые они всегда, сытые...) // Вопросы классической филологии. Вып. XI. М.: МГУ, 1996. С. 297, 298–299.
49. Чанышев А.Н. Орёл (Как тесно внизу! Ограничен их мир...) // Оренбуржье. 21 марта 1996. № 54–55 (1078–1079). С. 11.
50. Арсений Прохожий. Арсений Прохожий..., Моя душа, поникшая, больная..., Наши души невидимы..., Если ты не был в концлагере..., Нет, я не был с ним в одной артели..., Одиночество — как бритва..., Пусть Солнце ярко, небо сине..., Ни о ком не жалея!..., Дороги русские не гладки..., Лежит земля апрельская..., Я сын монаха, плод греха..., Когда я сердцем обнажённым..., Меня никто не ждёт. Я никому не нужен..., Не верю я, что всё бесследно... // Новое литературное обозрение. 1996. № 20. С. 261, 262, 264, 265, 266, 267.
51. Чанышев А.Н. Чаще на небо гляди темной безоблачной, ночью..., Когда б высокое унизить низкий мог..., Пруда корыто..., Наступила эра ромашёвых... То не шутка, не ложь, не интрига... // Вестник Московского университета. Серия VII. Философия. 1996. № 6. С. 35, 43, 47, 48.
52. Арсений Чанышев. Нас Чубайсы под корень скосили... Чаще на небо гляди тёмной безоблачной ночью... // Возрождение 1997. № 2. С. 5, 15.
53. Арсений Чанышев. Нам не выпадет почестей... // Аргументы и факты. 1997. № 31. С. ???.
54. Арсений Прохожий (Чанышев Арсений Николаевич). Паяц (Усильем воли горькую гримасу...), Рассвет (Голубые дали...) // Московский университет. 1997. Июль. № 12. С. 5.
58. Арсений Прохожий. Москва (Жуткий мегаполис...) // Правда Москвы.

1997. № 77. С. 4.
59. Арсений Прохожий. Арсений Прохожий..., Я хочу, чтоб ходили легенды..., Национальный вопрос (Напугали целый мир...), Шестидесятники (Нет, я не был с ним в одной артели...) // Возрождение. 1997. Ноябрь. № 11 (44). С. 5, 6.
60. Арсений Прохожий. Псевдочастушки (С каждым днём пустей желудки..., Зря стараетесь, жульё..., У одних стриптиз, попойки...) // Мысль. 1997. № 24 (139). С. 4.
61. Арсений Прохожий. Мой друг, борись! (Мой друг, борись!..) // Коммунист. 1997. Декабрь. № 2 (17062). С. 2.
62. Арсений Прохожий. Лес (Я голос щепок, что летят...) // Возрождение. 1998. Март. № 1. С. 45.
63. Чанышев А.Н. Корова гордая пасется..., Когда не знают, что дают... // Московский университет. 1998. № 4. Март. С. 7.
64. Чанышев А.Н. Корова гордая пасется..., Когда не знают, что дают... // Московский университет. 1998. № 6. С. 6.
65. Чанышев А.Н. (Арсений Прохожий). В этом мире, где столько насилий...// Вечерний клуб. 13-19 августа 1998. № 32 (1304) С. 4.
66. Чанышев А.Н. Ещё одна страна попала в наш капкан..., Моя душа, поникшая, больная..., Начинается день перламутровый..., Искусство — форма тунеядства... // Вестник Московского университета. Серия VII. Философия. 1998. № 1, С. 33, 50, 51, 52.
67. Арсений Никитин. Россия (1946–1995): Свобода! Свобода! Богиня богинь!..., Я русский. В этом боль моя..., Среди трущоб, среди глухих бульваров..., Философский факультет (Приветствую тебя, казармы уголок!..). На Дальнем севере задавленная льдами..., Сижу, закованный в темнице..., Я счастлив и досрочно и сверхсрочно..., Дороги русские не гладки... // Категории. 1997. № 3. С. 143–146.
68. Чанышев А.Н. Зачем философу жена?... Ты, философ, истину скрываешь..., О Канте (Был когда-то я юным студентом ... // Категории. 1997. № 3. С. 157.
69. Арсений Прохожий. Где овалы — там углы. Уфа, 1998. Поэтическая иллюстрация к проблеме исторического сознания: Над нами княжили варяги..., Петр Великий (Жену отправил в монастырь...), Стою на площади сенатской..., Сменились поколения..., Иосиф Сталин (Самый кровавивший в ленинской своре..., Наложил на все Иоська свою лапу..., Как мы пред ним пресмыкались..., Он знал, что он не гениален..., В Переделкино писаки...), Свободу отдали народу..., Человек XX века (Если ты не был в концлагере...), Любимая, мне не дано любить..., Я хочу в концлагерь..., Грядет война во имя мира..., В этом мире, где столько насилий..., Наши души невидимы..., Жизнь прекрасна..., Ты философ, истину скрываешь..., Запутались у парашюта стропы..., Третья Мировая (Вижу ослепшее солнце и обгоревшее море...), Мир погряз в обмане..., Из поэмы «Литва» (Кто знал, когда тифозных вшей давили...), Август 1991 (Один переворот. Он левый, а не правый...), Идет дележ, идет борьба за

власть..., Национальный вопрос (Напугали целый мир!...), Солженицын в Госдуме (Явив себя из-за кулис...), Украинскому националисту (Напрасно ты стараешься, Мазепа!...), Мы в магазины ходим, как в музеи..., Нувориш ты! Нувориш!..., Для одних — стриптиз, попойки..., Зря стараетесь, жулье!...

70. Арсений Прохожий. Нет, я не был с ним в одной артели..., Этот мир был проклят мною с детства..., Попы и коммунисты шли на мыло..., Арсений Прохожий..., У нас прославиться легко..., Лишить народ последнего рассудка..., Всё хорошо. Я счастлив, что в стране..., Я русский. В этом боль моя..., Я счастлив и досрочно и сверхсрочно // Настоящее время. Декабрь 1998. С. 13–15.
71. Чанышев А.Н. Уже лето. Плынут облака меж зелёных ветвей... // Настоящее время. Февраль- март. 1999. С. 16.
72. Арсений Прохожий. Софья. М., 1999. 51 с. [Издание автора].
73. Арсений Прохожий. Агония. М., 1999. 45 с. [Издание автора].
74. Арсений Никитин. Я счастлив... М., 1999. 68 с. [Издание автора].
75. Арсений Прохожий. Литва. М., 1999. 52 с. [Издание автора].
76. Арсений Прохожий. В начале будущего века..., Мы требуем: идите вон!... // Рабочая правда. 1999. № 9. С. 1, 3.
77. Арсений Прохожий. Я лежу расстрелянный..., Зря стараетесь, жульё... // Рабочая правда. 1999. №11 (38). С. 1.
78. Арсений Прохожий. Ждите! Мы придем на баррикады... Когда почувят в нас реальную опасность... // Баррикада. 1999. № 1. С. 2.
79. Арсений Никитин. Если дарят цветы... (Гагринская осень 1972). М., 2000. 52 с. [Издание автора].

VI. Отзывы. Упоминания.

1. Гефтер М., Потакаев Ю., Шахназаров Г. Критика и библиография в научном журнале // Коммунист. 1954. № 15. С. 108.
2. От «Феникса к „Сфинксам“». //Грани. Журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли. Francfurt a. Main. 1965. № 59. Изд. Посев. С. 4.
3. Либан Н.Н., Михайлова Э.Н. А.Н. Чанышев. Ионийская философия // Вопросы философии. 1967. № 12. С.155–156.
4. Галина С. Литобъединение — 67 // Московский университет. 1967. Март № 14 (2379). С. 4.
5. Кессиди Ф.Х. А.Н. Чанышев. Эгейская предфилософия // Вопросы философии. 1971. № 9. С. ???.
6. Сёмушкин А.В. На пути к решению проблемы возникновения философии. А.Н. Чанышев. Эгейская предфилософия. М.: МГУ, 1970. 239 с. // Вестник Московского университета. Серия VIII. Философия. 1971. № 5. С. 87–91.
7. Майоров Г.Г., Мельвиль Ю.К., Соколов В.В. История зарубежной

- философии в Московском университете // Вестник Московского университета. Серия VII. Философия. 1979. № 6. С. 50.
8. Драч Г.В. Аристотель и проблемы древнегреческой философии // Вопросы философии. 1985. № 7. С. ??? 53.
 9. Доброхотов А.Л. Рядом с нами // Московский университет. 22 мая 1986. № 37 (3487). С. 3.
 10. Палванова З. Стихи об Арсении // Зинаида Павланова. Деревья не копят обид М., ???.
 11. Иодковский Э. Москва, 10 декабря // Огонёк. 1989. № 51. С. 2.
 12. Иодковский Э. Кто придет к власти? // Огонек. 1990. № 4. С. 20–21.
 13. Лившиц В. Никто не даст нам избавленья — ни Бог, ни тов. Рыжков, ни тов. Попов // Новое время. 1990. № 37. С. 2–3.
 14. Иодковский Э. Стихи, возникшие из вещей // Авто. 1990. № 23. С. 12–13.
 15. Стрельцова Г.Я. Судьба любви сегодня // Философия любви. Т. 1. М., 1990. С. 352.
 16. Ровнер А. Несчастнейший поэт России // Панорама. США. Калифорния. Лос-Анжелес. 1991. № 514. С. ???.
 17. Свободная Творческая Ассоциация (СТА) «Потерянное литературное поколение» представляет... Арсений Прохожий (Чанышев) // Ностальгия. 1991. № 4. С. 2.
 18. Информационное сообщение... Почетным Президентом СТА избран Арсений Чанышев, доктор философии, автор Декларации СТА // Ностальгия. 1991. № 5. С. 1.
 19. Иодковский Э. Писатели разбирают баррикады // Российская газета. 25 октября 1991. С. 4.
 20. Сенкевич А. Показания свидетелей защиты (русский поэтический авангард 60-х годов). Арсений Прохожий // Альманах Поэзия. 1991. № 59. М. С. 87–99.
 21. Кессиди Ф.Х. Аристотелевские чтения: впечатления и заметки // Философская социологическая мысль. Киев. 1991. № 4. С. 162, 163.
 22. Сенкевич А. Показания свидетелей защиты (из истории русского поэтического подполья 60-х годов). М.: Знание, 1992. С. 44–58.
 23. Ровнер А. Меж Москвой и Нью-Йорком // Московский комсомолец. 28 июля 1992. С. 4.
 24. Иванов А. Отечество славлю, которое ест // Литературные новости. 1992. № 3. С. 3.
 25. Васильев М. Темные вечера на Большой Лубянке // Литературные новости. 1992. № 25. С. 5.
 26. Козловский Е. Мы встретились в раю... М., 1992. С.264, 298.
 27. Иодковский Э. Костёл: Социальная доктрина // Литературные новости. 1993. № 29. С. 7.
 28. Философы России XIX–XX столетий. Биографии. Идеи. Труды. М., 1993. С. 201.
 29. Премии «Литературных новостей» // Литературные новости. 1994. № 1 (57). С. 1.

30. Талант — единственная новость // Литературные новости. 1994. № 6–7 (62–63). С. 19.
31. Сошникова Т. Лауреатам «Литновостей» вручены премии // Литературные новости. 1994. № 6–7 (62–63). С. 19.
32. Иодковский Э. Объяснение с В. Батшевым // Литературные новости. 1994. № 6–7 (62–63). С. 23.
33. Иванов А. Дело Ленино — смертно. Непосильные соображения. М., 1994. С. 101–108.
34. Кузнецов И. Сами вы стукачи! // Московский комсомолец. 22 марта 1994. С. 3.
35. Малинин Н. In brevi // Общая газета. 1994. № 12. С. 11.
36. Малинин Н. На балу у Эдмунда Феликсовича // Столица. 1994. № 2 (27). . 10–11.
37. Скурлатов говорит... // Российское Возрождение. 1994. № 2 (27). С. 10–11.
38. Зоркальцев В.И. Политрук Клочков поберег бы людей // Правда. 21 апреля 1994. С. 1–2.
39. Философы России XIX–XX столетий. Биографии. Идеи. Труды. 2-ое изд. М., 1995. С. 644–645.
40. Шохина В. Дети победителей. К 30-летию СМОГа // Независимая газета. 14 апреля 1995. С. 8.
41. Чанышев Арсений Николаевич // Волшебная гора (альманах). 1995. № III. С. 319–322.
42. Егоров А. Арсений Чанышев // Край Смоленский. 1995. № 11–12. С. 92.
43. Кувакин В. Гуманизм — это ответ? // Здравый смысл. Журнал скептиков, оптимистов и гуманистов. 1996. № 1. С. 48.
44. Арсений Прохожий. Воспоминания // Новое литературное обозрение. 1996. № 20. С. 261–267.
45. Поликовская Л. Мы предчувствие... Предтеча... Площадь Маяковского 1958–1965. М., 1997. С. 46, 386.
46. Дёмин В. Русский космос — счёт на тысячелетия // Возрождение. 1997. № 2. С. 15.
47. Войтович Т. Арсений Прохожий (Чанышев Арсений Николаевич) // Московский университет. 1997. Июль. № 12. С. 5.
48. Максимов В. Вечер памяти поэтов // Московский университет. 1997. Ноябрь. Декабрь. № 20. С. 7.
49. Аноним. О терроре (3) // Возрождение. 1997. Март. № 3. С. 3.
50. Аноним. О терроре // Возрождение. 1997. Ноябрь № 11. С. 3.
51. /Скурлатов В./ Граждане, послушайте меня!... // Возрождение. 1997. Ноябрь. № 11. С. 5.
52. Преамбула редактора к статье: Арсений Чанышев. Трудный опыт демократии // Возрождение. 1997. Ноябрь. № 11. С. 5.
53. Примечания к: Арсений Чанышев. Декларация антитоталитариев // Возрождение. 1998. Март. № 1 (45). С. 5.
54. Антонова И., Акулова Т., Тимохин А. «Орфей» — 97 // Московский университет. 1998. Март. № 4. С. 7.

55. Редакционная. «Корова гордая пасется...» // Московский университет. 1998. Апрель № 6. С. 6.
56. Παιδεία. Twentieth World Congress of Philosophy. Program. Boston, Massachusetts USA. 10–16 August, 1998. P. 59.
57. Владлен Алексеев со товарищи. Сам издал «88–98». М., 1998. С. 60, 99.
58. Рябинин Ю. Он не махал — он дирижировал. Фестиваль «Сам издал 88–89». Музей В.В. Маяковского // Вечерний клуб. 1998. № 32. С. 4.
59. Отчеты Экспертных Советов по итогам НИР по грантам, выделенным МОПО РФ в конкурсе 1995 года по фундаментальным исследованиям в области гуманитарных наук // Министерство общего и профессионального образования Российской Федерации. Уральский государственный университет им. А. М. Горького. Конкурсный центр по фундаментальным исследованиям в области гуманитарных наук. Бюллетень № 4. Научные проекты по фундаментальным исследованиям в области гуманитарных наук (анализ результатов конкурсов 1995 и 1997 гг. Екатеринбург. 1998. С. 6.
60. Живаев С. Арсений Прохожий — на чёрта похожий... // Настоящее время. Декабрь 1998. С. 13
61. Живаев С. Возвращаясь к напечатанному // Настоящее время. 1999. Февраль-март. С. 32.
62. Пермаков К. Вопросы этики офицера в трудах В.И. Ленина // Ульяновская правда. 1999. № 138. С. 3. (18 августа 1999).
63. Скурлатов В.И. О терроре // Среда обитания. 1999. № 7 (февраль). С. 4.

25 ИЮЛЯ 2000

Послесловие

Прошли годы, как не стало Арсения Николаевича, и ничего не изменилось. Тело Арсения упокоилось у подножья свалки на Долгопрудненском кладбище и на его небольшом, двухметровом пространстве догнивает возложенный от имени философского факультета МГУ дежурный венок с надписью: «Профессору Чанышеву Арсению Николаевичу от коллектива кафедры истории философии». Все произошло, как и предсказал Арсений Прохожий. В этом сборнике-памяти представлены в основном материалы, до того не опубликованные. Они разные, эти осколки великого мыслителя 20 века.

Как обидно, что литературное и философское наследие таких людей часто растворяется, исчезает. Растворяется без остатка – это лучше. Исчезает, но возрождается метафизически в другой форме. Чтобы в тумане небытия проснуться, и снова понять, какой великий и простой, нужный и ненужный, опередивший свое время человек и пришедший из небытия, умница, честнейший из честнейших лохов растворился навечно в нас.

В комнате на Кржижановского: Поэтесса Н.Семенова, Е.Чанышева, А.Н.Чанышев, поэт А.Пчелин и кошка Моника

Содержание книги А.Н.Чанышева
«Моя жизнь (воспоминания лоха)»

1. Краткая биография.....	3
2. Татьяна Кайсарова. «Слово о А.Н.ЧАНЫШЕВЕ: Он философ потому, что поэт».....	4
3. МОЯ ЖИЗНЬ среди расстреливающих и расстреливаемых	8
4. Первое сорокалетие. Путь к себе. Годы скитаний (1926-1934).....	16
5. МГУ.....	30
6. БОГ.....	64
7. Ельциниада.....	81
8. Экзамен (рассказ).....	87
9. Дырокол (рассказ).....	91
10. Свадьба (правдивый рассказ).....	97
11. Любовь (назидательный рассказ).....	110
12. Литературные мелочи.....	113
13. Еще одна фальшивка?.....	125
14. Привилегии.....	128
15. Философия в Московском университете.....	132
16. Мыслята.....	145
17. Пифагор (комедия идей).....	154
18. Трактат о Небытии.....	195
19. Отчет о Бостоне.....	204
20. Н.С.Розов. Философия Небытия: новый подъем метафизики или старый тупик мышления?.....	207
21.	
Послесловие.....	232
Содержание.....	233

ЛИТЕРАТУРНЫЕ НОВОСТИ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК
СОДРУЖЕСТВА СОЮЗОВ ПИСАТЕЛЕЙ,
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ МОСКВЫ
И МОСКОВСКОЙ НЕЗАВИСИМОЙ
АССОЦИАЦИИ "АПРЕЛЬ"

г.МОСКВА, ЦЕНТР, ПУШКИНСКАЯ, 26 т.292-41-74

СЛУЖЕБНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ

Предъявитель сего профессор Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, член редакционной коллегии еженедельника "Литературные новости"

ЧАНЫШЕВ Арсений Николаевич

направляется в Абхазию в качестве специального корреспондента нашей газеты.

Просим все заинтересованные организации оказывать ему содействие в сборе объективной информации.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКА "ЛИТЕРАТУРНЫЕ НОВОСТИ"

Э. Ф. Иодковский / Э. Ф. Иодковский /

9 августа 1993 г.

